ВЕРХНЕ-
ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЯРОСЛАВЛЬ
1971

Н. БЕСПАЛОВ

ЖУРОВ

ПАМЯТНИКИ ИСКУССТВА XVI – НАЧАЛА XIX ВЕКА

ОЧЕРК

Предисловие

Среди городов Владимирской земли одним из древних является Муром, богатый событиями более чем тысячелетней истории, известный памятниками древнего национального зодчества, произведениями живописи, прикладного искусства, древнерусской литературы.

В результате стихийных бедствий, в многовековой борьбе с нашествиями врагов, в разорительных междоусобных войнах безвозвратно утрачены сооружения IX—XV веков, сохранилось лишь незначительное количество произведений живописи, литературы и прикладного искусства XVI века. Однако знание об известной интенсивности жизни в Муроме в XI—XV веках, его общении с Рязанью, Ростовом, Владимиром, Москвой, городами, в которых сохранилось значительное количество памятников культуры, относящихся к этому времени, дает некоторые основания для предположений о том, что на территории города под толщами культурного слоя хранятся остатки каменных зданий, погибших при обороне восточной границы русского государства. Сохранившиеся памятники архитектуры XVI—XVII веков, в том числе уникальное творение национального зодчества бывш. Старая Козьмодемьянская церковь (XVI в.), Спасо-Преображенский собор (XVI в.), комплексы Троицкого, Благовещенского монастырей (XVII в.), Введенская и Воскресенская церкви (XVII в.), а также великолепные сооружения XVIII и XIX столетий создали славу о Муроме как об одном из красивейших русских городов.

Особенно высокого расцвета достигло искусство в Муроме в XVI—XVII вв., когда, по меткому выражению Грабаря, «муромские мастера — муроли, воспитанные на московском «государевом деле», славились своим искусством. Они схватили всю декоративность московских форм и развили ее до степени прихотливого узора...

Муромские храмы по характеру своей «узорочности» могут составить особую группу, из ряда вон выходящая «узорочность» разрушившегося

храма Козьмы и Демьяна (XVI в.) трактует какие-то средневековые мотивы арочных переплетений на верхе храма».

Богатейшие коллекции живописи, прикладного искусства, летописных материалов всегда привлекали к Мурому археологов, историков искусства, любителей живописи и русской словесности.

Выдающимися произведениями древнерусской литературы XV—XVI вв., созданными на муромской земле, являются «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть об Ульянии Осорьиной», «Сказание о Марфе и Марии», «Житие Константина и чад его Михаила и Феодора» и другие.

В Оружейной палате Московского Кремля сохранилось значительное количество серебряных изделий муромского «самопальных и бронных дел мастера» Никиты Давыдова.

Богатейшее наследие оставил выдающийся иконописец XVII—XVIII вв. А. И. Казанцев, создавший целую серию высокохудожественных произведений.

На славной Муромской земле нашел благодатную почву былинный эпос, в котором одной из лучших является былина об Илье Муромце.

Муромцы вписали много славных страниц в историю нашего государства.

Будучи пограничным городом, Муром не раз отражал набеги татарских ханов.

Муромская дружина во главе с князем Андреем вместе с ярославской была в числе авангардных войск Дмитрия Донского и оказала решающее влияние на исход Куликовской битвы 1380 г.

Исход битвы под Казанью в 1552 г. решила также муромская дружина:

Войну победою казанцы бы решили,
Когда бы муромцы не поспешили.
Сии вонтели, как твердая стена,
Котора из мечей единых сложена,
Летят, стесняют, жмут, ордынцев разделяют;
Жар множат во своих, в казанцах утоляют,
Как прах развеяли толпы врагов своих,
Прогнали: брани огнь с сея страны утих.

Так писал в XVIII веке поэт М. М. Херасков о подвиге муромцев.

Вместе со всем русским народом жители города принимали активное участие в крестьянском движении против феодалов и в борьбе с иностранными интервентами.

Так, посадский Илья Горчаков (Илейко Муромец) на помощь Ивану Болотникову привел донских и терских казаков. Восстание жителей города в 1609 году помогло очистить от тушинцев не только Муром, но и Владимир и Касимов.

Вид города со стороны Оки в XVII в. (по Олеарию)

В 1611 и 1612 гг. муромцы вместе со всем русским народом участвовали в освобождении Москвы от поляков.

Славный боевой путь прошел Муромский пехотный полк. В 1787 г. полк под руководством А. В. Суворова решил победный исход сражения в разгроме турецкого десанта под Кинбурном. Дважды, в 1760 и 1813 гг., победным маршем полк входил в Берлин, а в 1815 г. — в Париж.

Мужество и отвагу проявил Муромский полк в бою за овладение Семеновскими флешами в Бородинском сражении. За участие в героической обороне Севастополя в 1854—1855 гг. он награжден Георгиевскими знаменами.

Муромская земля дала миру целую плеяду изобретателей, ученых, художников. Среди них Калистрат Осорьин (Дружина) — автор «Повести об Ульянии Осорьиной»; Никита Давыдов — первоклассный «самопальных и бронных дел мастер» XVII в., считающийся отцом русского оружейного дела; ученые И. М. Губкин — основоположник советской нефтяной геологии; И. Д. Зворыкин — изобретатель быстроходной льнопрядильной машины; К. А. Зворыкин — один из основоположников науки о резании металлов и технологии мукомольного производства; Н. А. Зворыкин — магистр математических наук, ученик А. Г. Столетова; В. К. Зворыкин — изобретатель телевидения; В. И. Жадин — известный зоолог, доктор биологических наук, профессор; И. Н. Назаров — видный советский химик-органик, дважды лауреат Государственной премии; А. Н. Рябинин — профессор, специалист по ископаемым позвоночным; Н. И. Курсанов — крупный химик; Л. И. Курсанов — видный советский ботаник; художники А. И. Казанцев, М. В. Дьяконов, И. С. Куликов, С. П. Соколов.

На Муромской земле родилась Н. О. Ганнибал — мать великого русского поэта А. С. Пушкина.

Юные годы провел в Муроме легендарный летчик Герой Советского Союза Н. Ф. Гастелло.

Не случаен интерес различных деятелей русского государства к истории и архитектуре Мурома. В Муроме дважды был Иван Грозный, Петр I, А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов, А. Н. Радищев и Н. А. Некрасов, И. А. Крылов и Г. Р. Державин, К. М. Станюкович и А. М. Горький. В Муроме работал видный деятель социал-демократического движения М. И. Лакин, здесь неоднократно выступал один из старейших участников революционного движения в России Е. М. Ярославский. 30 апреля 1919 года на митинге в Муромских железнодорожных мастерских выступал ближайший соратник В. И. Ленина М. И. Калинин.

В богатейшей культуре древнего Мурома запечатлена творческая одаренность русского народа, сумевшего в борьбе с татарским игом, в условиях феодальной эксплуатации и ограниченности религиозного мышления создать величайшие произведения архитектуры, живописи, прикладного искусства и литературы.

Значительное количество сохранившихся зданий, представляющих художественный интерес, поставлено на учет как памятники русского национального зодчества и охраняются государством. В Муромском краеведческом музее сосредоточены богатейшие коллекции древнерусской живописи, произведений прикладного искусства и литературы.

Расположенный в живописной местности на высоком берегу Оки, Муром всегда привлекал внимание и знатоков русского национального зодчества, и любителей живописи, и специалистов древней русской литературы и фольклора, находивших здесь интересующие их материалы, обогащавшихся необходимыми знаниями.

СТРАНИЦЫ

ИСТОРИИ

В преданиях «Повести временных лет» об истории русского государства вместе с Новгородом, Полоцком, Ростовом упоминается и город Муром: «...в лето 6370 (862)... И по тем городом... перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьсте кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома...»

Однако, как показывают археологические данные, территория города была заселена значительно раньше этого времени. Уже в VI—VII веках здесь было расположено так называемое Николонабережное селище угрофинского племени мурома с военным убежищем на кремлевской горе, форпост борьбы с волжскими болгарами.

Со временем на территории города стали селиться русские ремесленники.

Киевская Русь, распространяя свои владения на востоке, в 964—985 гг. сломила сопротивление волжских болгар, обеспечив мирную жизнь на муромских землях. Договор Владимира Святославовича с волжскими болгарами, заключенный в 1006 году, который предоставил право торговли болгарским купцам на территории Мурома, ставшего к этому времени главным русским городом на Оке, создал предпосылки для развития гончарного, кузнечного, медеобрабатывающего, косторезного и других ремесел.

В XI веке Муром славился обширной торговлей и богатством. По Оке и Волге сюда на летнюю ярмарку стекались товары не только из Новгорода, Смоленска, Киева и Чернигова, но и из Крыма и от волжских болгар.

Продавались разнообразные товары: хлеб, воск, мед, рыба, икра, мех, ковры, кушаки, шелк, жемчуг, юфть.

Не случайно поэтому в 1867 году на территории города был обнаружен один из самых крупных кладов арабских монет весом в 42 кг.

В 988 году великий князь Владимир отдал Муром младшему сыну Глебу.

После смерти Ярослава Мудрого (1054) Муромские земли вошли в состав владений Святослава Черниговского.

Вскоре за право управлять Муромскими землями развернулась ожесточенная борьба между сыном Владимира Мономаха Изяславом и черниговским князем Олегом, который в 1096 году одержал победу над Изяславом. Муромские горожане признали князем сначала Олега, а затем его брата Ярослава Святославовича (1097—1129).

К началу XII столетия Муром стал центром независимого от Чернигова Муромо-Рязанского княжества, территория которого простиралась от Муромской округи на востоке до низовьев Москвы-реки на западе и обширных земель к югу от Оки.

На территории княжества находилось много городов, в том числе Рязань, Пронск, Ростовль, Коломна. В этих городах велась торговля, процветали различные ремесла.

Приблизительно в то время началась и христианизация Муромского края. Однако жители города не сразу приняли христианство, поэтому муромский князь Глеб поселился вблизи города на территории будущего Спасского монастыря, где он сделал укрепления и выстроил двор.

По летописным источникам Спасский монастырь впервые упоминается под 1096 годом.

К сожалению, до нас не дошло ни одной постройки этого времени ни на территории «старого выпнего городища», ни на территории кремля, ни на территории Спасского монастыря. Часть из этих сооружений, как можно предполагать по найденным обломкам белокаменных колонн и капителей при реставрации Богородицкого собора в 1873 г., относится к XII веку.

На основании этого можно сделать вывод о том, что некоторые здания были белокаменными.

В середине XII века в итоге междоусобицы между Ярославичами Муромо-Рязанское княжество разделилось на два, в связи с чем Мурому пришлось искать сильных покровителей в лице владимирских князей.

В 1237 году из-за предательства великого князя владимирского Георгия Муром, а также Рязань, Пронск были разгромлены Батыем. Через два года Батый вновь подверг Муром разгрому. «Обеспамятствовавшие жители, — сообщает летопись, — не могли нигде найти безопасность: матери плакали о детях, перед их глазами растоптанных конями татарскими; живые завидовали спокойствию мертвых». После этого татары неоднократно подвергали опустошению Муром и окрестности.

Так, в 1257 году после разгрома города селения в окрестностях Мурома были отданы на откуп восточным купцам, отличавшимся корыстолюбием и жестокостью.

После погромов 1281, 1288 и 1293 гг. уцелевшие жители Мурома покинули сожженный и разрушенный город и поселились в районе так называемого Чаадаевского городка, к северу от Мурома по направлению к селу Борисоглебу.

Возобновление жизни на территории города связано с именем князя Юрия Ярославича, возвратившегося в Муром с боярами, купцами и посадскими людьми в 1351 году.

В 1355 году сподвижник муромского князя Юрия Ярославича князь Федор Глебович занял Муром и отправился в Орду за грамотой к хану Чанибеку, выдавшему Федору ярлык на княжение.

В результате раздоров между муромскими князьями, как отмечает Карамзин, «род оных пресекся и столица города Мурома, присоединенная к великому княжению, уже управлялась наместниками московскими».

Татаро-монгольское иго не убило в русском народе чувства национального достоинства.

В 1380 году войска Димитрия Донского разгромили татаро-монгольские орды в Куликовской битве. В этой битве муромская дружина во главе с последним муромским князем Андреем своим смертельным ударом в критический момент оказала решающее влияние на исход битвы и на победу русского войска. Как говорит летопись, «одних муромских бояр полегло до 20 человек».

В 1392 году Муромское княжество было присоединено к Московскому вместе с Нижегородским княжеством, Мещерой и Тарусой.

Это усилило стратегическое значение Мурома как форпоста на восточной границе русского государства, как одного из важнейших стратегических пунктов в борьбе с казанскими ханами.

В 1408 году татарское войско во главе с князем Эдигеем вновь разрушило Муром, Владимир, Переславль, Ростов. Церкви и монастыри были разграблены, большинство жителей истреблено. «Счастлив был тот, кто мог спастися бегством, — говорит летопись, — жители падали ниц на землю перед варварами и в этом положении не смели шевелиться, ждали судьбы своей, и монголы отсекали им головы или стреляли по них, как будто для забавы».

Великий князь Василий Васильевич (Василий Темный), к которому Муром перешел по духовному завещанию великого князя Василия Дмитриевича в 1425 году, возобновил крепость, сделав ее неприступной, но, как пишет Карамзин, при нападении казанского царя Улу Махмета в 1445 году «твердость дубовых стен ее уступила многочисленности неприятеля: царь взял приступом крепость и поселился в Муроме», хотя в том же году и был изгнан из города.

29 сентября 1458 года городская крепость и весь кремль вновь выгорели дотла.

Великий князь Иван III укрепил крепостные стены в городе. При

нем в 1480 году Русь фактически освободилась от татаро-монгольского ига, тяготевшего над Русью почти три столетия, хотя вплоть до взятия Казани Иваном Грозным в 1552 году татары неоднократно нападали на Муром.

В 1538 году, как сказано в летописи, Сафа-Гирей «царь Казанский же, яко змий вынырнув из хврастия» (хвороста), вновь подступил к Мурому, сжег предместье, но не мог взять самого города: граждане, затворясь в крепости, оборонялись крепко, отражая неприятеля из пушек и пищалей, и вскоре под натиском войск князя Дмитрия Бельского татары отступили.

В 1539 году казанцы вновь появились в муромских и нижегородских землях. Один из летописцев, сравнивая то время с Батыевым, говорит: «Батый протек молниею русскую землю, казанцы же не выходили из ее пределов и лили кровь христиан как воду. Обратив монастыри в пепел, неверные жили и спали в церквах, пили из св. сосудов, сыпали горящие уголья в сапоги монахам и заставляли их плясать».

В течение трех столетий Муром неоднократно сжигался дотла, жители города либо были истреблены, либо уведены в плен, и только благодаря неистребимому духу народа, его постоянному стремлению к творческому созиданию город пережил все невзгоды, выстоял все стихии.

Несмотря на то, что границы Русского государства в XVI столетии значительно продвинулись на восток, казанские ханы постоянно угрожали русским городам.

Строительство города Васильсурска в 1523 году в устье реки Суры при впадении в Волгу закрепило границу Русского государства на расстоянии 150 км от Казани.

После неудачного похода на Казань в 1549 году Иван Грозный принял решение захватить ее и возвратить земли Поволжья и реку Волгу их исконному владельцу — русскому народу. Небезынтересно знать, что решающее значение сыграла муромская рать в битве под Казанью в 1552 году, когда многочисленное войско Ивана Грозного дрогнуло от неожиданной вылазки татар. «Казанцы еще не уступали своих трофеев, — пишет Карамзин, — но явились муромцы, дети боярские, стародавним племенем и доблестью: ударили, сломили неприятеля, втиснули в ров. Победа решилась...»

Взятием Астрахани в 1556 году завершилось освобождение русских земель от татарского ига, после чего начался быстрый расцвет культуры, искусства, материального благосостояния государства.

Муром потерял значение форпоста русского государства на восточной границе и получил возможность для мирного развития.

С утверждением централизованного русского государства после полного освобождения от татаро-монгольского ига Муром зажил полнокровной жизнью, залечивая раны, нанесенные войнами, пожарами, голодом и

болезнями. После долгого перерыва, длившегося около трех столетий, возобновилась муромская ярмарка.

В честь победы над Казанью в Муроме были созданы высокохудожественные произведения русского национального зодчества — Преображенская церковь Спасского монастыря, Благовещенская церковь; зодчими Бармой и Посником, строителями церкви Василия Блаженного в Москве в 1565 г., выстроена также одношатровая Козьмодемьянская церковь.

По образцу владимирского Успенского собора в XVI веке строится Богородицкий собор в кремле, Николо-Зарядская церковь и другие сооружения, большинство из которых до нашего времени не сохранилось.

Однако есть основания предполагать, что каменное строительство на территории города было, по всей видимости, и в значительно ранний исторический период — в XI—XII столетиях.

К сожалению, сегодня из-за отсутствия достаточных данных невозможно представить себе город XI—XII вв. Это время ждет тщательных изысканий, которые помогли бы узнать планировку бывшей столицы Муромо-Рязанского княжества. Некоторые сопоставления со Старой Рязанью, входившей в это княжество, то, что епископ Муромо-Рязанской епархии находился в Муроме, а также обнаруженные в 1873 г. при реставрации Богородицкого собора обломки белокаменных колонн и капителей, относящихся, по определению губернского архитектора Артлебена, к XII веку, подтверждают мысль, что на территории города начало каменного строительства можно отнести к XI—XII векам и, по всей видимости, по своим формам архитектура была близка к архитектуре Старой Рязани.

Существование собора, построенного около 1170 года муромским князем Юрием Владимировичем, подтверждается историком Голубинским, который отмечает, что «неназываемая по имени церковь в Муроме, которую создал муромский князь Юрий Владимирович, умерший в 1174 году, вероятно, есть та церковь Рождества Богородицы, которая является ныне Муромским собором».

Известно также, что рядом с Богородицким собором в XIV веке стоял «старый храм св. страстотерпцев Бориса и Глеба», отремонтированный Юрием Ярославичем приблизительно в 1345 г.

Следует продолжить исследования, которые бы в полной мере могли подтвердить мысль о более раннем периоде каменного строительства в Муроме и, по возможности, восстановить планировочную структуру и архитектурный образ древнего Мурома.

АРХИТЕКТУРНЫЕ

ПАМЯТНИКИ

XVI ВЕКА

В середине XVI века в связи с укреплением границ русского государства создались предпосылки для развития производительных сил. На пепелищах русских городов началось сооружение культовых и гражданских зданий, обновление крепостных стен. Широкое развитие получили торговля и связанные с ней ремесла.

В Москве, Владимире, Ярославле, Ростове, Суздале, Коломне, Муроме и других городах в это время строятся великолепные сооружения, отражающие определенную эпоху развития русского государства, когда после нескольких веков татарского ига возродилось высокое чувство русского самосознания и национального достоинства.

За короткий промежуток времени была создана своеобразная архитектура XVI века, которая вошла в сокровищницу русского национального зодчества как одна из лучших страниц, отражающих талантливость русского народа, сумевшего в тяжелых условиях татарского ига сохранить свою самобытность.

Большая часть сооружений XVI века отличается ясностью архитектурной композиции, простотой форм, монументальностью. Творения эти поражают до сих пор неповторимостью своих форм и высоким уровнем инженерного искусства.

Церкви Вознесения в Коломенском, Василия Блаженного в Москве, Преображения в Острове, Козьмодемьянская в Муроме считались дивными в то время и изумляют наших современников.

Наиболее древнее описание застройки Мурома относится к XVI веку. Известны 3 документа, позволяющих восстановить планировочную структуру и застройку города этого времени: «Сказание о городе Муроме» (XVI в.), «Опись Батурлина» (1556), «Опись Шемилова» (1574).

По описи Батурлина, в городе насчитывалось 738 домов, кроме боярских, монастырских и других беломестных, 315 различного рода торго-

вых мест: лавок, амбаров, ларей и прочее. Все это говорит о том, что в Муроме была развита торговля.

Торговля была развита и в близлежащих городах, а также в Москве, Владимире, Нижнем Новгороде и других.

В XVI веке жители Мурома занимались ремеслами: кожевенным, скорняжным, гончарным, калачным, швейным, красильным, хлебопечным, серебряным, солодовенным, рыболовным, маслобойным, плотничьим, кирпичным.

Вдоль берега реки были расположены слободы государевых мережников, соколиных охотников, пищальная и прочие.

Вдоль всего берега реки от Ямской слободы до Бучихи тянулась Береговая улица протяженностью более 3,5 км, имевшая на различных участках различные названия: Ямская, Мережная, Городская (около городской крепости), Козьмодемьянская, Подокстовская.

Здесь находились деревянные церкви: Иоанна Милостивого и Ильи Пророка.

К сожалению, от этой улицы, где была сосредоточена жизнь города в XVI веке, до нашего времени не сохранилось каких-либо сооружений, так как она находилась в паводковой, затопляемой, зоне Оки и с течением времени была смыта.

В описи названо 24 улицы. Среди них — Мытная Большая, Калачная, Пушкарская, Гостиная, Ямская, Неводова, Успенская, Спасская Большая, Козьмодемьянская, Ивановская, Дмитриевская, Воздвиженская и другие.

Там же есть и такая запись: «...лавка торгового человека Семена Попяткина находилась позади рыбного ряду во рву, против городовой, наугольной стрельни». Она названа острожком, потому, что здесь платили острожные подати.

В той же описи упоминается, что из «4 дворов государевых хотя и был один для приезда царского на береговой улице — Мережною называемой, состоявшей между церквами Ильинской и Николо-Набережецкой, но оный был столь ветх, что хоромы, горница и повалуша к проживанию были не способны, тоже как и дом епископа Рязанского — в Успенской улице».

Кроме того, было известно три деревянных моста, пересекающих ручьи оврагов: Ямской, Беседский, Николо-Набережецкий, которые почти в прежних конструкциях дошли до нашего времени.

Жители тогда отличались искусством выпечки хлебных изделий, и в особенности калачей, которыми город славился и в дальнейшем.

Летопись упоминает целый ряд фамилий жителей, потомки которых проживают в настоящее время: Емельянов, Мартынов, Третьяков, Кожевников, Овчинников, Серебряников, Железников, Масленников, Гундобин, Бибин, Усов, Кушельников и другие.

В описи Батурлина отмечены некоторые известные места, в том числе «зимний мыт» (таможня), «курганы» и «казенный гостиный двор с 17 лавками», слободы — Спасская-Кудринская вблизи Спасского монастыря, Нищальная вблизи Николо-Набережной церкви, «государственных мережников», «соколиных охотников», а также горы Дятлова, Богатырева, Сколкова, Хозяева.

Богородицкий собор

Несмотря на то, что по описям Батурлина и Шешилова не представляется возможным восстановить точный план города, можно сделать предположение, что в середине XVI века часть города, примыкавшая к реке, была густо населена. Среди деревянных строений вдоль высокого берега реки возвышались замечательные каменные церкви, поражавшие строгостью архитектурных форм, четкостью конструктивных решений. Время не пощадило многие из них. Погибла и Благовещенская церковь, построенная Иваном Грозным в 1553 году. Она простояла менее 100 лет. Об этой церкви можно судить лишь по сохранившейся цокольной части. Полузаросший в землю строгий белокаменный портал цокольной части, крупные и четкие детали существенным образом отличаются от архитектурных деталей церкви XVII века, появившихся после перестройки здания в 1664 году.

Не дошла до нашего времени и Никола-Можайская церковь XVI века, которая после пожара в начале XVII века была разобрана.

Несколько десятилетий назад погибло здание Богородицкого собора, выстроенного по указанию Ивана Грозного в 1552—1555 гг. Об архитектуре этого величественного сооружения можно судить по сохранившимся фотографиям и гравюрам. В архитектуре Богородицкого собора в Муроме очень много деталей владимирского Успенского собора, много общего и в композиции обоих зданий.

Его местоположение в центральной части кремля, являющейся композиционным центром всего города, величественные и строгие пропорции, запоминающийся силуэт ставили Богородицкий собор в число лучших архитектурных сооружений Мурома.

Уже в 1637 году, судя по описи Бартенева, собор находился в ветхом состоянии, «своды расселись до паперти». После ремонта кровли три главы его были заменены пятью, что в то время стало любимым декоративным приемом русской архитектуры.

В 1873 году под руководством владимирского губернского архитектора Артлебена собор был реставрирован.

Если здания древнего Мурома до татаро-монгольского нашествия раз-

Богородицкий собор

рушали войны и пожары, то причина разрушений в XVI в. кроется, по всей видимости, в том, что, во-первых, не были известны просадочные свойства макропористых грунтов, распространенных в прибрежной части, и, во-вторых, во время татаро-монгольского ига было утеряно искусство строителей. Последнее подтверждает и история строительства Успенского собора в Московском Кремле. Возведенный московскими мастерами Кривцовым и Мышкиным до сводов, в 1474 году собор обрушился оттого, что «не крепко дело», как замечает летописец.

По приглашению Ивана III в Москву приехали итальянские архитекторы, среди них Аристотель Фиораванти, Пьетро Антонио Соларио и другие.

ОРЛОВСКАЯ СЕЛЬСКАЯ библиотека

Итальянцы научили обжигу кирпича и применению металлических связей, помогли восстановить славу русского строительного искусства XII—XIII веков.

Спасский монастырь

Спасский монастырь — один из древних на территории города — впервые упоминается в летописи под 1096 годом, когда сын Святослава Черниговского Олег во время осады Мурома убил сына Владимира Мономаха князя Изяслава и «горожане вземше Изяслава, положиша и в монастыри Святого Спаса».

Расположенный на почти отвесном берегу Оки на юго-восточной окраине города, называвшейся Кудринской слободой (или сельцом Кудринским), «Спасский, что на бору» монастырь был одним из оборонительных форпостов на подступах к городу. По преданию, он возник на месте укрепленного двора первого муромского князя Глеба — сына Владимира, выстроившего деревянную церковь Всемилостивого Спаса.

Спасо-Преображенский собор

Среди дошедших до нашего времени сооружений монастыря, построенных в XVI—XIX столетиях, особого внимания заслуживает Спасо-Преображенский собор, воздвигнутый, по преданию, на средства Ивана Грозного после победы над Казанью в 1552 году на месте древней деревянной церкви Спаса.

Однако каких-либо документальных подтверждений участия Ивана Грозного в строительстве собора не имеется, хотя в описи Киреевского, проведенной в 1624 году, отмечается, что «монастырь и церкви и образы и свечи и книги и ризы и колокола и все монастырское строение Государево».

Несмотря на то, что архитектура собора XVI века в значительной мере пострадала при пристройке в 1839 году и ремонтных работах, проведенных во время реставрации в конце XIX века, вновь восстановлено большинство архитектурных деталей XVI века, в связи с чем Преображенский собор сохраняет в основном первоначальные архитектурные формы.

Подобно Богородицкому Преображенский собор пятиглавый, четырехстолпный, одноэтажный. В связи с тем, что Спасский монастырь имел значение крепости на подступах к Мурому, архитектура собора очень строга и монументальна, детали лаконичны и четки. Существующие главы имеют несколько своеобразный силуэт: на вершинах куполов вкомпонова-

Спасо-Преображенский собор

Спасо-Преображенский собор. Портал

ны луковичные главы, характерные для XVII века. Никакой сложности не представляет восстановить покрытие куполов XVI века, придав им шлемовидную форму. Фактически в настоящее время здание Преображенского собора бывш. Спасского монастыря — единственное из полностью сохранившихся монументальных сооружений XVI века в Муроме, так как большинство сооружений того времени утеряно безвозвратно (Благовещенский, Богородицкий соборы, Николо-Можайская церковь и другие), а старая Козьмодемьянская церковь почти 100 лет (с 1868 г.) находится в полуразрушенном состоянии.

Почти кубическое в объеме и квадратное в плане, размещенное в геометрическом центре монастыря на пересечении продольной и поперечных осей здание Спасо-Преображенского собора отличается суровой простотой и лаконичностью архитектурных форм.

Плоскими пилястрами западный, южный и северный фасады разделены на три части, подчеркивающие членение внутреннего пространства, разделенного четырьмя квадратными столбами на 3 нефа.

Полуциркульные закомары в виде кокошников опираются на широкую ленту карниза, состоящего из нескольких рядов кирпича, поставленного на ребро.

Здание собора завершается пятиглавием, барабаны которого опираются на килевидные кокошники, и карнизом из двойного ряда кирпичных зубчиков. В барабанах прорезаны щелевидные окна, освещающие внутреннее пространство храма.

Несмотря на то, что луковичные главы XVII века несколько искажают первоначальную архитектуру здания, барабаны которого были перекрыты, по всей видимости, шлемовидными куполами, Спасо-Преображенский собор не утратил своей монументальности и некоторой суровости, так как подобно большинству культовых зданий XVI века собор выполнял функции крепостного здания, являвшегося во время осады местом хранения ценностей и убежищем для жителей.

Покровская церковь

С северной стороны собора расположена Покровская церковь монастыря, построенная в 1691 году на средства митрополита Варсанофия, из рода помещиков Чертковых, проживавших близ Мурома. Покровская церковь теплая, двухэтажная, одноглавая.

В трапезной, расположенной на втором этаже, коробовые своды с распалубками опираются на восьмигранный столб, смещенный с оси в северном направлении, что отражается и на западном фасаде, имеющем асимметричную композицию.

Несмотря на то, что Покровская церковь из-за перестроек потеряла первоначальный облик, утратила некоторые архитектурные детали, она и

сейчас вместе со Спасо-Преображенским собором и Настоятельским корпусом играет важную роль в ансамбле Спасского монастыря.

Покровская церковь необычна еще и тем, что она одновременно является одним из основных хозяйственных корпусов монастыря.

Так, из описи капитана Федора Сенявина, проведенной в 1763 году, известно, что «церковь каменная ж теплая Покрова Пресвятой Богородицы, в ней один престол, под оною церковью хлебня, поварня и кладовых три полатки».

Своей интимностью и простотой Покровская церковь подчеркивает монументальность и строгость стоящего рядом собора.

Покровская теплая трапезная церковь с трапезной на втором этаже имеет одностолпную палату. В отличие от других подобных зданий, выстроенных в Муроме, восьмигранный столб трапезной сдвинут с оси в северном направлении. Палата перекрыта коробовыми сводами с распалубками. Композиция западного фасада подчеркивает асимметричность плана.

В 1757 году вблизи западного фасада Покровской церкви вместо древней колокольни при Спасо-Преображенском соборе выстроена новая.

На обратной стороне 8 листа Вкладной книги Спасского монастыря XVII века подтверждается дата строительства Покровской церкви: «В нынешнем же в 199 (1691) году августа в... д. дана вкладная стольнику Василию Ивановичу Черткову, что впрошлом годеж вмуроме вспасове монастыре построил дядя ево родной блаженныя памяти преосвященный Варсонофий митрополит арский изадонский церковь божию каменную во имя покрова пресвятыя богородицы страпезою исподкеларнею испапертью сход каменной подтою церковью хлебня мукосейня хлебодарня поварня пекарня келья да втомже монастыре построены каменные палаты втех палатах пять житель теплин три сени сосоходы сход каменной другой сход вледник на верху тех палат чердаки деревянные а подтеми полати кладовая полата погреб да ледник а то церковное всякое вышеописанное строение стало 2150 р. да ризы изарабафтравчетой красной оплечья бархот черной золотной стихарь отлас зеленой оплечья золотное да книг устав треод цветная два ирмология цепа ризам и книгам тритцать восемь рублев».

Далее на 9 странице сообщается, что «да онже стольник Василей Иванович Чертков дал вспасов монастырь на церковное строение и на кресты три золотых».

По Вкладной книге можно также установить, что в 1701 году был проведен ремонт одной из глав церкви, за что плотникам заплачено три рубля.

«...И те деньги даны плотникам за работу делали вспасове монастыре на церкви божией главу».

Можно также установить, что в 1757 году построена колокольня. На

21 листе сообщается: «1757 года майя дня вмуромской спасов монастырь построенная каменная колокольня Муромским купцом Павлом Петровым сыном Самариным».

«В 1839 году... к Преображенской церкви пристроена на 12 аршинах паперть», а «в 1849 г. выстроены св. вороты. В 1850 г. Покровская верхняя холодная церковь переделана на теплую».

Отсюда видно также, что каменная ограда монастыря строилась с 1807 по 1810 г.

Так, например, «1807 г. 7 мая началась строиться каменная ограда вокруг монастыря... выкладено за одно лето 30 саж», «1807—1808 и 1810 гг. выведено 2 стены с сев. и зап. сторон и святые ворота 10 октября». «В 1841 г. в Преображенском соборе разделаны окна в новом виде».

Настоятельский корпус

С западной стороны собора расположен так называемый Настоятельский корпус (1687). Прямоугольное в плане двухэтажное кирпичное здание, несколько вытянутое в меридиональном направлении и выполненное в очень скромных архитектурных формах. Наличники из профилированного кирпича до предела просты. Архитектурная ценность Настоятельского корпуса заключается в том, что он — единственный из сохранившихся в городе гражданских зданий XVII века, позволяющих представить архитектуру жилых домов городской знати.

Спасский монастырь. Настоятельский корпус

Козьмодемьянская церковь

Одно из уникальных творений русского национального зодчества — старая Козьмодемьянская церковь (1556—1565).

Как известно, первой шатровой каменной церковью является сооруженная в 1532 году церковь Вознесения в селе Коломенском, которая открыла новый этап в истории русской архитектуры. Зодчие сумели применить псковскую конструкцию ступенчатых арок для перехода каменной кладки от четверика к восьмерику. В то же время церковь Вознесения в селе Коломенском аккумулировала в себе лучшие черты и приемы русского деревянного зодчества.

Как отмечается в «Истории русского искусства», по замыслу, декоративному убранству и оригинальности среди шатровых церквей XVI века одно из первых мест наряду с церквами Вознесения в Коломенском и Василия Блаженного в Москве занимает Козьмодемьянская в Муроме.

Ее создатели воздвигли высокохудожественный памятник-монумент, как бы олицетворяющий победу русского народа над татарами на восточной границе русского государства.

По сравнению с другими шатровыми церквами этого времени (церкви в Городне, в Беседах и другие) Козьмодемьянская церковь отличается лаконизмом и строгостью архитектурных форм и неповторимостью деталей, не встречающихся ни до, ни после ее построения: ребристый шатер, переплетающиеся килевидные арки восьмерика и другое. Как отмечает И. Грабарь в «Истории архитектуры» (т. 2, стр. 143), «из ряда вон выходящая «узорочность» разрушившегося храма Козьмы и Демьяна (XVI век) трактует какие-то средневековые мотивы арочных переплетений на верхе храма».

По преданию, Козьмодемьянская церковь выстроена на месте, где с 10 по 20 июля 1552 г. был разбит шатер Ивана Грозного перед вторым походом на Казань и откуда Грозный наблюдал за переправой русских войск через Оку. После победы над Казанью в благодарность за героическое участие муромской дружины царь повелел заложить церковь, на устройство которой было выделено 500 руб. и присланы мастера.

В то же время писцовая опись, составленная Б. Д. Бартеневым в 1637 г., указывает на то, что Козьмодемьянская церковь была «мирской», «посадской», выстроенной на средства посадских людей: «Да за городом же на посаде у Оки реки на берегу в Подокстовье монастырь девичий Козьмодемьянский, а на монастыре церковь каменная великих чудотворцев Козьмы и Демьяна...» И далее: «...а в церкви и в церквах образы, и свечи, и книги, и ризы, и колокола, и все строение мирское».

Поэтому, вероятнее всего, следует считать ее сооружением «мирским».

В 1555 году в Муроме была строительная артель, вызванная из Пскова «новый город Казань делати» во главе с Посником Яковлевым. Их путь лежал через Муром.

Козьмодемьянская церковь

Козьмодемьянская церковь
Южный портал

Участие Посника Яковлева в строительстве Козьмодемьянской церкви подтверждает то, что характерной особенностью ее, а также церкви Василия Блаженного в Москве и Благовещенского собора в Казани, создателем которых был Посник, является система «расчлененной тромпы» перехода от четверика к восьмерику. Вместо парусов, обычных для купольных зданий, здесь применены тромпы, расчлененные на два сводика с вертикальной стенкой между ними.

Подобно Рождественской церкви в Беседах, в основании Козьмодемьянской церкви — квадрат, наружная сторона которого равна 7 малым саженям [1], внутренняя сторона — 5, длина с абсидой равна диагонали квадрата четверика, или 10 малым саженям [2].

Как и большинство сооружений XVI века, фасады Козьмодемьянской церкви отличаются четкостью пропорций и лаконичностью форм.

Высота четверика равна 5 малым саженям, что соответствует внутренней стороне четверика.

---

[1] Малая сажень = 1,428 м.

[2] Некоторые неточности в размерах по главной оси и в толщине стен можно объяснить наклонным рельефом и различными размерами кирпича.

Фасады четверика разбиты пилястрами на три части, центральная часть имеет несколько больший размер. Пилястры плоские, без энтазиса, в основании имеют базу классического профиля, который продолжается в простенках между крайними пилястрами. Пилястры опираются на цоколь, расчлененный постаментами.

Четверик завершается карнизом, который состоит из двух полочек и выпущенного на угол ряда кирпича; карниз над пилястрами раскрепован.

С трех сторон четверика в центральных простенках устроены проемы, обрамленные арками, состоящими из трех рядов кирпича и завершенными килевидными архивольтами.

Внутри церковь освещалась тремя щелевыми окнами, одно из которых, расположенное с южной стороны, растесано.

Наружная сторона восьмерика декорирована 16 переплетенными кокошниками килевидной формы. Основание кокошника соответствует расстоянию по осям между средними пилястрами. В связи с тем, что у кокошников наклон внутрь, а поля кокошников имеют переломы, образуя углы 16-гранника, форма конструкции совершенна.

Внутренний переход от четверика к восьмерику осуществлен через тромпы, характерные для работы псковских мастеров и подобные тромпам центрального столпа церквей Василия Блаженного и Вознесения в Коломенском.

Примеров аналогичной обработки переплетающимися кокошниками в русской архитектуре мы не находим, хотя к этому близки приемы обработки шатров в церквах Богородицкой в Медведкове, Рождественской в Беседах, Преображенской в Острове.

Рисунок архивольта кокошника между пилястрами очень близок к рисунку архивольта в церкви Вознесения в Коломенском.

К сожалению, этот уникальный памятник дошел до нашего времени в полуразрушенном состоянии.

6 (18) апреля 1868 года шатер Козьмодемьянской церкви рухнул. Как сообщает «Календарь для всех» за 1869 год, «в 1868 году из гор. Мурома передают известие об обрушившемся там храме. Храм этот во имя бессребреников Козьмы и Демьяна обрушился 6-го апреля в 8 часов утра...но в этот день, когда она обрушилась, службы, к счастью, не было. Весь иконостас с древними иконами и деревянными под ним подсвечниками обрушившимся кирпичом завален совершенно. Также разбиты вдребезги три церковные входа, глава и крест не найдены, но алтарь каким-то непонятным случаем остался невредим. Во время катастрофы был страшный шум и треск; пыль и обломки кирпича долетали даже до реки Оки. Впрочем, при всем этом никого не убило и не зашибло».

Таким образом, простояв более трех столетий, Козьмодемьянская цер-

ковь в настоящее время. вот уже сто лет, находится в полуразрушенном состоянии.

На основании сохранившихся четверика и части восьмерика и имеющихся рисунков Зворыкина (1863), Груздева (1880), а также описания ученика 3-го класса Муромского уездного училища Валентина Смирнова, составленного 17 марта 1863 года, сделаны попытки составления проектов реставрации памятника.

Наиболее близким к рисунку Зворыкина является проект реставрации Н. Ф. Борщевского в 1908 г., который, однако, повторил некоторые графические ошибки рисунка. Заслуживают внимания проектное предложение по реставрации, выполненное в 1963 году архитектором Камаевым во Владимирской специальной проектно-реставрационной мастерской, а также исследовательские работы Н. Н. Воронина (1926—1929) и другие.

Сохранившаяся часть церкви отличается конструктивной простотой, чувствуется большой опыт ее создателя. Поэтому не случайно большинство специалистов считают, что сооружали церковь Барма и Посник, о которых летопись сообщает, что в 1555 году «дарова ему (царю) бог дву мастеров русских, по реклу Посника и Барму, а была премудрии и удобнии таковому чюдному делу».

Нельзя не отметить изящность и скульптурность сохранившейся части церкви.

Судя по имеющемуся иконографическому материалу — рисункам Груздева и Зворыкина — шатер с восьмериком и главки также отличались изяществом.

Вся верхняя часть Козьмодемьянской церкви представляла из себя тонкую филигранную резьбу по камню, начиная от шлемовидных переплетающихся ребер кокошников и кончая 16-гранным шатром, грани которого подобно лучам солнца ниспадали от небольшой главки на аллегорическое изображение в основании шатра воинов со стягами (ширинки второго яруса восьмерика).

В декоративной обработке стен характерные приемы XVI века: пилястры, опирающиеся на базы и несущие карниз, восьмерик, украшенный стрельчатыми арками, 16-гранный пояс с прямоугольными нишами и стремительно возвышающийся шатер с 16 гранями, в основании которых два ряда стрельчатых парусов, подобных парусам Воскресенской церкви XVI века с. Городин.

Можно надеяться, что в ближайшие годы будет проведена реставрация Козьмодемьянской церкви, которая займет надлежащее место в истории русского национального зодчества.

Короткий промежуток времени, продолжавшийся немногим более десятилетия (1552—1565), для Мурома был подлинно золотым.

Однако в результате моровой язвы в 1570 г. и голода в 70-е годы XVI века город вновь и надолго захирел. Жители, гонимые голодом, пожарами, своевольством городских правителей, которое особенно усилилось после учреждения Иваном Грозным опричнины, разошлись по окрестным деревням и селам.

Как подтверждает опись Шешилова 1574 года, на посаде осталось всего лишь 149 жителей, проживающих в 111 домах.

АРХИТЕКТУРНЫЕ

ПАМЯТНИКИ

XVII ВЕКА

Польско-литовская интервенция в начале XVII века надолго затормозила развитие города. Значительно пострадал Муром от шайки Лисовского в 1616 году, когда были разгромлены монастыри (особенно Благовещенский), разрушены и сожжены церкви Симеона Столпника и Никиты Мученика.

Только после разгрома поляков, в борьбе с которыми активное участие принимали жители города, к 30-м годам XVII столетия город сумел преодолеть разруху.

В результате организации общерусского национального рынка заметно вырос объем ремесленного производства.

Выдвинувшаяся торгово-промышленная верхушка из муромских жителей сумела собрать в своих руках значительные капиталы, позволившие вести торговлю с Москвой, Нижним Новгородом и другими городами.

Особое развитие получило кожевенное производство и металлообработка. Муромские кузнецы стали искуснейшими мастерами по художественной чеканке и по производству ружейных стволов, бердышей и копий.

В это время расцвело искусство муромского «самопальных и бронных дел мастера» Никиты Давыдова.

Его искусство до сих пор поражает самобытностью и высоким уровнем мастерства. Ни один посетитель не проходит мимо хранящихся в Оружейной палате парадного шлема царя Федора (1621) и «зерцала» для царя Алексея (1663).

Большая коллекция серебряных изделий, изумляющих высоким уровнем мастерства муромских «серебряников» (ювелиров), сохраняется в Муромском краеведческом музее.

К 30-м годам XVII века в описаниях иностранных путешественников

Муром отмечается как город значительный. Его состояние можно представить по описям Киреевского (1624) и Бартенева (1637).

По описям Киреевского и Бартенева можно в какой-то мере воссоздать планировочную структуру города, состоявшего из 2 частей: крепости и окружающего ее посада — характерная структура русского города с укрепленным кремлем в центре, посадом и слободами вокруг.

Муромский кремль

Муромский кремль XVII века был одним из лучших фортификационных сооружений. Деревянные, сверху сосновые и еловые, а снизу дубовые, стены, вытянутые в широтном направлении в виде четырехугольника протяженностью в 552 сажени, разделялись тремя воротами с башнями в 3 боя и 11 глухими башнями на 14 прясел. Двойные крепостные стены были окружены земляным валом и размещены на почти отвесных склонах оврага с южной и северной сторон, с восточной стороны они располагались на крутом берегу реки и были ограничены Козьей речкой с западной стороны.

В кремле — церковь каменная о трех верхах Рождества Богородицы и вблизи — две деревянные церкви Петра и Февронии и Михаила.

Кроме того, на территории кремля двор воеводский, съезжая изба, тюрьма и жилые дома.

Кремль соединялся с посадом двумя деревянными мостами — Базарным и Спасским.

На посаде 2 монастыря мужских и 2 женских, а в монастырях 5 церквей каменных и 3 деревянные, кроме того, 19 церквей приходских деревянных да одна каменная (Николо-Можайская) «развалилась от жару».

В середине XVII века в связи с укреплением экономики и политического положения русского государства, а также с развитием торговли и ремесел создались предпосылки к накоплению богатств в руках аристократии и купечества, которые имели возможность вкладывать средства в церковное строительство, в чем отражались их художественные вкусы.

В Муроме происходил тот же процесс, что подтверждает опись Бартенева, по которой можно установить, что в этот период в городе было 208 торговых лавок. Из среды купцов выдвинулась верхушка, которая по указу царя Михаила Федоровича была причислена к московской сотне.

В русской архитектуре середины XVII века наибольшее распространение получил декоративный стиль.

Во многих городах в это время строились сооружения с богатой резьбой по белому камню и кирпичу, с вставками из цветных изразцов, сложными крыльцами и порталами, разнообразными декоративными композициями, монументальной росписью интерьеров.

В Москве и Ярославле, в Суздале и Муроме, в Костроме и Великом Устюге появилось много зданий, отличающихся неповторимостью декоративных композиций, многообразием архитектурных деталей и форм.

Особенно широко распространились сложные по рисунку и нарядные оконные наличники с завершением в виде кокошников, порталы дверей, выполнявшиеся из лекального кирпича, иногда ярко раскрашенного.

Здания, как правило, завершались сложными карнизами с большими выносами.

Лучшими образцами архитектуры этого времени являются московские церкви Троицы в Никитниках (1635—1653) и Рождества в Путниках (1649—1652), Вознесенская церковь в Великом Устюге (1648), Троицкий монастырь в Муроме (1642—1652), церковь Воскресения в Костроме (1650—1652), Ильинская церковь в Ярославле (1647—1650).

При этом строительство на периферии не отставало от строительства в Москве.

Подтверждением этого могут служить несколько архитектурных комплексов в Муроме.

Троицкий монастырь

На месте бывшего «старого городища» и древних Троицкого и Благовещенского монастырей в Муроме отстраиваются новые прекрасные архитектурные ансамбли Троицкого и Благовещенского монастырей, основные сооружения которых созданы в 1642—1664 гг., церкви Воскресения и Введения на Штабу (1658), сохранившиеся до нашего времени почти без изменений, а также ряд сооружений, не дошедших до нашего времени (Георгиевская церковь — 1655, Николозарядская — 1675) и другие.

Троицкая церковь

Небезынтересно отметить, что Троицкий монастырь возник так же, как и Благовещенский, на территории «старого нышнего городища», где в 1351 году князь Юрий Ярославич «обнови град свой, отчину свою Муром», поставил двор свой и многие церкви, в том числе деревянную церковь Бориса и Глеба, на месте которой в дальнейшем была сооружена сначала приходская Троицкая церковь. Вот как об этом упоминается в писцовой книге, составленной Григорием Киреевским по указу царя Михаила Федоровича в 7132 ((1624) году: «Супротив монастыря (Благовещенского) церковь ружная Живоначальные Троицы древяна, верх шатровый, с папертью, глава и крест обшиты железом белым, да и в той же церкви придел св. Бориса и Глеба... Да внизу под тою церковью два престола — престол Трех Святителей и Параскевы Пятницы...»

Троицкий и Благовещенский монастыри. Фото XIX в.

Каменная пятиглавая церковь Троицы выстроена в 1642—1643 гг. Тарасием Борисовым по прозвищу Богдан Цветной, богатым торговцем, причисленным царем Михаилом Федоровичем к московской сотне. Его двор, как подтверждают многочисленные письменные источники, находился в приходе Троицкой церкви.

Несмотря на различные композиции планов, архитектурная композиция фасада церкви Троицы в Муроме во многом напоминает церковь Троицы в Никитниках в Москве.

В основании обеих церквей — квадраты со стороной 5 саженей. Много общего в композиции фасадов: обе церкви имеют трехчастную разбивку фасадов, чрезвычайно близкие по деталям карнизы, украшенные поливными изразцами, близки по формам закомары-кокошники, детали фонарей и луковичных глав.

Оба памятника настолько похожи друг на друга в деталях, что можно предположить, что либо оба здания выстроены одним мастером, либо выстроены по одним чертежам.

Троицкий собор

В то же время имеются различия как в деталях, так и в общей композиции обоих зданий.

Церковь Троицы в Никитниках расположена на высоком подклете, в плане — квадрат со стороной 5 сажен, к которому со всех сторон примыкают дополнительные части: одноабсидный алтарь, трапезная, приделы, паперть, колокольня и другие, в результате чего создана сложная асимметричная композиция.

Церковь Троицы в Муроме в плане также квадрат, с юга и запада — паперти, с севера — придел, однако алтарь трехабсидный, подклет отсутствует.

Повторяя некоторые детали Троицы в Никитниках, строитель муромского храма как бы наслаждается предоставленной ему возможностью сделать храм более богатым: к арочным полуколонкам, огибающим щелевидное окно, перекрытое аркой, справа и слева добавляются еще висячие полуколонки, соединенные арочками, а сверху арочек под углом к осям в стену вставлены цветные изразцы, ниже тяги карниза проведен пояс из кирпича, поставленного под углом, архитрав значительно расширен за счет сплошного ряда цветных изразцов зеленого и коричневато-красного цветов с различными рисунками драконов, орлов, сиринов, всадников, разнообразными геометрическими и растительными орнаментами. В первом ряду кокошников вставлены разноцветные изразцовые шишки, которые как бы завершали мысль автора, поставившего себе задачу выстроить в Муроме Троицу более красивую, чем в Москве. И в какой-то мере оправдать прозвище богатого заказчика — Богдана Цветного.

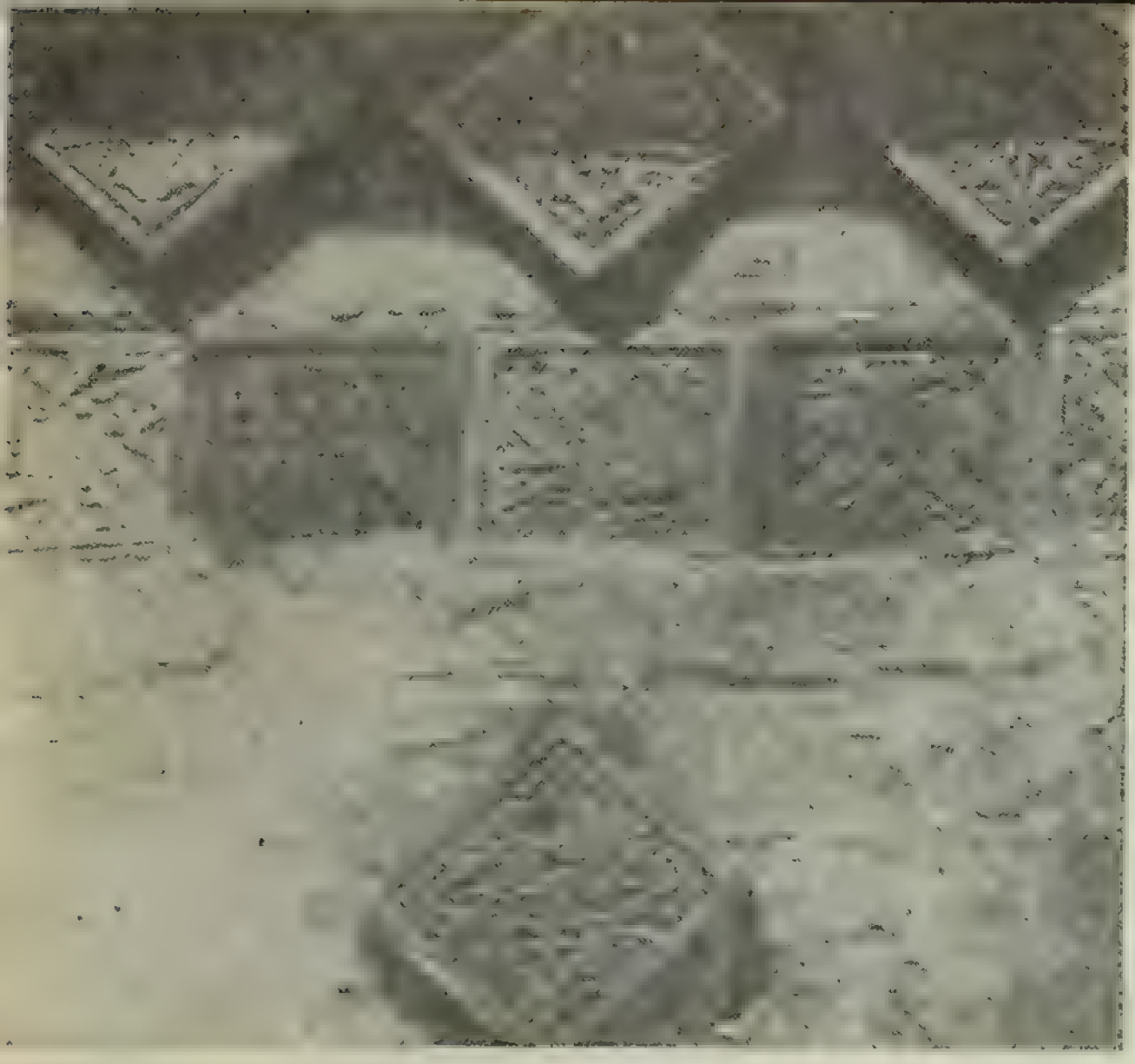
Над вторым рядом кокошников установлено пять глав на тонких изящных барабанах, опирающихся на подставки, состоящие из восьми маленьких кокошничков.

Между восемью декоративными арочками на угловых барабанах устроено по 4 щелевидные ниши, то же самое и на центральном восьмигранном барабане.

Несмотря на то, что главы имеют луковичную, характерную для XVII века форму, создается впечатление, что сначала зодчий попытался сделать угловые главы шлемовидными, а затем добавил луковичные главы на металлических каркасах, соединенные тонкими шейками с кирпичными купольными сводиками.

Как подтверждает летопись монастыря, в 1809 году кровля Троицкой церкви была черепичной.

К тому времени, как была построена Троицкая церковь, в Муроме уже имелось несколько каменных храмов, в том числе Благовещенский, Богородицкий и Спасо-Преображенский соборы и Козьмодемьянская церковь, которые отличались своей монументальностью и некоторой суровостью. От Троицкой же церкви веяло какой-то домашностью, или, как некоторые авторы выражались, «светскостью», чувствовалось влияние



Троицкий собор. Изразцы

Троицкий собор. Главы

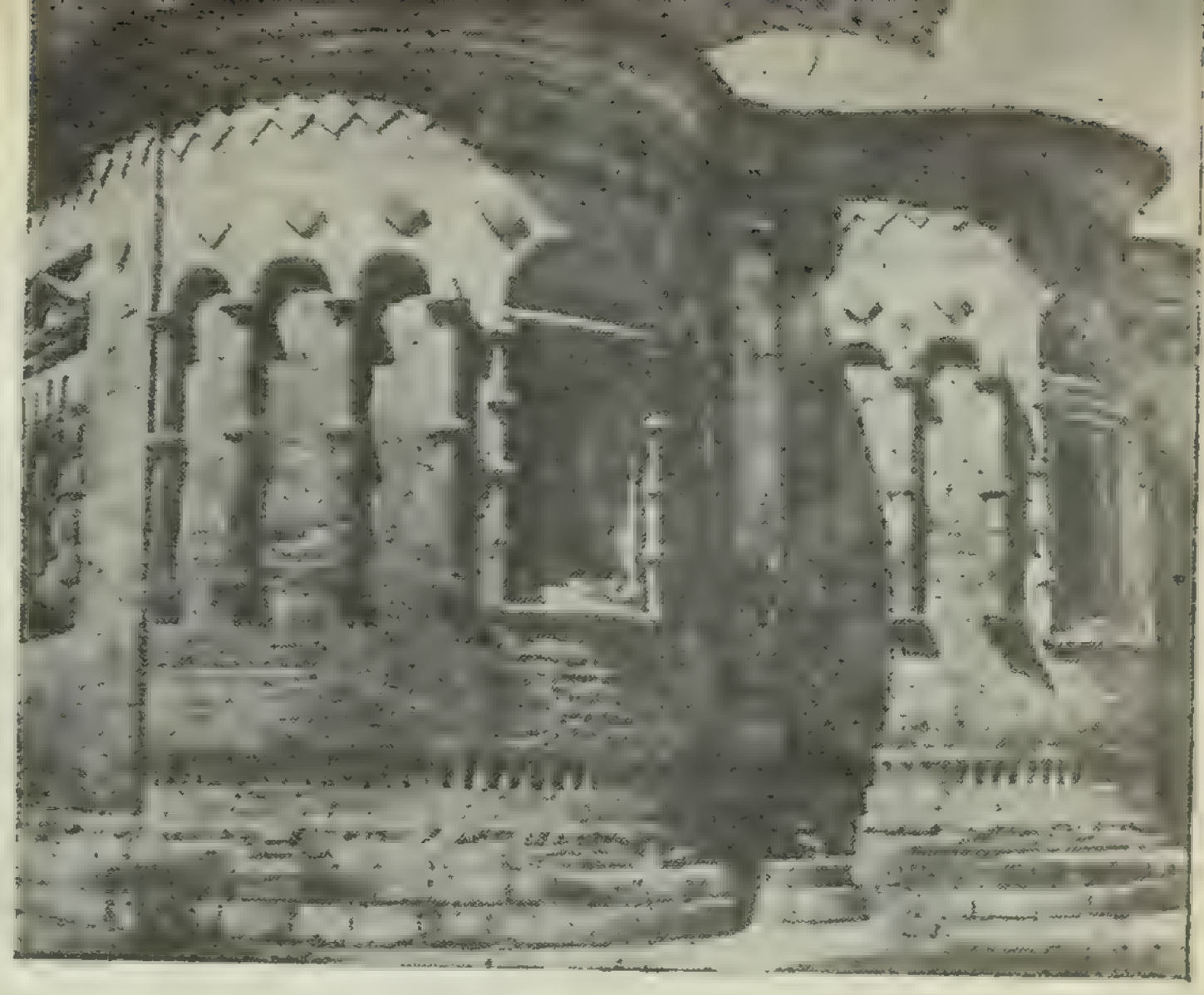
царских и боярских теремов. Церковь явилась началом для строительства и перестройки большого количества церквей в Муроме, для которых она служила образцом, или своего рода эталоном.

Имеющиеся внутри церкви закладные резные доски на камне дают возможность установить точные даты начала и окончания строительства: «лета 7150 (1642), августа 21, начата бысть сия церковь создатися во имя Живонач Троицы с приделы, при державе благочестивого государя, царя и великого князя Михаила Феодоровича всея руссии, и при благоверной царице и великой княгине Евдокее Лукьяновне и при их благородном царевиче, князе Алексее Михайловиче и при святейшем кире Иоасафе, патриархе московском и всея Руси, и при архиепископе Моисее, рязанском и муромском»; «Совершена же бысть сия церковь 7151 г. (1643), августа 6 д тщанием и списканием гостиныя сотни торгового человека Тарасия Борисова сына, по реклому Богдана Цветного...»

До сих пор не удалось полностью восстановить архитектуру церкви. Неумолимое время наложило отпечаток на здание.

Как известно из летописи монастыря, начатой через 142 года после постройки церкви, в 1786 году «на стены прежних папертей наложено было в вышину по аршину каменной кладки и сделан карниз; вместо дверей сделаны две круглые перемычки; пробито пять окон, пробита еще снаружи паперти дверь для входа в церковь на место прежней, обра-

Троицкий собор. Шатровое крыльцо



Троицкий собор. Алтарная часть

щенной в арку; прикладен вновь каменный рундук, а от двери теплой церкви пристроен простенок. В алтаре Троицкой церкви старые окна прибавлены в вышину и ширину и поверх крыши в церковном квадрате сделано вновь 4 окна... а над входным рундуком старый шатер починен».

За один только сезон в памятнике произошли существенные изменения, большинство которых в настоящее время не представляется возможным устранить.

При ремонтно-реставрационных работах в 1961—1962 гг. удалось лишь восстановить первоначальный вид окон в алтаре с деталями наличников.

В 1810 г. был перестроен Трехсвятительский придел XVII века, расположенный с северной стороны Троицкой церкви, а в 1885 г. — надстроен второй этаж с храмом Пантелеймона, разобранные в 30-х годах нашего века.

Восстановление придела, построенного одновременно с основным зданием, не представляется возможным из-за отсутствия необходимых материалов. В то же время поднятые на несколько рядов фундаменты его при реставрации 1961 года напоминают о существовании северного придела.

Нельзя не обратить внимания на остатки еще одной пристройки в высоту всего здания, включая первый ярус кокошников с западной сторо-

ны. Ни в одном из имеющихся документов не упоминается ни о строительстве, ни о разборке какой-либо части здания. По всей видимости, это могла быть колокольня. В западной стене галерей в 1961 году найдены остатки узкой лестницы, ведущей наверх. И это наводит на мысль, что одновременно с церковью была выстроена и колокольня, разобранная после постройки колокольни надвратной Казанской церкви в 1652 году.

Центральная глава Троицкой церкви отличается от угловых тем, что она покоится на восьмигранном барабане с четырьмя щелевидными окнами и 16 висячими полуколонками, соединенными арочками на вогнутой кровле.

Эта деталь не бросается в глаза, но такой прием значительно обогащает композицию и говорит об опытности зодчего, его разносторонних знаниях и умение свободно варьировать имеющимися в запасе приемами композиции.

Стены алтаря, очень низкого по сравнению с основным объемом, декорированы висячими полуколонками, соединенными арочками из лекального кирпича, по осям абсид устроены щелевидные окна, однако в 1786 году они были растесаны, и только при ремонтно-реставрационных работах в 1961—1962 гг., выполненных Владимирской специальной проектно-реставрационной мастерской, был восстановлен их первоначальный вид.

Сверху абсиды проходит широкий карниз с богатым поясом изразцов.

Казанская Надвратная церковь

С южной стороны Троицкой церкви в середине XVII в. располагались бобыльские дворы, которые Богдан Цветной перенес на посад. На освободившемся месте в 1648 году выстроена каменная Казанская надвратная церковь. На южной стороне церкви над окнами в клеймах сделаны надписи, говорящие о дате строительства и называющие строителя церкви: «7156 (1648) года создана сия церковь», «а строенье торгового человека Тарасия, Борисова сына, по реклому Богдана Цветнова».

Казанская надвратная церковь выстроена спустя 5 лет после Троицкой. Это одно из великолепнейших зданий, вошедшее в ансамбль Троицкого монастыря.

Размеры церкви миниатюрные. В плане она в два раза меньше, чем Троицкая церковь. Наружный размер, включая и алтарную часть, составляет всего 2, 5 сажени.

Однако благодаря тому, что церковь приподнята над «вратами», выполняющими роль парадного входа в монастырь, а также благодаря необычной для этого времени шатровой композиции, Казанская надвратная церковь не уступает Троицкой.

Богдан Цветной, по всей вероятности, решил сделать храм таким, подобного которому еще не было ни на его родине в Муроме, ни в Москве, где он был одним из богатых купцов гостиной сотни.

Приглашенный им зодчий проявил большой вкус и такт по отношению к основному зданию монастыря — Троицкой церкви, показав глубокое понимание русского зодчества, умело применив в церкви и висячие колонки, характерные для владимиро-суздальской архитектуры, и детали шатровых храмов XVI века.

Благодаря смещению надвратной церкви в сторону от оси запад — восток, по которой размещается Троицкая церковь, было положено начало созданию сложной архитектурной композиции, завершенной в дальнейшем строительством колокольни.

Казанская надвратная церковь по декоративному убранству превосходит Троицкую церковь.

Ее пропорции настолько изящны, что создается впечатление, будто все здание вытесано из единого монолита.

Храм кубической формы установлен на высокое каменное основание Святых ворот.

Святые ворота состоят из двух арок — большей и меньшей — и представляют собой скульптурную композицию из висячих полуколонок.

Основания арок опираются на прямоугольные столбы с нишами и белокаменными деталями.

Южный фасад четверика спаренными трехчетвертными колонками разделен на две почти равные части, отражающие внутреннюю планировку. Узкие щелевидные оконные проемы и ниши, растесанные в XVIII веке, обрамлены полуколонками из лекального кирпича, опирающимися на консоли и соединенными между собой полуциркульными арочками, слегка вспарушенными в вершинах.

Над проемами расположено шесть декоративных шлемовидных вставок, клейм. В центральных клеймах вязью вырезаны дата строительства и имя строителя храма.

В карниз, довольно широкий и плоский, вставлен сплошной ряд изразцов, продолжающийся вокруг всего здания. Четверик завершается кокошниками с позакомарными покрытиями. Угловые кокошники соединены между собой декоративными вставками, показывающими тонкое художественное чутье мастера.

Над кокошниками изящные и легкие восьмигранные восьмерик и шатер.

В каждой грани восьмерика — почти квадратная ниша, на внутренней плоскости которой по вертикали поставлено по три разноцветные изразцовые плитки, примыкающие одна к другой по диагонали.

Верх восьмерика завершается карнизом с зубчиками и 16 кокошниками, являющимися одновременно основанием восьмигранного шатра, за-

Троицкий монастырь. Надвратная Казанская церковь

Надвратная Казанская церковь. Деталь

Надвратная Казанская церковь. Галерея

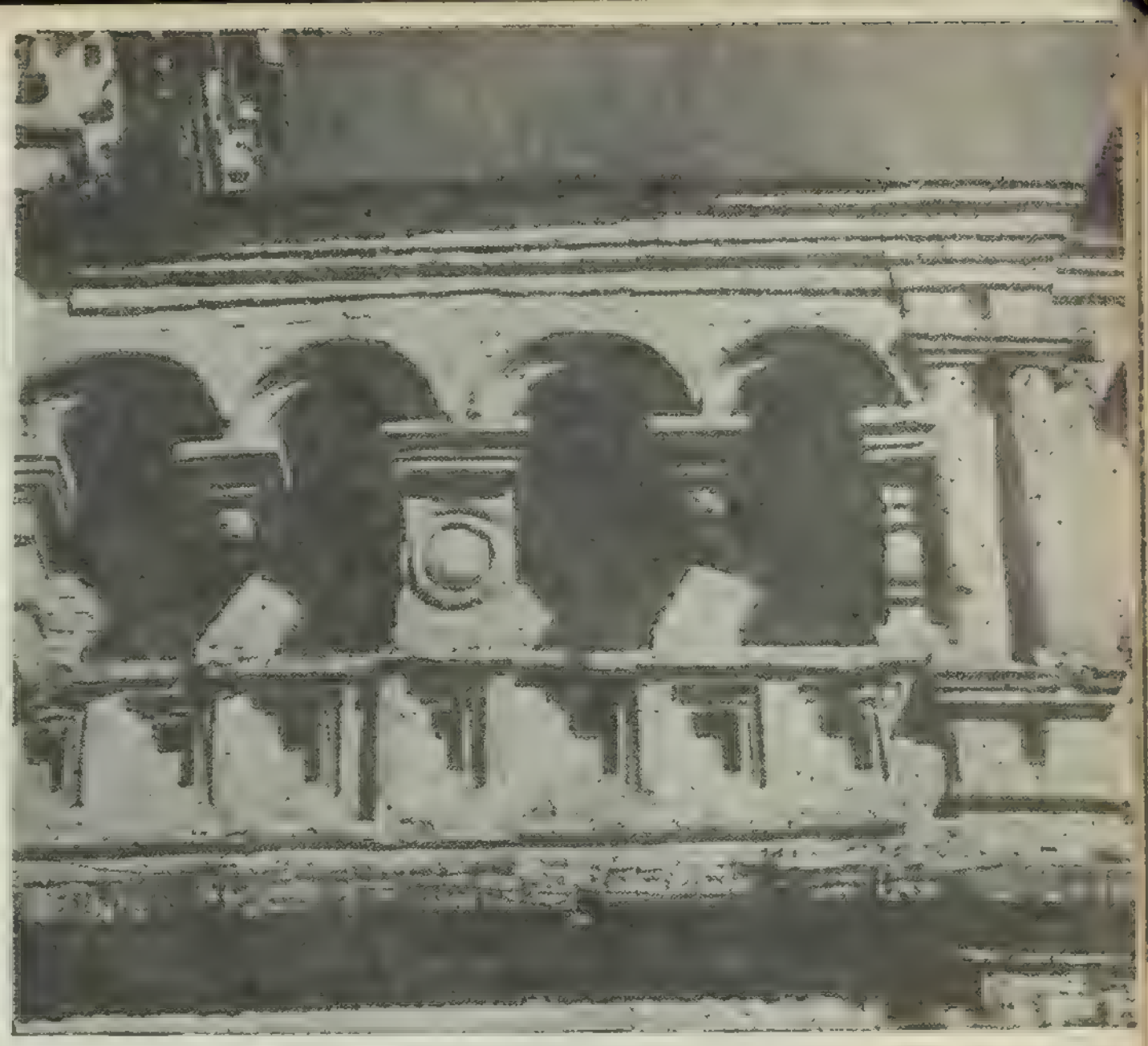
вершенного тонкой шейкой трибуны и луковичной главкой. В основании каждой грани шатра ряд слухов с треугольными фронтончиками.

Не менее интересна паперть на западной стороне церкви, расположенная над каменными палатками хозяйственного назначения. Если декор части, примыкающей непосредственно к четверику, точно повторяет архитектурные детали основного объема (спаренные полуколонки, обрамления вокруг окна и др.), то в архитектуре стены, примыкающей к колокольне, появляются совершенно иные детали. По всей видимости, эта часть была открытой галереей с чрезвычайно изящными окнами с двухлопастными заполнениями арок, внутренние пяты которых опираются на резную из белого камня гирьку, висящую на металлическом штыре.

Этот декоративный прием впервые применен в галерее муромской надвратной Казанской церкви, в дальнейшем повторялся неоднократно и в других зданиях города, например в крыльце Благовещенского собора.

Архитектура нижней части подклета надвратной церкви чрезвычайно проста и лишена каких-либо деталей. С южной стороны подклета единственное окно обведено простой тягой из лекального кирпича, входы в палатку с северной стороны представляют собой простые проемы.

Шатровая Казанская церковь первой половины XVII века — один из немногих храмов этого времени, выстроенных с отступлением от «церковного чина», в обход «очистительных» преобразований патриарха Ни-



кона, запретившего строительство шатровых храмов, как деревянных, так и каменных.

К сожалению, до нашего времени не дошли интерьеры Троицкой и Казанской надвратной церквей. Уже в конце XVIII века здесь были проведены значительные переделки. В 1786 году, как подтверждает летопись монастыря, в Троицкой церкви вместо дверей сделаны «две круглые перемычки», вместе с этим «пробита еще снаружи папертей дверь для входа в церковь на месте прежней, обращенной в арку».

Двери, ведущие из папертей в церковь, расширены на аршин в обе стороны и на половину аршина в вышину, поэтому сегодня трудно судить о форме и декоративном обрамлении входов в церковь.

Отличительной особенностью Троицкой и надвратной Казанской церквей является также наличие в стенах «голосников» — резонаторов кувшинообразной формы, утопленных в стены и улучшающих в значительной мере акустику.

Колокольня Троицкого монастыря

В 1652 году с западной стороны Казанской надвратной церкви построена колокольня, завершившая архитектурную композицию ансамбля Троицкого монастыря. Колокольня и надвратная церковь расположены симметрично по отношению к Троицкой церкви.

С южной стороны Троицкая церковь воспринимается в богатом обрамлении сложного скульптурного силуэта двух шатров.

Во второй половине XVII века, когда велось строительство колокольни Троицкого монастыря, в архитектуре отмечается богатство и разнообразие применяемых деталей и форм.

К этому времени постепенно вырабатывается основной тип шатровой колокольни: на четверике восьмерик со звоном и восьмигранный шатер со слухами.

Подобных колоколен до нашего времени дошло не так уж много. Большинство их отличается богатством архитектурных деталей, живописным силуэтом, хорошими акустическими данными.

Наиболее живописны колокольни церквей Николы в Пыжах, Троицы в Никитниках, в Москве, и некоторые другие.

Колокольня Троицкого монастыря в Муроме по своей архитектуре близка к упомянутым колокольням, и в то же время по богатству и многообразию деталей она превосходит все известные сооружения этого времени.

Для того чтобы улучшить пропорции и сделать колокольню вертикальной доминантой не только монастыря, но, может быть, и всего города, строитель колокольни вытянул ее вверх, поставив друг на друга три четверика, отделенных поясами карнизов. Первый четверик очень скромен и как бы является продолжением стены, выстроенной одновременно с надвратной церковью, и только две угловые пилястры с глубокими вертикальными нишами выделяют границы колокольни. Во втором ярусе художник дал простор своей фантазии и показал уменье скомпоновать на небольшой плоскости самые разнообразные детали. Карниз между 1-м и 2-м ярусами перерезан окопцем со скульптурным глубоким наличником, завершенным фронтоном. На углах сделаны спаренные трехчетвертные колонки, опирающиеся на белокаменные консоли и широкий раскрепованный по углам пояс карниза со сложным профилем и тесаными деталями в виде небольших консолек. По оси яруса расположено окно со сложным обрамлением в виде балясин, карнизов и разорванным фронтоном, врезавшимся в карниз между ярусами.

Неповторимым богатством форм отличается 3-й ярус, в котором не чувствуется стены, все его стороны представляют собой резьбу по камню. На углах вместо полуколонок — резные балясины с розетками посередине, карниз раскрепован на углах, в широком фризе — углубленные ниши с керамическими шлемовидными вставками, подобными вставкам Троицкой церкви. В середине ниши окно со сложным рисунком, представляющим висячие арочки, обрамленное резным наличником в виде балясин и розеток. Оно завершается полуциркульным слегка вспарушенным фронтоном из тесаного камня, в центре которого в глубокой нише классическая полурозетка. Между угловыми балясинами и обрамлением окон расположены

Троицкий монастырь. Колокольня

глубокие вытянутые по вертикали ниши, в которых сохранились остатки росписей.

Завершение колокольни Троицкой церкви в Муроме по деталям также близко к завершению колокольни церкви Троицы в Никитниках.

Восьмерик в виде восьми арочных проемов перекрыт полуциркульными арками, вспарушенными в местах примыкания к шатру. Наружные стороны столбов арок украшены балясинами прямоугольного сечения, на углах столбов для погашения распора шатра поставлены полуколонны, переходящие в основание восьмерика. Углы восьмигранного шатра подчеркнуты тройными черепичными гуртами, имеющими большое декоративное значение. При черепичной кровле гурты имели и практическое значение для заделки углов сопряжения граней.

Шатер завершается изящной луковичной главкой, покоящейся на восьмигранной шейке.

Переход от шатра к шейке сделан в виде небольших кокошничков. В шатре устроен один ряд слухов, перекрытых декоративными кокошниками, тогда как в большинстве колоколен делалось два и три ряда слухов.

Стены и башни Троицкого монастыря

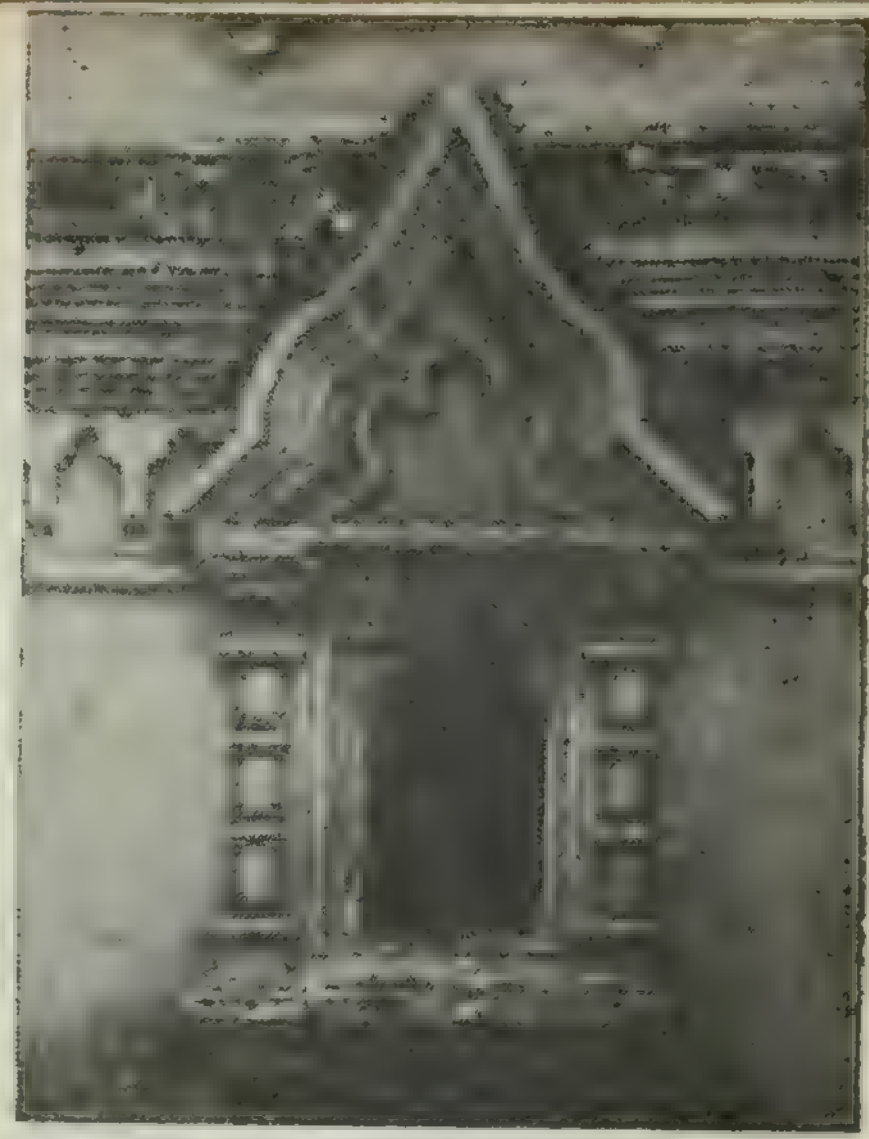
Не останавливаясь на других сооружениях Троицкого монастыря, не представляющих особого интереса, нельзя не обратить внимания на стены и башни монастыря, построенные в 1807—1808 гг. с учетом предусмотренных генеральным планом новых границ. Территория монастыря получила новые границы в виде трапеции, близкой по очертаниям к прямоугольнику, со сторонами 42, 33, 48 и 48 сажен.

Несмотря на то, что стены были воздвигнуты значительно позже монастыря, в настоящее время нельзя представить этот ансамбль без сильно выраженной горизонтали каменной стены, угловых восьмигранных башенок с шатровыми крышами, южных и северных ворот.

Каменная ограда была выстроена после пожара 1805 г. безусловно не как оборонительное сооружение, а скорее как декоративное ограждение, безопасное в пожарном отношении. Однако завершение стены машикулями создает впечатление о ней как о крепостной стене, неприступность которой, однако, так и не была испытана в связи с изменившейся исторической обстановкой.

Вертикальное членение стен лопатками усиливает впечатление о стенах как о крепостном сооружении.

Восьмигранные башни украшены неглубокими нишами, над которыми устроены треугольные фронтончики. Переход от восьмерика к граням шатров осуществляется через вспарушенные кокошнички, столь полюбившиеся русским зодчим.



Троицкий монастырь.
Окно колокольни

Троицкий монастырь.
Окно колокольни

Троицкий монастырь.
Башни и стены.

Троицкий монастырь. Северные ворота

Нельзя не остановиться также и на воротах в монастырских стенах, которых было двое: южные — парадные и северные — служебные. Южные ворота представляют собой немного вытянутую вверх арку на опорах со спаренными полуколонками, перекрыты треугольным фронтоном. Северные отличаются живописностью композиции, имеют две арки для проезда и прохода, со сложным фронтоном криволинейного очертания, на вершине которого вкомпонован постамент для креста. Над воротами и на средней опоре устроены глубокие ниши, где размещались иконы.

Эти сооружения наглядно показывают, насколько разнообразны были формы в русской архитектуре середины XVII века, как талантливы русские зодчие, сумевшие создать незабываемые образцы архитектурных творений.

Благовещенский монастырь

Большое впечатление оставляет расположенный к северу от Троицкого Благовещенский монастырь, основанный Иваном Грозным в 1553 году после победы над Казанью. «И государь, Царь и Великий князь Иоанн Васильевич», — говорится в «Сказании о городе Муроме», — повеле устроити монастырь пречестен и быти игумену и братии... и даде из своея царския казны милостыню неоскудну и свою царскую уставную грамоту за красною печатию, како игумену с братиею служити и по той царской грамоте велел им руту иметь на пропитание...»

Впоследствии монастырь поддерживался за счет государственной казны.

Благовещенский монастырь. На переднем плане башня и стена Троицкого монастыря

Благовещенский монастырь. Башня

В 1558 году Иваном Грозным монастырю была назначена денежная хлебная руга из муромских таможенных доходов. По грамоте царя Михаила Федоровича 1623 года было предписано давать монастырю «на фимьям и на ладан и на вино церковное и на воск и на мед и на просфоры и на хлеб и на соль из муромских доходов таможенных и кабацких по половине по 32 р. по 6 алт. и по 2 деньги на год».

По грамотам царей Федора Ивановича, Бориса Годунова, Михаила Федоровича монастырь получил в вотчинное владение поля, озера для рыбной ловли, луга и прочее.

В годы польской интервенции монастырь был разгромлен шайкой Лисовского. В 1619 году игумен монастыря сообщал царю Михаилу Федоровичу: «Приходили к нам литовские люди и монастырь разорили, в церквах божиих престолы ободрали и стихари и поясы и посох, царское богоданное и всякое церковное строение расхитили, братию посекли, игумена с пономарем взяли в плен и кельи пожгли и пономаря в половину пожгли. И от того литовского разорения в монастыре на церквах кровли сгнили. Церковь Благовещения Пресв. Богородицы и чудотворцев благ. кн. Константина и чад его Михаила и Федора каменная каплет и стены разседалися, а деревянные церкви ветхи, а строить тех церквей и монастыря ныне нечем».

Царь Михаил пожаловал монастырю несколько озер, с которых монастырь получал оброку 7 рублей 3 алтына и 6 денег в год.

Территория монастыря приобрела существующие очертания после утверждения плана города в 1788 году и после пожаров 1792 и 1805 гг., когда были уничтожены не только деревянные стены, но и многие монастырские здания.

В настоящее время территория монастыря имеет форму, близкую к трапеции, основания которой составляют 110 и 115 м и высота около 94 м.

Стены и башни Благовещенского монастыря

В 1811—1812 гг. монастырь обнесли каменной оградой с башнями по углам.

Подобно рядом расположенной ограде Троицкого монастыря ограда Благовещенского монастыря выполнена в виде крепостной стены.

С внешней стороны стена разбита лопатками, которые зрительно утолщают ее, верх стены завершается машикулями.

Башни, как бы подчеркивая крепостное значение стены, закрепляют углы монастыря, завершая одновременно архитектурную композицию ансамбля в целом.

Юго-восточная и юго-западная башни двухэтажные, восьмигранные, перекрытые шлемовидными куполами с изящными шпилями. Окна перво-

го этажа, незначительные по размерам, как бы подчеркивают оборонительное назначение стен и башен.

Несколько меньшие по размерам северо-западная и северо-восточная башни также имеют восьмигранную форму, между 1-м и 2-м этажами разделены карнизом. Щелевидные ниши 1-го этажа подчеркивают крепостное назначение башен. Шлемовидные, несколько вытянутые вверх купола башен завершают композицию монастыря с северной стороны.

Благовещенский собор

Строительство Благовещенского собора, так же как и строительство Богородицкого, Спасо-Преображенского соборов и Козьмодемьянской церкви в Муроме, связано с пребыванием здесь Ивана Грозного в июле 1552 года перед походом на Казань.

Как сообщает летопись, при посещении деревянной церкви Благовещения «государь царь у чудотворных гробниц поклонился и молился им со слезами, помощи прося на супостаты и нача глаголати: аще Господь Бог и Пресвятая Богородица и Муромские чудотворцы подадут мне победу на безбожного Казанского царя: повелю зде устроить храм Благовещения и придел Муромских чудотворцев — каменные».

В 1552 году победа под Казанью была одержана, и на следующий год Иван Грозный направил в Муром для строительства Благовещенской церкви каменщиков с мастером.

Участие в строительстве собора Ивана Грозного подтверждает и опись Бартенева, в которой отмечается, что «Благовещенская Божьей матери церковь, каменная, построена царем Иваном IV в 1553 г. и после разорения от поляков обновлена игуменом».

Несмотря на позднейшие переделки, особенно после разорения собора Лисовским в 1616 году, когда каменные стены «разседалися», в своей основе Благовещенский собор сохранил облик XVI века.

По всей видимости, надо отвергнуть дату освящения собора в 1664 г., как дату окончания строительства, следует признать это датой восстановления собора после разгрома поляками, так как нельзя допустить, чтобы одно из лучших культовых сооружений города в течение нескольких десятилетий (с 1616 по 1664 г.) не было восстановлено. Одновременно с этим велось строительство других храмов: ансамбля Троицкого монастыря (1642—1652), Воскресенской и Введенской церквей на Штабу (1658), Георгиевской церкви (1652) и других.

Одновременно с этим нельзя считать прообразом Благовещенского собора Троицкую церковь, так как при общих для обоих памятников деталях имеется слишком много принципиальных различий как в размерах, так и в общем композиционном решении.

В отличие от Троицкой церкви Благовещенский собор на высоком

Благовещенский собор

подклете, план основного объема — прямоугольник, вытянутый с севера на юг, со сторонами 5×3,5 сажени.

Такой план больше характерен для второй половины XVI века, чем для второй половины XVII, к которой относят построение собора. И если основным элементом Троицкой церкви является аркатура с висячими полуколонками, характерная для владимирской архитектуры, то детали Благовещенского собора более близки к деталям памятников московского зодчества.

К прямоугольнику, узкая сторона которого выходит на юг в сторону главного входа, примыкает алтарь трехабсидной формы, соединенный тремя арочными проемами с основным объемом.

Если в XVII веке трапезная — это неотъемлемая часть церковного здания, особенно во второй половине столетия, то в памятниках XVI века трапезные встречаются довольно редко.

В отличие от Троицкой церкви формы собора строже, пропорции монументальнее. Широкие лопатки-пилястры разделяют здание по вертикали на 3 разные части. Высокий карниз — с сухарниками, зубчиками, ширинками; кокошники, опирающиеся на лопатки-пилястры с рельефными валиками, служат основаниями для барабанов. Но так же, как и в Троицкой церкви, стена Благовещенского собора фактически является сложной скульптурной композицией, состоящей из различно обработанных наличников окон, завершающихся то килевидным кокошником, то разорванным фронтоном, то сложной зубчатой короной. Колонки наличников представляют собой сочетание многообразных форм разных цветов, бусин, кубышек.

Архитектура Благовещенского собора имеет много общего как с муромскими памятниками, так и с известными памятниками XVII века московского зодчества — церковью Троицы в Никитниках и церковью Николы на Пыжах. Однако, как не без основания отмечает И. Грабарь, «муромские храмы по характеру своей «узорочности» могут составить особую группу в истории русской архитектуры. Муромские зодчие, «мастера-муроли, воспитанные на «государевом деле», славились своим искусством. Они схватили всю декоративность московских форм и развили ее до степени прихотливого узора» [1].

Исключительным по своей архитектуре является южный фасад, являющийся главным фасадом.

Декоративные пятна фасада несколько напоминают приемы церкви Благовещения в Каргополе (середина XVII века), но благодаря четким пропорциям, сохранившимся от здания XVI века, здесь создана совершенная архитектурная композиция.

---

[1] И. Грабарь. История русского искусства, т. 2, М., 1908, стр. 142.

Благовещенский собор. Иконостас

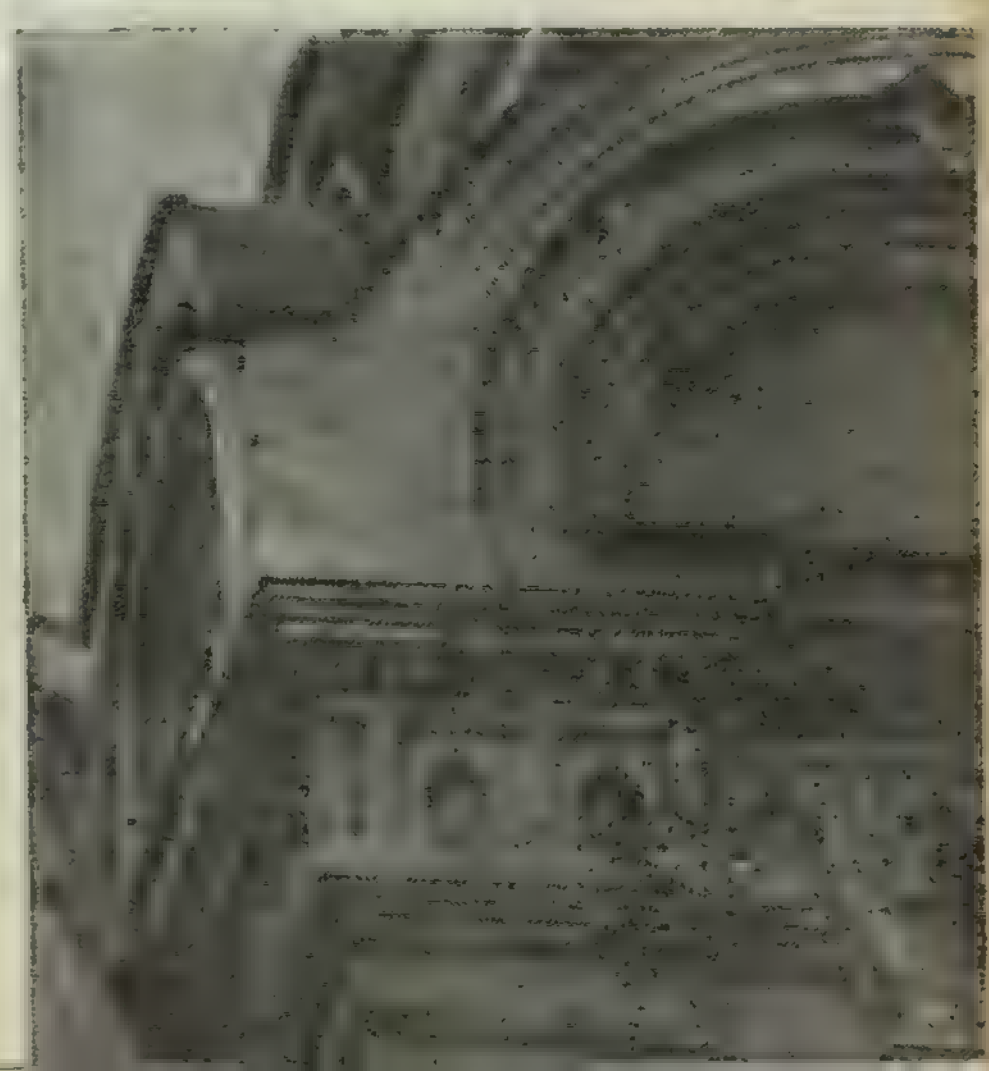
Подклет, являющийся мощным цоколем, широкими лопатками разделен на три части. В центре — вход в цокольную часть, обрамленный пилястрами, на которые опирается фронтон со сложным профилем. Фронтон и пилястры находят на лопатки и пересекают карниз цоколя.

В боковых частях небольшие арочные окна, утопленные в нишах, обрамленные простыми прямоугольными тягами, переходящими в небольшие кокошники килевидной формы, которые вершинами врезаются в карниз.

Основной объем в свою очередь лопатками разделен на 3 части, при этом расстояние между лопатками центральной части несколько меньше размеров боковых простенков.

Пилястры несут широкий пояс карниза, фриз которого состоит из ширинок с углублениями в виде туза пик и карниза с сухариками. Под поясками капителей средних пилястр устроены прямоугольные ниши с обрамлениями в виде валиков. Верхняя часть валиков несколько приподнята. Пояски без пилястр продолжаются и по простенкам.

Несмотря на то, что собор одноэтажный, два ряда окон создают впечатление двухэтажного здания. Этот прием встречается как в подобных сооружениях XVI века, так и в церковных зданиях XVII века, так как в связи со значительными размерами зданий одного ряда окон не хватало для освещения внутреннего пространства.



Благовещенский собор. Портал

Благовещенский собор. Портал подклета

Благовещенский собор. Деталь карниза.

При компоновке окон главного фасада зодчий показал свободное владение композицией и знание деталей. Размещение окон и детали оконных обрамлений подтверждают большую эрудицию автора и мастеров-исполнителей, их знакомство с лучшими образцами архитектуры. Три широких окна первого яруса вписываются в два квадрата и завершаются трехцентровыми арочками. Центральное окно первого яруса, играя роль композиционного центра всего фасада, обрамлено сложным наличником, пилястры которого состоят из белокаменных розеток и кубышек. Нижняя часть пилястр опирается на изящные консоли.

Над карнизом расположен фронтон в виде «коруны», украшенной двумя розетками и двуглавым орлом в вершине, что лишний раз подтверждает участие Ивана Грозного в строительстве собора.

Боковые окна первого яруса той же формы, что и центральное окно, расположены в прямоугольных нишах, на которых было удобно укреплять ставни. Не исключено, что окна первого яруса в XVIII столетии несколько растесаны, так как в нишах установлены металлические решетки, характерные по своим формам для того времени. Но это нисколько не нарушило прелести замечательного памятника архитектуры.

Проемы второго яруса окон имеют вытянутые вверх пропорции, перекрыты так же, как и окна первого яруса, трехцентровыми арочками, размещены в прямоугольных нишах, обрамленных валиками.

Если пилястры наличников одинаковы для трех окон, то фронтон центрального окна в отличие от фронтонов боковых окон является сложным архитектурным элементом. Как у теремов, его вершина разорвана, в треугольник фронтона вкомпонована изящная балясина. Фронтон перерезает карниз здания, включая и венчающую часть.

Карнизы боковых окон также врезаются в карниз, имеют криволинейные очертания и украшены накладками ромбической формы.

К сожалению, окна алтарной части растесаны, и наличники сбиты. Однако при наличии остатков наличников в кирпичной кладке и при имеющихся обрамлениях окон декор оконных обрамлений может быть легко восстановлен.

Если современные с Благовещенским собором церковные здания XVI века имели позакомарное покрытие, отделенное от основного объема тонкой линией карниза, то верх Благовещенского собора завершен закомарами, превратившимися в сложные по профилю два ряда кокошников, образующих глубокие ниши. Наружные тяги кокошников в вершинах несколько расщеплены.

Нельзя не обратить внимания на то, что пяты кокошников с южной стороны не совпадают с пилястрами главного фасада. Сохраняя ось центрального кокошника, боковые кокошники зодчий сместил в стороны, хотя на западном фасаде пяты кокошников совпадают с пилястрами.

Такое недоразумение можно объяснить тем, что основной объем со-

бора имеет прямоугольную форму, в связи с этим и возникла сложность в устройстве кокошников. Подобные ошибки не были исключением, так как в большинстве случаев здания строились без детальных чертежей.

Второй ряд кокошников на углах поставлен под углом 45° к зданию, чем подчеркивается более плавный переход от основного объема к завершающему здание пятиглавию.

Несмотря на то, что пятиглавие собора в основных чертах повторяет довольно распространенный прием завершения храмов этого времени и на первый взгляд ничем не отличается от подобных сооружений, при более детальном изучении нельзя не обратить внимания на деталь, присущую только муромским памятникам, — это переход от барабана к луковичной главе через усеченную пирамиду с вогнутой образующей.

Этот прием можно наблюдать и в других памятниках Мурома, например в центральной главе Троицкого собора.

Переход от вертикали через вогнутую кривую к луковичной главе в значительной степени обогащает силуэт здания.

Барабаны глав опираются на подставку в виде четырех кокошников, наружные стены их украшены висячими полуколонками с перекинутыми арочками. Центральный барабан имеет 4 щелевидных окна, предназначенных не столько для освещения, сколько для осуществления вентиляции помещения.

С северной стороны собора на месте разобранного придела XVII века (1652), пострадавшего при пожарах 1792 и 1805 гг., в 1811 году пристроен придел Иоанна Богослова и Дмитрия Ростовского с устройством в подклете калориферных печей. Пристрой выполнен в типичных для начала XIX века формах и не имеет какой-либо композиционной связи с основным зданием собора.

Расположенная с западной стороны собора паперть перекрыта кирпичным сводом. Внешний вид паперти подтверждает мысль о многочисленных перестройках, которым она подвергалась. По остаткам арочных тяг и ряду ширинок вместо имеющихся окон можно сделать предположение о том, что паперть была открытой и имела арочные проемы.

Возможно, что до построения колокольни (которая была пристроена позднее) лестница выходила на открытую паперть, которую с течением времени отеплили. Скорее всего, работы по переделке галереи выполнялись одновременно с приделом Иоанна Богослова и Дмитрия Ростовского в 1811 году.

На верх собора ведет лестница, расположенная внутри северной стены и выходящая в пространство северо-восточного барабана.

Крыльцо Благовещенского собора

В композиции Благовещенского собора большое значение имеет крыльцо, ведущее на паперть и являющееся главным входом в собор.

Крыльцо собора — это сложная архитектурно-скульптурная композиция, находящаяся в органической связи с основным зданием и колокольней.

Как известно, в русской архитектуре крыльцо всегда имело немаловажное значение не только с практической стороны, но и как чисто декоративный элемент здания. Крыльцо — это парадный вход в сени или на галерею.

Однако только в XVII веке появилось отдельно стоящее крыльцо, которое соединялось с галереей через лестницу на «ползучих» арках. Крыльцо подчеркивало парадность входа, особенно в тех случаях, когда церковь размещалась на подклете, а «ползучая» арка подчеркивала движение вверх.

По всей вероятности, крыльца в более ранний период были деревянными, о чем можно сделать заключение по некоторым памятникам раннего московского зодчества.

Одним из первых крылец «на отлете» (как определяет их И. Грабарь) появилось крыльцо в церкви Троицы в Никитниках. И этот прием настолько полюбился современникам, что они стали широко применять его при строительстве церквей как в Москве, так и в других городах.

Среди значительного количества крылец XVII века крыльцо муромского Благовещенского собора отличается своеобразием и самобытностью благодаря своей живописности и скульптурности.

На четырех классических постаментах установлены опоры сложной по рисунку конфигурации с капителями в виде профилированных плит, при этом передние имеют форму восьмигранных балясин утолщенных пропорций, а задние — в виде шаров, опирающихся на упрощенные подушки-базы.

Опоры, соединенные полуциркульными арками, несут основной кубический объем крыльца. Одновременно с этим они являются основанием для двойных арок с висящей опорой в виде гирьки. Фасадные углы кубического объема декорированы балясинами сложного рисунка, несущими карниз с полочками и выкружками.

Над карнизом вкомпонована широкая лента парапета с довольно глубокими нишами в виде кокошников по три с каждой стороны.

Верх крыльца завершен тремя шатрами. Центральный шатер — с гур-

тами по углам граней, переходящими в вершине шатра в балясины, на которых покоится четыре кокошничка. Шатер завершается белокаменной резной вазой со сложным орнаментом, на которой укреплена стилизованная металлическая корона с изящным флажком из кровельной стали.

Над передними опорами укреплено два меньших по размерам восьмигранных шатра с гуртами по углам, на вершинах которых установлены белокаменные резные вазы. Ползучей, стремительно поднимающейся вверх аркой крыльцо увязывается с папертью, расположенной на подклете.

Колокольня Благовещенского собора

Позднее основного храма построена каменная колокольня. В описи Бартенева упоминается «колокольница деревянная прирубленная». Колокольня смещена с главной оси храма и отделена от него папертью.

Точная дата построения колокольни неизвестна, но по своим формам она близка к шатровым колокольням XVII века и напоминает колокольню церкви Николы на Пыжах в Москве, хотя имеет свои специфические черты.

Три яруса четвериков, опирающихся на мощный белокаменный цоколь и отделенных друг от друга поясками, на углах имеют

Благовещенский собор. Окно южного фасада

Благовещенский собор. Главы

Благовещенский собор. Крыльцо

широкие лопатки, разделенные на три яруса тесанными из кирпича деталями баз и капителей.

На ярусах для освещения помещений сделаны окна, обрамленные наличниками из профилированного кирпича.

С южной стороны второго яруса устроено спаренное окно с богатым наличником.

Восьмигранный шатер опирается на 8 столбов, соединенных арками с довольно сложным профилем. Вершины арок расщеплены.

На гранях шатра по осям арок устроены слухи в виде арочных проемов, обрамленных треугольными фронтончиками, опирающимися на миниатюрные пилястры.

На верху шатра укреплена кирпичная восьмигранная шейка, а на ней луковицеобразная главка. Столбы опор вертикальными прорезями разделены на три части, что зрительно усиливает несущую способность опор.

Порталы муромских церквей

Перспективный портал — неотъемлемая часть церквей как владимиро-суздальской архитектуры, так и раннемосковского зодчества.

Как правило, при отсутствии крытых папертей порталы подчеркивали главные входы в церковные здания и являлись одним из важнейших композиционных элементов зданий, построенных в строгих архитектурных формах.

Достаточно вспомнить порталы Успенского собора (1185—1189) и Дмитриевского собора (1194—1197) во Владимире, церкви Покрова на Нерли (1165), Успенского собора (1475—1479) в Москве и другие, которые при помощи полуколонн, соединенных жгутами и в некоторых случаях украшенных бусами, создавали впечатление значительной толщины стен.

В XVI веке в московской архитектуре (храм Василия Блаженного, 1555—1560) портал получил большую декоративность с применением пилястр и сложного орнамента в виде розеток, кубышек, бусин и других скульптурных элементов.

В большинстве муромских сооружений XVI века портал был одним из важнейших декоративных элементов, подчеркивающих композиционную ось здания. Порталы Козьмодемьянской церкви (1556—1565), Спасо-Преображенского собора (около 1553), Богородицкого собора (около 1553) являются важнейшими композиционными элементами зданий, характерными для муромских мастеров.

В более пышных формах порталы распространены в муромских храмах в XVII веке. Одним из интереснейших порталов в Муроме является портал с западной стороны Благовещенского собора, который по своим формам можно отнести ко второй половине XVI века и который, как мож-

но предположить, в XVII веке при строительстве крытой галереи и шатрового крыльца оказался внутри здания.

Воскресенский монастырь

Органически вписалась в ансамбль города группа зданий второй половины XVII века — Воскресенская и Введенская церкви на Штабу, выстроенные около 1658 года на средства купца Черкасова на территории существовавшего до 1764 года женского монастыря.

Воскресенская и Введенская церкви в ансамбле с вблизи стоявшей и не дошедшей до нас Георгиевской церковью 1655 года благодаря своему удачному местоположению на высоком берегу реки производили незабываемое впечатление.

Все три церкви по своим архитектурным формам имели много общего с Троицкой и Благовещенской церквами, построенными почти одновременно, хотя некоторые детали Воскресенской и Введенской церквей, по всей видимости, претерпели изменения в связи с проведенными в конце XIX столетия наружными штукатурными работами.

Не испортили ансамбля и позднейшие пристройки — галерея у Воскресенской церкви и колокольня вблизи Введенской.

Воскресенский монастырь

Воскресенская и Введенская церкви

Воскресенская церковь

Несмотря на большое сходство архитектурного мотива Воскресенской церкви с Благовещенским собором, нельзя не отметить своеобразие архитектурных форм и композиции церкви.

Архитектура Воскресенской церкви так же, как и Благовещенской, проста и лаконична. Четырьмя лопатками, опирающимися на белокаменный цоколь с четким объемным профилем, южный (главный) фасад разбит на три части, при этом в центральном простенке по оси одно над другим расположены два окна. Окно первого яруса по сравнению с остальными окнами значительно расширено и обрамлено богато орнаментированным наличником в виде резных пилястр, опирающихся на консоли и завершенных килевидными кокошниками. Среднее окно второго яруса по сравнению с боковыми несколько больших размеров. Боковые окна второго яруса вытянутых пропорций также обрамлены наличниками с пилястрами и кокошниками, но они более скромны в своих деталях. Пилястры несут широкий пояс карниза, фриз которого состоит из ширинок с углублениями, как в Благовещенском соборе.

Над карнизом с каждой стороны размещено по три кокошника в виде довольно глубоких арок со сложным тянутым профилем и килевидным завершением. Пяты арок в отличие от пят арок Благовещенского собора расположены точно над пилястрами.

Свободное пространство между кокошниками заполнено небольшими кокошничками, вершины которых расположены на одном уровне с вершинами кокошников-закомар.

В отличие от Благовещенского и Троицкого соборов в Воскресенской церкви не имеется второго ряда кокошников, и церковь покрыта четырехскатной крышей с несколько вспарушенной кровлей, на которой на довольно высоких цилиндрических барабанах установлено 5 луковичных глав. Барабаны опираются на спаренные кокошнички, поставленные под прямым углом друг к другу.

Каждый из угловых барабанов прорезан четырьмя щелевидными проемами, а в центральном барабане их сделано восемь, подобных проемам угловых барабанов. Верх барабанов украшен относительно большим карнизом с несколько грубоватыми сухариками, размеры которых, возможно, увеличились после проведения штукатурных работ в конце XIX века.

С западной стороны к Воскресенской церкви примыкает несколько вытянутая в меридиональном направлении трапезная, характерная для XVII века.

С основным храмом трапезная соединена широким арочным проемом.

С северной и западной сторон к церкви примыкает обходная открытая галерея на подклете с арочными проемами и двумя шатровыми с четырехскатной кровлей крыльцами.

На плоскости южной стены трапезной, расчлененной пилястрами, расположено три окопных проема, обрамленных наличниками в виде полуколонок, опирающихся на консоли и соединенных фронтонами, повторяющими рисунок кокошников центрального объема.

Трехчастная абсида, соединенная с основным помещением церкви тремя арочными проемами, перекрыта куполообразными кровлями.

По осям арочных проемов и с южной стороны абсиды сделаны окопные проемы, украшенные наличниками, подобными наличникам трапезной, но в отличие от них фронтоны проемов имеют криволинейные очертания с вогнутыми кривыми.

Несмотря на то, что Воскресенская церковь в общих чертах повторяет архитектуру Благовещенского и Троицкого соборов, зодчий не стал слепо копировать их, а умело использовав мотивы, создал своеобразное и совершенно отличное от стоявших перед его глазами образцов здание, применив новые, более прогрессивные архитектурные приемы, например: церковь перекрыта четырехскатной кровлей, улучшено освещение интерьера за счет увеличения окопных проемов с внутренней стороны. В связи с устройством четырехскатной кровли зодчим не сделан второй ряд кокошников. Купольные перекрытия абсид также подтверждают высокое мастерство и самостоятельность творчества зодчего. Фасады лопатками разделены на 3 части, широкий пояс карниза — с едва различимы-

Воскресенская церковь.
Южный фасад

ми делениями на части, обрамления окон — в виде полуколонок с розетками и кокошниками, луковичной формы главы.

Галерея и крыльца Воскресенской церкви

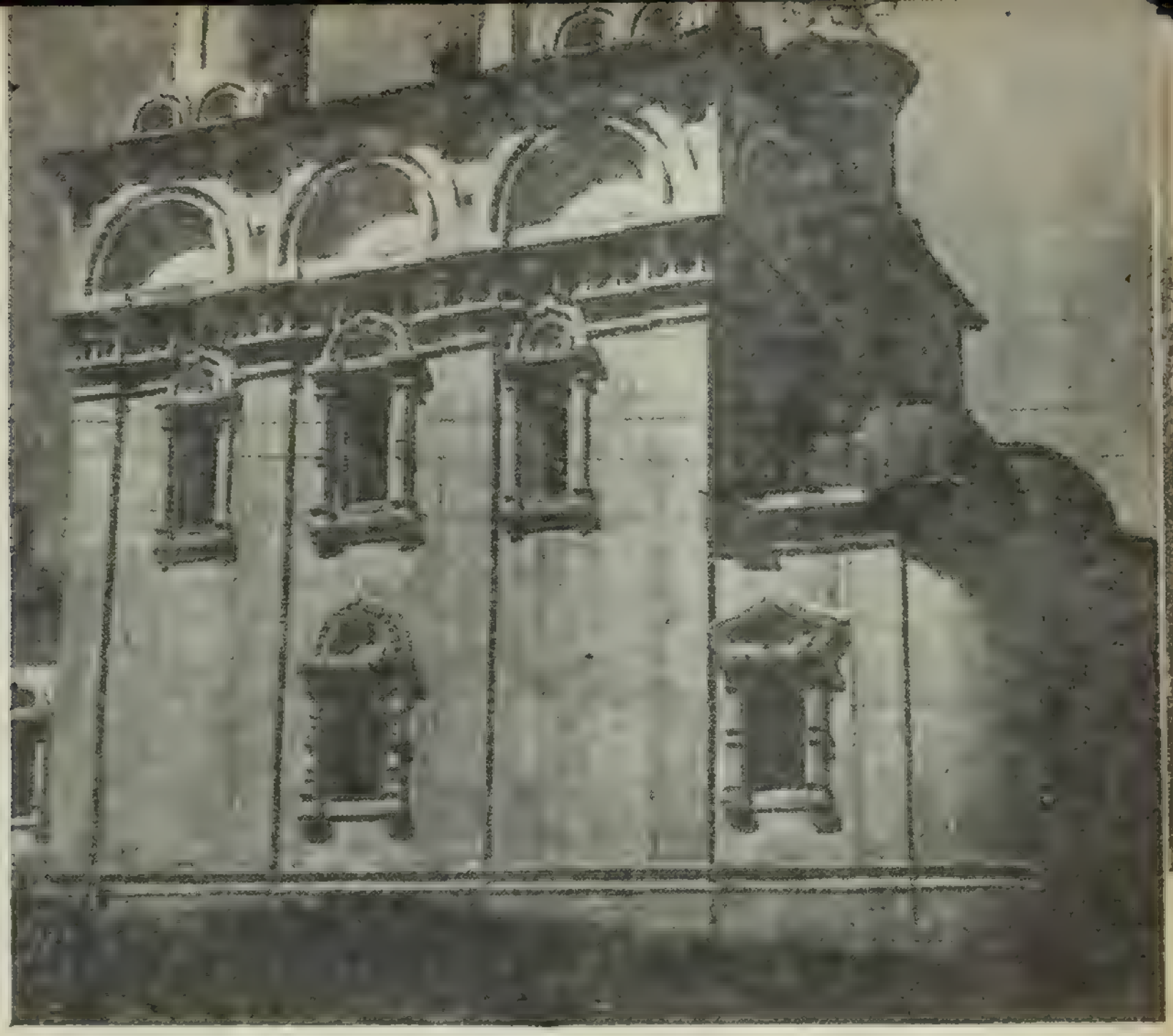
Заслуживают внимания открытые галереи и крыльца с северной и западной сторон Воскресенской церкви. Несмотря на более позднюю пристройку, они завершают композицию церкви, обогащают ее архитектуру, органически сливаясь как с основным объемом с южной стороны, так и с трапезной с западной стороны церкви.

Низкие арки, несколько отличающиеся по размерам друг от друга, опираются на приземистые столбы квадратного сечения, завершенные простыми капителями в виде подушки и абаки.

Пространство между опорами заполнено глухим парапетом с белокаменным поручнем.

Вся галерея возвышена над уровнем земли. Под галереей расположен подвал для хозяйственных целей.

Профиль цокольной части галерей повторяет рисунок цоколя основного объема церкви.



Воскресенская церковь. Южный фасад и абсиды

Сводчатые перекрытия ее покрыты односкатной кровлей.

С северной стороны глухой парапет декорирован глубокими нишами квадратного сечения.

По всей видимости, это единственное здание в городе, в котором сохранилось богатое гульбище, выполнявшее не только утилитарную роль, но и являвшееся декоративным элементом, позволяющим зрителю наслаждаться живописными видами заокских далей. Заделанная с восточной стороны арка не позволяет сейчас воспроизвести открывающуюся панораму Оки, но при незначительных реставрационных работах может представиться возможность вновь восстановить прекрасную видовую точку.

Главный вход в церковь подчеркнут мощным резным порталом из балясин, повторяющихся в различных сочетаниях.

Каждая опорная часть портала состоит из трех балясин, при этом балясина, расположенная на первом плане, наполовину перекрывает балясины второго плана. Они опираются на низкие постаменты сложного профиля и несут довольно тяжелый карниз.

Балясины того же рисунка изгибаются по направлению арки портала.

Дверной проем непосредственно обрамлен тонкими трехчетвертными

Введенская церковь.
Фронтон

колонками, на которые опирается арка сложного профиля с крупными резными сухариками.

Западный и южный входы в церковь подчеркнуты шатровыми крыльцами, соединенными ползучими арками с галереями.

По своей архитектуре крыльца напоминают крыльцо Троицкого собора и значительно беднее трехшатрового крыльца Благовещенского собора. Они почти одинаковы по рисунку и размерам. Их восьмигранные столбы опираются на кубической формы постаменты.

Столбы соединены трехцентровыми очень пологими арками четверика, свод которого перекрыт четырехскатным шатром пирамидальной формы, а в вершине укреплена небольшая луковичная главка на барабане.

Живописное расположение на высоких откосах Оки и глубокого оврага подчеркивает всю прелесть одного из лучших зданий XVII века в Муроме, которое в сочетании с Введенской церковью, колокольней и находившейся раньше вблизи Георгиевской церковью представляло собой один из самых совершеннейших городских ансамблей.

Введенская церковь

Расположенные с северной стороны Воскресенской церкви на расстоянии нескольких метров (7,5 *м* от крыльца), Введенская церковь и колокольня органически вписались в ансамбль б. Воскресенского монастыря, завершая его композицию.

Введенская церковь выполнена в очень скромных архитектурных формах и представляет собой вытянутый с востока на запад прямоугольник, центральная часть которого перекрыта невысокой четырехщипцовой кровлей, в центре которой размещена небольшая луковичная, близкая к шлемовидной, главка на цилиндрическом барабане, в основании его имеется четыре миниатюрных кокошничка.

Центральная часть церкви очень немного возвышается над трапезной.

План церкви чрезвычайно прост. Прямоугольная абсида соединена с основным объемом тремя арками. Вместо паперти устроены теплые сени с небольшими окопцами.

Под двускатной кровлей сделан карниз с упрощенным профилем. Окна, расположенные в нишах, по всей видимости, растесаны в XIX веке. Переход от свода снаружи декорирован вторым выступающим фронтоном, опирающимся на карниз, лежащий на стене с широкими пилястрами-лопатками.

Колокольня Введенской церкви

На продольной оси Введенской церкви с западной стороны расположена колокольня, в первом ярусе которой был устроен пологий арочный проем, являющийся парадным входом в монастырь с северной стороны.

От церкви Введения колокольня отделена узким арочным проходом. Вход богато декорирован резными белокаменными спаренными балясинами на консолях. Карниз, завершающий первый ярус четверика, раскрепован над пилястрами.

Опорные части арки представляют собой очень глубокие ниши, образованные большим количеством тяг в виде полочек и полукружий.

Верхняя часть завершается сильно выступающим карнизом.

Над входной аркой устроена довольно глубокая ниша, обрамленная тягами на консолях и завершенная фронтоном с вогнутыми сторонами.

Подобные декоративные ниши имеются и на обоих фронтонах основного объема. Композиция церкви отличается простотой и ясностью. Она напоминает деревянные церкви, состоявшие, как правило, из трех клетей, отличающихся друг от друга размерами и высотой.

Декоративная обработка входа, расположенного под колокольней, очень близка к обработке входа надвратной церкви Стефания Благовещенского монастыря, но благодаря тому, что четверик колокольни Воскресенской церкви состоит из двух ярусов, восьмигранный шатер имеет более приземистые формы. У колокольни менее изящные пропорции и она уступает по красоте колокольням Троицкого и Благовещенского монастыря, выстроенными, по всей видимости, одновременно с колокольней Воскресенского монастыря.

Как и у колокольни Благовещенского монастыря, углы четверика выделены широкими лопатками, идущими на оба яруса. С южной стороны второго яруса устроено спаренное окно с двумя щелевидными проемами, обрамленными наличниками с тремя полуколонками на общей консоли, перекрытыми двумя кокошниками килевидной формы; наличник очень близок по рисунку к наличнику второго яруса колокольни Благовещенского монастыря, и, несмотря на то, что в настоящее время это окно растесано и наличник сбит, возможно его восстановление в первоначальных формах.

Нижняя часть восьмерика, так же как и у колокольни Благовещен-

ского монастыря, декорирована спаренными ширинками. На восемь столбов опираются пологие арки с тремя плоскими тягами, верхняя из которых имеет килевидную форму.

Восьмигранный шатер на углах не имеет гуртов, один его ряд слухов с килевидными кокошничками завершается луковичной главкой на очень тонкой восьмигранной шейке.

Несохранившиеся здания XVII века

Остальные сооружения XVII века с течением времени утеряны.

Большинство зданий того времени было выполнено на высоком художественном уровне, с большим мастерством. Муромские мастера сумели заставить звучать кирпич и местный бутовый камень.

Нельзя усомниться во взаимном влиянии муромских сооружений и сооружений Москвы и Владимира. Известно, например, участие муромских мастеров в строительстве Рождественской церкви во Владимире и некоторых сооружений в Суздале.

В настоящее время не представляется возможным восстановить некоторые памятники XVII века, разрушенные временем и невежеством. К сожалению, до нас дошло очень немного материалов — чертежей, фотографий, квалифицированных описаний, которые позволили бы подвергнуть детальному изучению эти памятники. Однако не лишне упомянуть об отдельных сооружениях этого «золотого» для города века.

Нельзя не назвать пятиглавую Николо-Можайскую церковь, которая была расположена вблизи перекрестка улиц Миллионной и Можайской (соответственно ныне Первомайской и Комсомольской).

По преданию, Николо-Можайская церковь была построена в XVI веке при Иване Грозном, но, как известно из писцовой книги 1637 года, в 1630 году церковь сгорела. В 1676 году ее перестроили и придали черты, характерные для этого времени. Можно предположить, что Николо-Можайскую церковь постигла примерно та же участь, что и Благовещенский собор, который, как известно, в Смутное время пришел в ветхость и при восстановлении во второй половине XVII века получил новые черты. Лишь фотографии могут напомнить любителям зодчества об этом замечательном сооружении.

Колокольня Николо-Можайской церкви выстроена в 1788 году, по форме она очень близка к архитектуре колоколен XVII века Благовещенского и Троицкого монастырей.

Вблизи бывш. Воскресенского монастыря, на береговой террасе Оки, стояла Георгиевская церковь, построенная посадским человеком Сидором Лопатиным в 1655 году на месте существовавших, по данным писцовых книг 1624 и 1637 гг., двух деревянных церквей.

Николо-Зарядская церковь

Выполненная в типичных для XVII века формах, пятиглавая, кубической формы, Георгиевская церковь в сочетании с Воскресенской и Введенской церквами, расположенными в нескольких десятках метрах на высоком берегу, создавала законченную архитектурную композицию северной части города, которая в дальнейшем, в конце XVIII века, получила название «Штаб».

Вблизи торговых рядов, с восточной стороны базарной площади, находилась Николо-Зарядская церковь, от которой в настоящее время сохранился подклет.

Николо-Зарядская церковь построена на месте деревянной в 1675—1677 гг. на средства купца Смолина.

С западной стороны ее располагалась шатровая колокольня.

Отличительная особенность церкви — кресты с коронами вверху и полумесяцами внизу, что дает основания предположить об участии в строительстве этой церкви царя, тем более что недалеко от церкви существовал царский двор для приездов Ивана Грозного, о чем упоминается в писцовых книгах.

Николо-Зарядская церковь в отличие от других церквей, пятиглавых и трехабсидных, была одноглавой, с цилиндрическим барабаном и однoабсидным алтарем. Кровля церкви — четырехскатная, с металлическим подзором, окна в два яруса, обрамленные изящными колонками, над которыми установлены типичные для муромской архитектуры завершения в виде теремков. Карниз выполнен в простых формах и состоял из не-

скольких тонких поясков, широкая лента фриза расчленена квадратными с круглыми впадинами-ширинками.

Колокольня с восьмигранным шатром имела те же детали, что и основное здание. На южной стене колокольни в двух местах — скульптурные изображения двуглавых орлов, что, с одной стороны, значительно обогащает архитектуру церкви, с другой стороны, так же как и короны на крестах, подтверждает участие царя в ее строительстве.

Николо-Зарядская церковь — одна из лучших церквей второй половины XVII века в Муроме.

В конце XVII века на несколько десятилетий приостановилось развитие Мурома. Из-за моровой язвы и произвола бояр и воевод к концу 60-х годов XVII века население муромского посада сократилось на одну треть — с 622 домов в 1662 году до 404 домов в 1664 году.

Своевольство воеводы Скрипицына, как сообщает об этом в «Историческом обозрении города Мурома» А. А. Титов (1901), вынудило в 1695 году жителей города обратиться с челобитной к царям Иоанну и Петру с просьбой о том, чтобы оградить жителей города от произвола воеводы, который по своему усмотрению устраивал суд и расправу над неповинными людьми, занимался вымогательством, взяточничеством, поборами.

В результате разгоревшейся крестьянской войны под руководством Степана Разина резко сократилась торговля, товары перестали поступать как из низовых городов, так и с Украины. Одновременно с этим пришли в упадок и ремесла.

В конце XVII века в результате влияния на русскую архитектуру архитектуры западноевропейских стран русское зодчество в некоторой степени начинает терять самобытность.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ XVIII ВЕКА

В первой половине XVIII века в связи с развитием производительных сил, расширением производства и укреплением всероссийского рынка развертывается строительство фортификационных сооружений, каналов, верфей, заводов и фабрик.

Это время, с одной стороны, характерно утверждением русского государства, началом строительства русского флота, войной за возврат исконно русских территорий — Азова, Ливонии, Эстонии и других, началом строительства новой русской столицы — Петербурга; с другой стороны — жестокой эксплуатацией крестьян, еще большим их закрепощением.

Впервые в истории России издается теоретическое и практическое руководство по строительству и архитектуре «Должность архитектурной экспедиции».

Создается русская школа талантливых зодчих Петра Еропкина, Ивана Коробова, Ивана Мордвинова, Ивана Мичурина, которые прошли обучение за границей.

К застройке новой русской столицы — Петербурга — привлекаются лучшие русские и иностранные архитекторы. Для упорядочения застройки городов создаются «образцовые» проекты жилых домов.

Застройка Петербурга осуществляется по генеральному плану. Вводится некоторая регулярность и при застройке Москвы и других русских городов.

К сожалению, в начале XVIII века в Муроме не было такого расцвета архитектуры, как это происходило в середине XVII века.

В первой половине XVIII века, отражая глубокие общественные процессы, происходившие в стране, живопись, скульптура, архитектура принимают все более светский характер, постепенно освобождаясь от религиозных пут.

В архитектуре получает развитие стиль барокко, отражающий новые устремления эпохи.

Получает развитие монументальная архитектура, которая вместе с монументальной скульптурой и живописью прославляет выдающиеся исторические события петровской эпохи: выход России к морю, достижения в экономическом, политическом и культурном развитии России.

Основное строительство сосредоточивается в Москве и Петербурге, где сооружаются здания арсенала, городской ратуши, Гостиного двора, Адмиралтейства и другие.

Победа в Северной войне (1700—1721) позволила одному из лучших русских полководцев А. Д. Меншикову увековечить победу строительством церкви архангела Гавриила в Москве, прозванной впоследствии «Меншиковой башней», в Петербурге строится замечательный монумент-колокольня Петропавловского собора (1712—1733), выполненная по проекту Д. Трезини.

Петергофские фонтаны, являющиеся своеобразной аллегорией выхода России в Балтийское море, сооруженные по проекту Ж. Б. Леблона, могут служить примером синтеза искусства и высокого инженерного мастерства.

Дворцы Меншикова в Петербурге (1710—1716), выстроенные по проекту архитектора Д. М. Фонтана, и в Ораниенбауме (арх. Г. И. Шедель), здание кунсткамеры в Петербурге (арх. Г. И. Маттарнови и М. Г. Земцов), здание Двенадцати коллегий (арх. Д. Трезини), дворец «Монплезир» в Петергофе (арх. Ж. Б. Леблон), Летний дворец в Петербурге (арх. А. Шлютер) и многие другие за короткое время превратили новую столицу России в один из самых лучших городов Европы.

Любопытно привести знаменитый Указ Петра I от 9 октября 1714 года «О каменном строении» в Петербурге:

«...Понеже здесь каменное строение зело медленно строится, от того, что каменщиков и прочих художников того дела достать трудно, и за довольную цену. Того ради запрещается во всем Государстве, на несколько лет (пока здесь удовольствуются строением) всякое каменное строение, какого б имяни ни было, под разорением всего имения и ссылкою».

В том же месяце явился Указ о том, чтобы каждое судно, приходящее в Петербург, привозило с собой «дикого камня на тялке и на шкуте, на каждой по 30... на карбасе 30 же, на полукарбасе 20, на водовике и сопме на каждом по 10 камней».

«Также и сухим путем которые возы пойдут в Санктпетербург с провиантом и с подрядными всякими вещами и припасы, и со всякими товары, и к Санктпетербургским жителем с запасами и с прочею всякою кладью, или и простые подводы, также которые люди и крестьяне и латыши будут приезжать в Санктпетербург из здешних уездов, и тем всем в

Церковь Николы Набережного

каждой к Санктпетербургу приезд, привозить на каждом возу по три камня, и объявлять тот камень Обер Комисару Синявину».

Как сообщает А. А. Титов в «Историческом обозрении города Мурома», в Петербург из Мурома было взято 6 семейств, в том числе известные с древности фамилии муромских старожилов: Кожевников, Рукавишников, Усов, два семейства Тагуновых и Провоторхов.

В результате Указа Петра о запрещении каменного строительства во всей России, за исключением Петербурга, во многих городах фактически приостановилось каменное строительство. Этим, по всей видимости, можно объяснить прекращение строительства каменных зданий и в Муроме в первой половине XVIII столетия.

Николо-Набережная церковь

В первой трети XVIII столетия фактически выстроено всего лишь несколько культовых зданий. Мы в настоящее время не можем с достоверностью определить, почему нарушен Указ Петра I «О каменном строении», во всяком случае эти три замечательных сооружения сыграли значительную роль в завершении композиции и оказали дальнейшее влияние на планировку города.

Органически вписалась в ансамбль города выстроенная в 1700—1717 гг. вблизи Тайницких ворот кремля церковь Николы-Набережного (Мокрого).

Николо-Набережная церковь построена на месте деревянной церкви

XVI века, вблизи «двора государева» и «зелейного двора» XVI века, пришедших в ветхость. Она расположена, подобно Козьмодемьянской церкви, на террасе берега Оки, на одной из самых заселенных улиц города — Береговой, называемой от Беседского до Ямского моста Мережной, где жили царские рыболовы, образующие царскую Мережную слободу.

Из описи Бартенева 1637 года известно, что Береговая улица тянулась вдоль реки более чем на три с половиной версты вдоль всей территории города и на ней кроме жилых домов, дворовых строений, огородов располагалось несколько мостов через ручьи, протекающие по оврагам, и деревянные церкви — Иоанна Милостивого вблизи Козьмодемьянской и Ильи Пророка вблизи Николо-Набережной церкви.

Архитектура Николо-Набережной церкви явилась продолжением и развитием традиций муромской архитектуры. В плане — почти квадрат, завершенный на востоке полукружием трехчастной абсиды. Основной объем вытянут по вертикали, двухсветный, перекрытый сомкнутым сводом, на котором покоится пять глухих барабанов с главами луковичной формы, нижняя часть барабанов декорирована циркульными кокошниками.

Фасады украшены деталями из профилированного кирпича. Все четыре угла основного объема подчеркнуты пучком вытянутых по вертикали колонок, из которых угловая большего диаметра. Верхняя часть колонок объединена общей капителью, затем переходящей в раскреповку карниза. Два яруса оконных проемов украшены богатыми тонко нарисованными наличниками, которые в сочетании с сильно развитым по вертикали карнизом, содержащим в своем составе по три декоративных килевидных кокошника, составляют пышную композицию стены, типичную больше для архитектуры XVII века, чем для архитектуры начала XVIII века, когда эта церковь выстроена.

Одноэтажная трехчастная абсида на углах имеет также колонки. На каждой части абсиды — оконный проем с наличниками, близкими по формам и деталям к наличникам основного объема.

Несмотря на общие черты в композиции со зданиями, выстроенными в Муроме во второй половине XVII века, Николо-Набережная церковь имеет много своеобразных и отличных от XVII века приемов композиции и деталей, отражающих достижения архитектуры этого времени — «петровского барокко».

Вертикально поставленный параллелепипед находится на расширяющемся уступами книзу кирпичном цоколе. На гладкой стене южного фасада в два яруса размещены четыре одинаковых окна. Белокаменные, очень скульптурные обрамления в виде трехчетвертных колонок опираются на резные консоли, соединенные подоконниками в виде тяг. Колонки несут карнизы, над которыми размещаются разорванные фронтоны вогнутого очертания.

Разрывы фронтонов заполнены декоративными вставками. Карниз, состоящий из белокаменных тяг и кирпичных сухариков в виде поставленных под углом друг на друга кирпичей, раскрепован над угловыми колоннами.

В отличие от памятников XVII века вместо закомар или кокошников, которые одновременно были декоративными украшениями сомкнутого свода и выполняли роль кровли этого свода, над карнизом Николо-Набережной церкви продолжается стена, расчлененная тремя декоративными арками с каждой стороны параллелепипеда. В продолжении угловых колонок основного объема сделаны лопатки-пилястры.

Над параллелепипедом возвышается четырехскатная металлическая кровля.

Пять глав с цилиндрическими глухими барабанами, поставленными плотно друг к другу, завершают этот замечательный памятник петровского времени.

Барабаны установлены каждый на подставке, состоящей из четырех полуциркульных кокошников. Верх барабанов завершается карнизом, поверхность декорирована щелевидными нишами.

Купола очень близки к шлемовидной форме и по своим очертаниям в значительной мере отличаются от куполов Благовещенской, Троицкой, Воскресенской и других церквей.

Северный фасад не имеет оконных проемов. Крыльцо с белокаменными ступенями размещено по оси стены.

Окна размещенной в сторону реки трехчастной абсиды имеют украшения, подобные оконным обрамлениям южного фасада. Любопытно отметить, что в нише центрального кокошника с восточной стороны просматривается роспись по кирпичу. Не исключено, что и в других кокошниках могли быть росписи.

Известно, что Николо-Набережная церковь имела несколько этапов строительства.

Пристройка трапезной в 1803 году и вторичное ее расширение в 1847 году вместе с небольшой колокольней закончили композицию замечательного памятника, хотя некоторые детали и поздние пристройки значительно грубее, чем основной памятник. Довольно грубо и безвкусно выполнен вход в церковь с западной стороны.

Трапезная в стиле ампир симметрично примыкает к холодному храму через полуциркульные алтари.

С южной стороны под трапезной имеется подклет с двумя входами. Пять вытянутых по вертикали окон объединены карнизом с арочными тягами над окнами.

Карниз декорирован квадратными нишами. Резной позолоченный иконостас поражает торжественностью и высоким мастерством резчиков-исполнителей.

Безусловный интерес представляет колокольня, расположенная с западной стороны трапезной по оси входа и фактически встроенная в нее. Однако по наличию некоторых деталей четверика колокольни, и в частности, скрытого на чердаке с южной стороны четверика окна, можно предположить, что либо колокольня выстроена в два приема, либо в связи с длительным сроком строительства восьмерик колокольни появился позднее, чем четверик.

Восьмерик колокольни выполнен в виде восьмигранных столбов, соединенных циркульными арками. Над осями арок расположены круглые окна — люкарны, выполняющие роль слухов шатровых колоколен. Колокольня перекрыта плоским куполом шлемовидной формы.

Церковь Вознесения

Церковь Вознесения выстроена в 1729 году. Она поставлена на месте деревянной церкви, существование которой подтверждает Сотная книга 1574 года.

При составлении генплана города в 1788 году церковь Вознесения явилась одним из важнейших композиционных узлов, на который были ориентированы главные магистрали города — улицы Московская и Касимовская, имеющие в отличие от других улиц ширину 12 сажен (около 25 м) вместо 10 сажен у всех остальных улиц.

Изящная по своим пропорциям основного объема, церковь Вознесения во многом напоминает Николо-Набережную.

Так же, как в Николо-Набережной церкви, по углам параллелепипеда поставлены пучки из трех колонок, причем расположенные на углах колонны — большего диаметра. Над резными белокаменными капителями находится широкая лента поставленного под углом к плоскости стены карниза с фризом, состоящим из кирпичных зубчиков.

Сомкнутый свод декорирован аттиком с тремя полуциркульными арками с каждой стороны, углы аттика закреплены пилястрами.

На четырехскатной кровле находились пять луковичных глав на чрезвычайно тонких и изящных шейках.

Круглые барабаны поставлены на небольшие кокошники полуциркульной формы.

Главы Вознесенской церкви поставлены очень редко, на больших расстояниях друг от друга — в отличие от глав Николо-Набережной церкви, расположенных очень плотно. Угловые главки спущены на самые края крыши. Рисунок их очень напоминает главы суздальских церквей, таких, как Никольская, Пятницкая и другие.

На втором ярусе стены главного южного фасада расположены два окна с богатыми резными наличниками, по своему рисунку очень близкими к наличникам Николо - Набережной церкви: трехчетвертные колонки, опирающиеся на резные консоли, разорванный фронтон с вогнутыми карнизами криволинейного очертания.

С западной стороны основного объема примыкает трапезная очень приземистых пропорций с тремя низко расположенными окнами, обрамления которых напоминают обрамления основного объема. Фронтоны над окнами более массивны и опираются на карниз, состоящий из кирпичных зубчиков. Возможно, что трапезная Николо-Набережной церкви до перестройки была подобной же формы, но в связи с расширением приобрела характерные формы XIX века.

Вознесенская церковь. Южный фасад. Фото XIX в.

К западной стороне трапезной примыкала шатровая колокольня, четверик и восьмерик которой очень близки по архитектуре к четверику и восьмерику колокольни Николо-Набережной церкви.

Четверик, разделенный лентой карниза, являющегося продолжением карниза трапезной, на два яруса, выполняет роль вестибюля при входе в церковь с западной стороны. По углам четверика расположены пилястры, причем пилястры первого яруса значительно шире пилястр второго яруса.

Восьмерик, равный по высоте четверику, состоит из восьми пилонов, соединенных между собой полуциркульными арками.

Площадка колокольни ограждена каменной балюстрадой. Восьмигранный шатер со слухами в виде одного ряда окон с пилястрами и фронтончиками завершен луковичной главкой.

Судьба не пощадила этот замечательный памятник. Вскоре после того, как церковь была построена, с северной стороны к ней пристроили Входоиерусалимский придел, который в 1809 году вновь был расширен, а в 1892 году к нему сделана еще пристройка третьего придела. До нашего времени церковь дошла в искаженном состоянии.

Несколько десятилетий назад сломаны главы и декоративный аттик,

Надвратная церковь Стефания. Вид из-под арки собора

срублены декоративные обрамления окон и растесаны окна, до основания разобрана колокольня.

Несмотря на это, памятник сохранил свое композиционное значение в ансамбле города. Восстановить его можно по имеющимся фотографиям.

Надвратная церковь Стефания Благовещенского монастыря

Надвратная церковь Стефания, построенная «монастырским иждивением» в 1716 году взамен деревянной церкви 1655 года, как бы завершила архитектурную композицию ансамблей Благовещенского и Троицкого монастырей.

Расположенная с южной стороны Благовещенского монастыря, церковь Стефания до установления существующих границ по плану 1788 года выходила на Успенскую и Цветновскую улицы. Если посмотреть на Благовещенский монастырь с южной стороны, то надвратная церковь Стефания и колокольня поставлены симметрично по отношению к Благовещенской церкви.

Церковь Стефания скромна по архитектурным формам, незначительна по своим размерам.

Настоящий вид церковь приобрела после перестройки 1836—1839 годов, когда с западной стороны ее была сделана двухэтажная пристройка.

Первый этаж — прямоугольник, прорезанный двумя арками, при этом проезжая арка пологая. С восточной стороны служебное помещение, в котором размещалась монастырская библиотека. Арки декорированы колонками и балясинами в виде пилястр, опирающихся на постаменты с глубокими нишами, профилированными карнизом и цоколем.

Основной объем внутри перекрыт сомкнутым сводом, алтарь одноабсидный, перекрыт куполом. Фасад очень прост, стены разделены на две части тремя пилястрами, опирающимися на карниз, состоящий из нескольких тяг. Венчающий карниз состоит из кирпичных зубчиков и простого профиля, над которым с каждой стороны поставлены по три кокошника, наружные тяги которых чуть вспарушены.

Над четырехскатной кровлей укреплен цилиндрический глухой барабан, декорированный висячими колонками, соединенными арочками, очень близкий по размерам и деталям к угловым барабанам Благовещенского собора.

Благовещенский монастырь. Надвратная церковь Стефания

Муром во второй половине XVIII века

После смерти Петра во времена правления Анны Иоановны и Бирона в Муроме не было выстроено ни одного значительного здания. Замерло самобытное искусство муромских строителей, знаменитых «муролей», создавших в XVI—XVII и начале XVIII века замечательные произведения русского национального зодчества.

В результате утверждения России как могущественной мировой державы складываются художественные идеалы русского искусства второй половины XVIII века. Из среды архитекторов выдвигаются такие гениальные зодчие, как Баженов, Казаков, Старов. Архитекторы второй половины XVIII века решали крупнейшие градостроительные задачи. Объем строительства в России в этот период не имел себе равного в мире.

Отражая передовые общественные идеи своего времени, русские архитекторы создавали выдающиеся городские ансамбли и монументальные произведения, подняв русскую архитектуру на ведущее место в европейской архитектуре.

В 1763 году в связи с Указом «О сделании всем городам, их строению и улицам специальных планов по каждой губернии особо» начались большие градостроительные работы по проектированию губернских и уездных городов.

Так как в 1775 году произошло деление России на 50 губерний по 10—15 уездов в каждой, предстояло сделать проекты планировки не ме-

Земская управа

река Ока

План Мурома. 1769 г.

нее 500 городов. Под руководством талантливого и энергичного организатора И. И. Бецкого комиссия за почти тридцатилетнюю деятельность дала направление развитию большинству русских городов.

Одновременно с этим комиссией были созданы сотни «образцовых» проектов, по которым и предписывалось застраивать городские улицы и площади.

Это положило начало организованной застройке многих городов.

Большие градостроительные работы намечались и в Муроме, который как уездный город в 1796 году вошел во Владимирскую губернию.

Некоторое представление о городе можно составить по описанию, сделанному «по запросным известиям из Муромской Воеводской канцелярии, присланным в Академию наук за подписанием коллежского асессора Григория Батурина от 29 апреля 1764 г.».

В этом описании упоминается кремль. Он находился «в деревянной осыпи», окруженный с трех сторон глубокими рвами, а с четвертой, восточной стороны, к кремлю подходила река Ока.

Однако, как показывает описание кремля, «ограждение деревянное теперь совсем развалилось». Известно, что уже в конце XVIII столетия крепостные стены кремля были окончательно разобраны.

По описанию видно, что в городе и на посаде в это время было 34 церкви, в том числе 18 каменных и 16 деревянных.

«Домы обывательские были все деревянные. Первостатейных купцов, кои торгуют валовыми товарами, находится небольшое число: а из прочих некоторая часть в среднем, а большая в убогом находится состоянии...

Муромские купцы имеют кожевенные заводы, изготовляемые на них красные юфти отпускают в Санкт-Петербург, также выделываемые мелочные кожи продают в Муроме, да мыльные заводы, с которых отвозят мыло в другие города.

Закупают в Муроме и в уезде на торжках разных рук холсты и отвозят в другие города на ярмарки. А некоторые из купцов закупают в зимнее время на Моршенской пристани, которая состоит в Тамбовском уезде, в селе Морше, разный хлеб и отвозят оный по весне коломенками до города Ярославля и в другие места; отпускают также из Мурома по небольшому количеству лесных разных товаров коломенками же до Астрахани; многие же пекут из пшеничной муки калачи на продажу в другие города и места...

Ремесла имеют они: кузнечное, сапожное, крашенинное, сыромятное и рукавичное; делают также кирпичи и печи, сучат восковые свечи и льют сальные...

В городе состоят две хлебные мельницы на Воскресенском и Ямском ручьях».

Большое значение для развития экономики города имела Муромская ярмарка. «Июня 25 дня, на праздник благоверных князя Петра и княги-

Воинское присутствие

ии Февронии, муромских чудотворцев, бывает богомолье, при котором муромские купцы имеют и из других городов обыватели привозят следующие знатные товары: хлеб, мясо и рыбу разных родов, шелк, кумачи, китайку по цветам, бумагу хлопчатую, воск, ладан, масло деревянное, чай, сахар, виноградные напитки, меха, заячьи и мерлушчатые, рукавицы, шапки и другие мелочные вещи, також и крестьянское рукоделье».

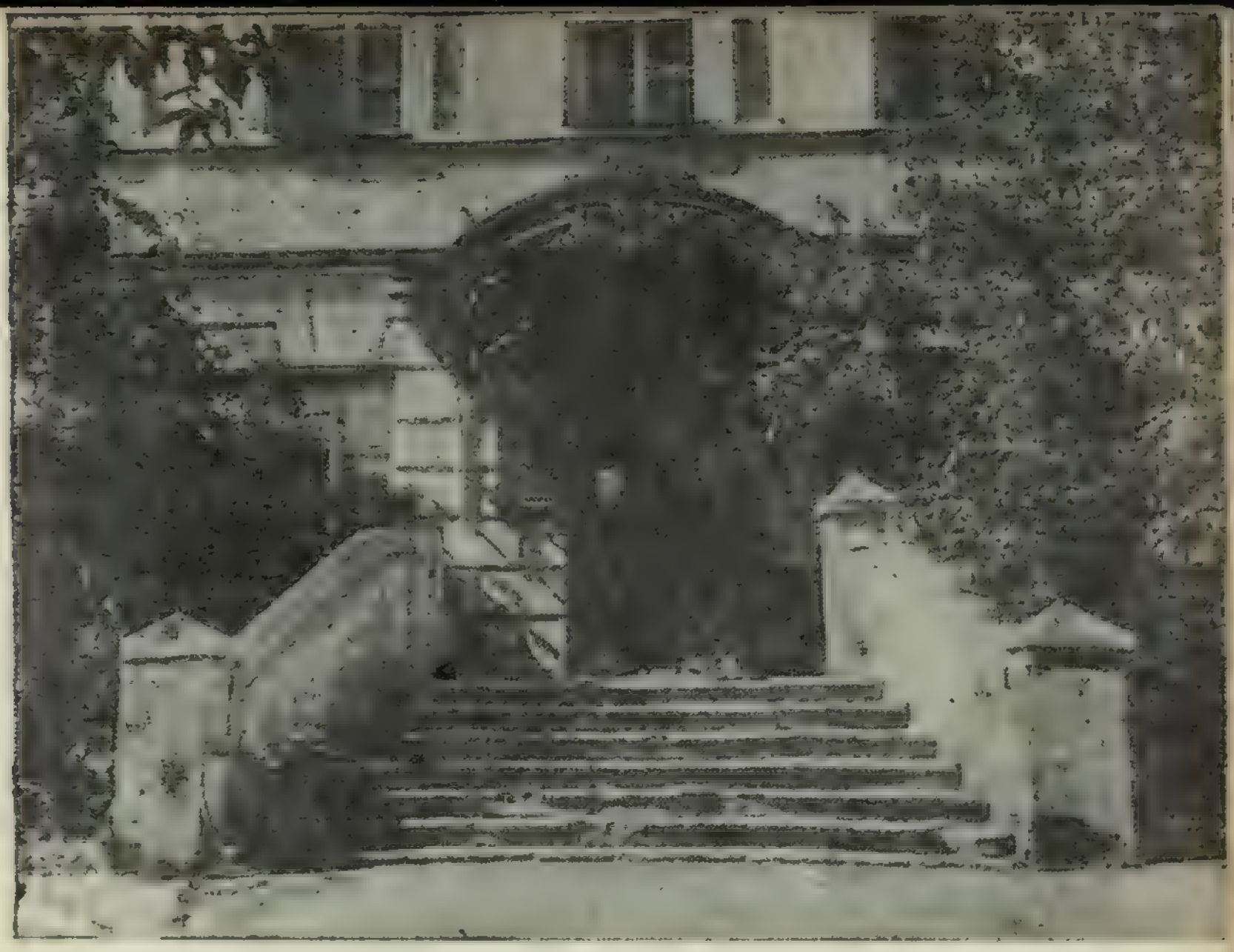
Как видим, несмотря на то, что в 1764 году и не отмечено особого процветания города, здесь наряду с производствами и промыслами, развиваются хлебная и лесная торговля и розничная продажа разных мануфактурных изделий и предметов кустарных промыслов.

Следует обратить внимание и на то, что в это время в городе насчитывалось всего 3300 жителей, плативших налогов в казну 1953 р. 60 к. в год (1 р. 20 к. с мужчины).

По Указу Екатерины II от 1764 года в Муром было направлено 213 отставных военных чинов, гвардейских инвалидов, среди них 3 обер-офицера, 10 унтер-офицеров и 200 рядовых, которых поселили за Георгиевским ручьем, где вскоре выстроили 40—50 домиков, образовавших целое городское предместье — Штаб, сохранившееся до нашего времени.

В 1769 году землемером капитан-лейтенантом флота Василием Пылаевым была проведена инструментальная съемка города с тщательным описанием всех имеющихся в городе строений.

Всего в городе было 302 десятины 702 кв. сажени земли, кремль занимал 4 десятины 229 кв. сажен, посады — 288 десятин 265 кв. сажен.



Воинское присутствие
Лестница

На территории кремля находились Богородицкий собор, деревянная церковь Михаила, воеводский дом, воеводская канцелярия, духовное правление, жилые дома.

От кремля по направлению к Касимову, Меленкам, Владимиру, Гороховцу, а также «старому городищу» — Троицкому и Благовещенскому монастырям расходилось несколько радиальных улиц, застроенных жилыми домами. Поперечными переулками город делился на несколько кварталов различной величины в виде неправильных трапеций. Всего в городе насчитывалось 552 дома, 7 солодовен, 16 кожевенных, 1 клеевой, 7 кирпичных заводов и 3 полотняные фабрики. Население — 2750 жителей.

Застройка Мурома в допетровское время — пример застройки города, план которого создавался в течение столетий безымянными зодчими. Они осуществляли застройку города с учетом решения многих задач, и прежде всего удобной связи между кремлем и посадом.

В основе застройки не было какой-либо схемы, она проводилась с учетом разрешения тех или иных градостроительных задач.

Система улиц подчинялась изгибам оврагов, форме кремля, стремлению найти более удобный въезд в гору, сократить расстояния между слободами и торговыми площадями. Все это типично для многих русских городов, отличавшихся своей живописностью.

Застройка Мурома тесно связана с одним из важнейших градообразующих факторов — Окой, вблизи которой сосредоточивались основные

Жилой дом (Красногвардейская ул., 2)

постройки, а также значительное количество церквей (14 из 17) и монастырей.

С востока на запад весь город прорезала свободно извивающаяся улица, выходящая на одну из важнейших дорог, ведущую во Владимир.

Наиболее важными по своему значению были улицы Ивановская, Нижегородская, Воскресенская, Понявская, Зелена, Наседни, Пушкарская, Ильинская, Панова и другие.

В одном из примечаний к плану Пылаева указано, что «водами город изобилен и вода здорова».

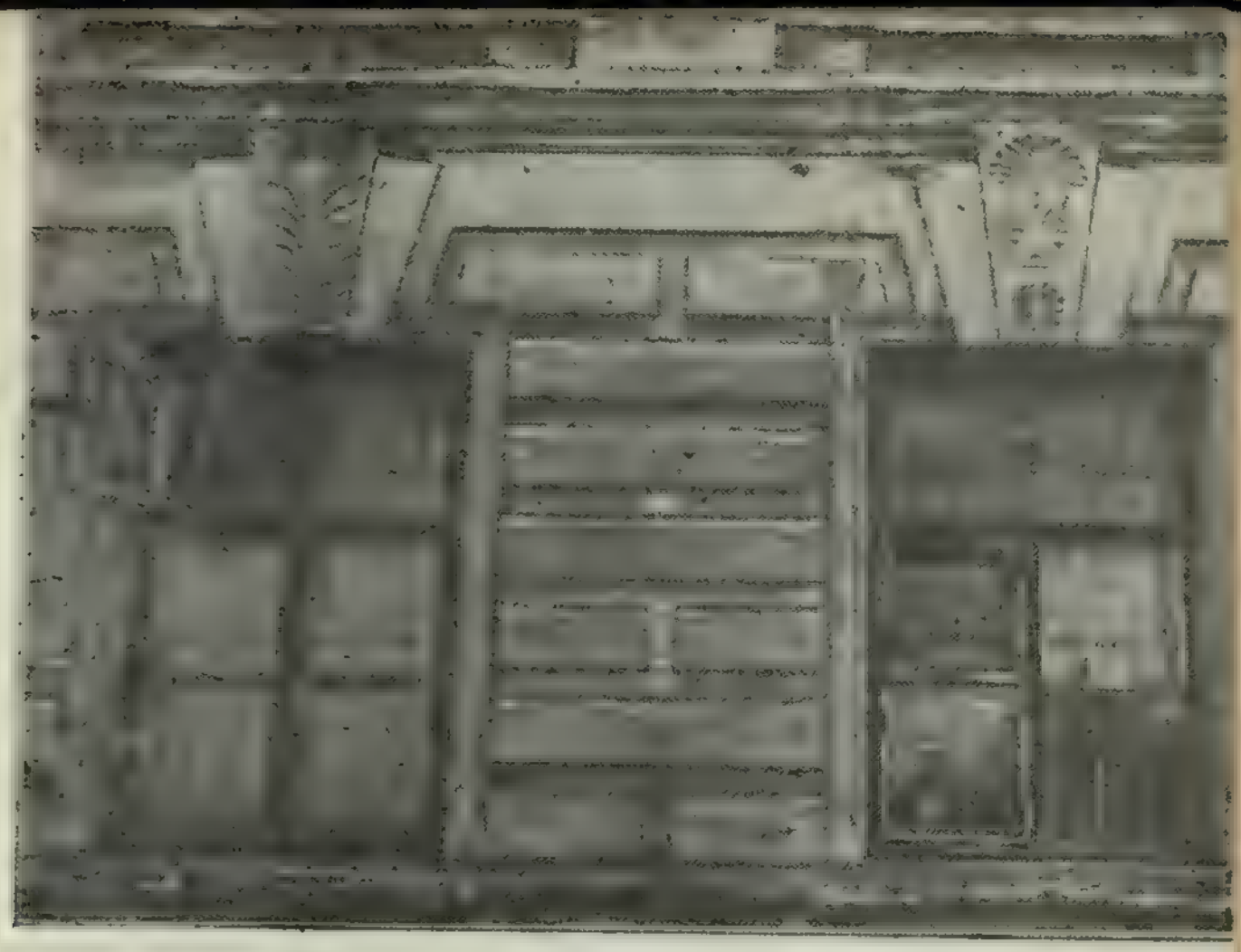
«В реке Оке ловится рыба крупная и мелкая, как-то: осетры, стерляди, сомы, щуки, лещи, язи, шериха, налимы, плотва, окуни, ерши и каран...

Та река против самого города местами в летнее жаркое время глубиною бывает в три аршина, а шириною в сто тридцать сажен».

Генеральный план города

При проведении планировочных работ по реконструкции города в конце XVIII века радиально-кольцевая система не получила дальнейшего развития. Проектом реконструкции Мурома принята сетка улиц с прямоугольными одного размера кварталами (60×120 сажен), за исключением кварталов, примыкающих к Воскресенскому оврагу и монастырям, размеры которых не были стандартными.

Жилой дом. Деталь



Жилой дом (ул. Ленина, 5)

Жилой дом (ул. Ленина, 31)

Жилой дом (ул. Воровского, 24)

Московская ул. Фото XIX в.

Торговые ряды

Жилой дом (Красноармейская ул., 21)

Территория города ограничивалась с северной стороны Воскресенским оврагом и ручьем, с южной глубоко врезавшимся оврагом, с восточной — рекой, с западной стороны ограничивалась искусственно.

Наиболее плотно застроенная часть города, расположенная на нижней террасе Оки, частично находящаяся в затопляемой зоне, реконструкции не подвергалась.

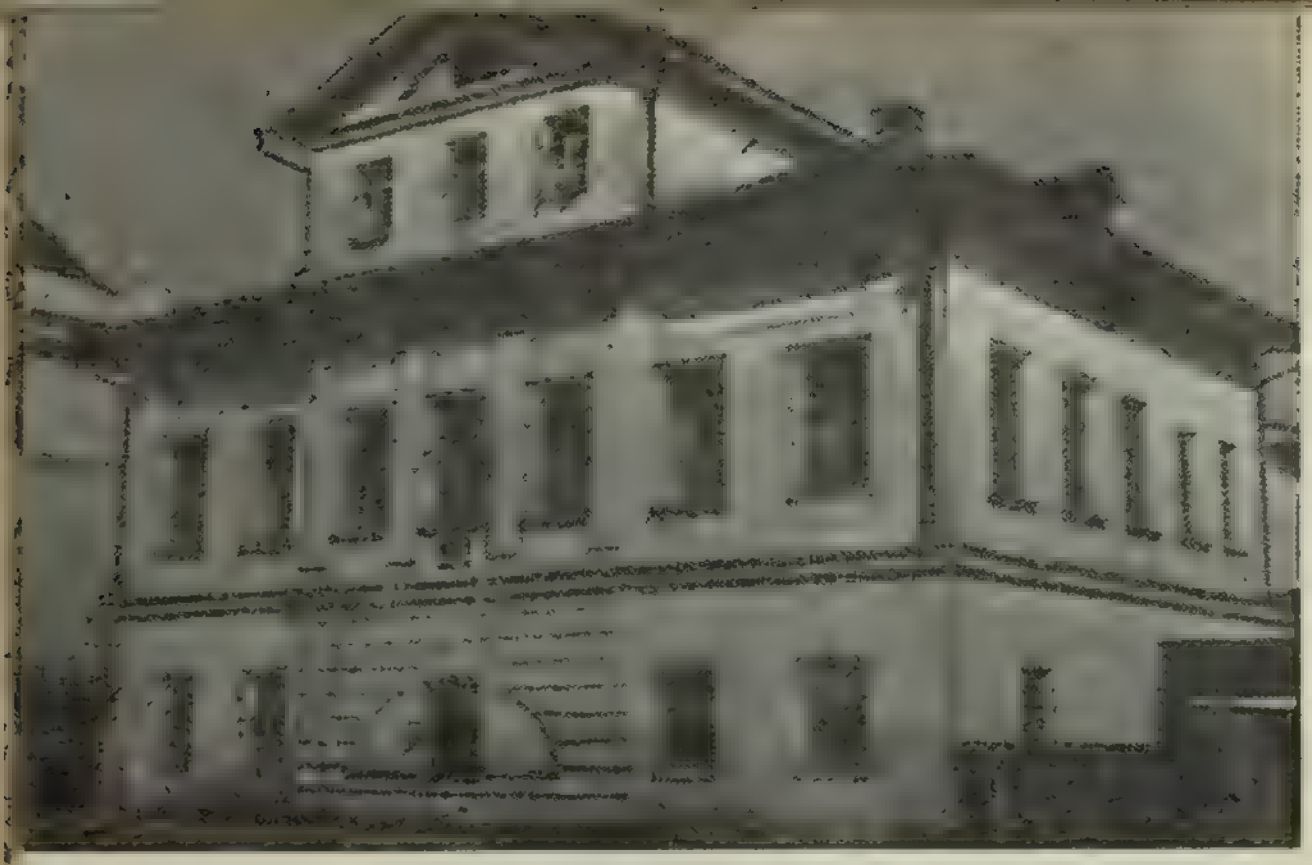
9 декабря 1788 года Екатерина II утвердила план Мурома.

В плане Мурома 1788 года отразилась вся сущность абсолютистской монархии Екатерины II, стремившейся создать иллюзию социальной гармонии и разумности устройства дворянского государства.

Заслуживают некоторого внимания пояснения к плану города, которые являются как бы основными положениями для его реконструкции и застройки.

«Партикулярные каменные дома могут строить против вновь строящихся городов по представленным при сем примерным фасадам под № 1, 2 и 3, какие в которых кварталах в должности генерал-губернатора по состоянию тамошних граждан назначит, а купеческие с лавками до-

Жилой дом. Балконная решетка



Жилой дом (Красноармейская ул., 5)

ма по фасаду под № 6 по желанию хозяев дозволить строить и свыше сих фасады и с лучшим украшением, но как у сплошных, так и поотделенных корпусами каменных домов для предосторожности от пожарного случая делать брандмауэры...» Далее: «деревянные дома в кварталах... строить под № 3, 4 и 5 на каменных жилых погребах, на каменных фундаментах и без каменных фундаментов, кто какие пожелает, но чтобы всякое деревянное одно от другого не ближе было пяти сажен...»

Важны также и указания о размещении предприятий, имеющих вредность: «кожевенные и прочие заводы и скотские бойни по течению реки ниже города и в таких местах, дабы от них в городе не происходило нечистоты и дурного воздуха, поварни при реке выше скотских боен и тех заводов, кузницы при въездах в город у больших дорог, и где эти строенья строить в таком расстоянии, чтобы не угрожали опасностью пожара».

В пояснениях к плану даны также указания о порядке проведения реконструкции города: «У которых обывателей нынешние строения не придут в линию, оставить до такого времени, когда сами собой обветшают, повалятся и другим каким случаем уничтожатся, их хозяева сами добровольно и прежде того перестроить по плану пожелают, чтобы обыватели не претерпели убытка о сломке дворов еще к житию годных, а у которых дворовые места разделять будут улицы и площади и затем на старых местах строиться не смогут, в том случае сим обыва-

Жилой дом (ул. Ленина, 73). Деталь калитки

телям отводить другие порожние места под каменные или деревянные дома, где б каждый по своему состоянию построиться мог, по обветшании и по уничтожению нынешних их строений, а прежде разделяющие улицами и площадями места присоединять к соседним дворам, как способно покажется».

Несмотря на некоторую положительную роль, которую сыграли планировочные работы городов, следует отметить историческую и социальную ограниченность градостроительства этого периода, так как значительная часть проектов планировки городов либо не была осуществлена, либо (как это видно на примере Мурома) затрагивала лишь центры городов, заселенные привилегированными классами.

Проектом планировки 1788 года принята прямоугольная сетка улиц с 66 кварталами размером 60×120 сажен.

За композиционный центр принята почти квадратная площадь на пересечении Московской и Касимовской улиц с Вознесенской церковью в середине.

На основных въездах в город со стороны Владимира и Касимова предусматривалось устройство площадей-застав, в центральной части города система торговых площадей и административных зданий.

Ввиду того, что «план сей не совсем соответствовал желанию и пользам городских жителей, то по их просьбе, во многом измененный бывшим генерал-губернатором Заборовским, по данной ему власти, должен ему служить руководством в постройках города» [1].

Несмотря на некоторый кажущийся схематизм и регулярность плана, при детальном его изучении приходится отметить квалифицированный подход автора проекта к реконструкции города.

Выбор осевых магистральных улиц подчинен определенному замыслу архитектора. Так, например, на пересечении улиц Московской и Касимовской, имеющих по сравнению с другими улицами большую ширину, проектом предусмотрено устройство почти квадратной площади, в центре которой сохранено здание Вознесенской церкви 1729 года. Касимовская улица таким образом была построена по принципу замкнутой перспективы.

Улица Московская, выходящая своим восточным концом на торговую площадь, ориентировалась на Николо-Зарядскую церковь.

Подобный прием применен и в ориентации улиц Полевой и Успенской, направленных на Успенскую церковь.

Большое композиционное значение в проекте планировки города имело размещение торговой площади вблизи сложившейся торговой части города.

---

[1] А. А. Титов. История образования города Мурома. Владимир, 1901, стр. 60.

АРХИТЕКТУРНЫЕ

ПАМЯТНИКИ

НАЧАЛА XIX ВЕКА

На осуществление плана города Мурома потребовалось около столетия.

Пожары 1792 и 1805 гг., истребившие большую часть города, позволили приступить к фактическому осуществлению плана.

Точно по проекту застраиваются 1-й и 2-й кварталы по ул. Московской. Дома на ней по своей архитектуре очень близки к домам, выстроенным на набережной Волги в Твери. Примерно тот же шаг низких, вписывающихся в квадрат арок, рустованный первый этаж, полуколонны, лепные детали.

На рыночной площади, являющейся общественным и торговым центром города, строятся торговые ряды, кирпичные здания в стиле ампир с легкими деревянными навесами на резных колонках.

Торговые ряды в юго-восточной части площади — пример удачного архитектурного решения торгово-складских помещений: вписывающиеся в квадрат арки лоджий, полуколонны на белокаменных постаментах, белокаменные ступени.

Несмотря на то, что значительная часть зданий торговой площади утеряна — разобраны Христорождественский собор и Николо-Зарядская церковь, перестроены складские помещения в юго-западной части, — можно представить, что жизнь торгового города была сосредоточена именно на этой площади.

Значительный интерес представляла открытая площадь на пересечении улиц Московской и Касимовской (ныне улица Л. Толстого), где располагалась биржа. Почти в центре площади стояла Вознесенская церковь 1729 года с изящными главками, богатыми резными наличниками окон, портиками входов.

Периметр площади был обстроен капитальными жилыми зданиями, в северо-западной части ее выстроена земская управа с рустованным цокольным этажом и арочными окнами с богатыми лепными наличниками.

Дом Каратыгина

В первой половине XIX века в центральной части города строится значительное количество особняков, большая часть которых выполняется по «образцовым» проектам, а некоторые по проектам мастеров архитектуры, в их числе так называемый дом Каратыгина (ул. Тимирязева, 3).

Дом Каратыгина — один из лучших образцов архитектуры жилого дома первой половины XIX века — выстроен в 1840 году Шведовым.

Архитектура главного фасада парадна и монументальна. Ионический шестиколонный портик второго этажа покоится на арках первого этажа. Колонны портика поддерживает фронтон с арочным проемом.

Каждому интерколумнию соответствует большой вытянутый по вертикали прямоугольный оконный проем. Стена под портиком обработана изящными лопатками с капителями и архивольтами над оконными проемами. Боковые фасады выполнены в более скромных формах.

С восточной стороны здания, выходящей на реку, ранее был построен балкон. С западной по первому этажу — арочный пристрой, для входа.

Богатый деревянный карниз с большим выносом и сухариками — прекрасное завершение здания.

Если первый этаж в какой-то мере прост по планировке и отделке, так как в нем располагались в основном жилые комнаты, то во втором этаже — богато отделанные гостиные и залы, приемные с лепными карнизами и настенной росписью.

Дом Зворыкина

Другое значительное по объему здание — дом Зворыкина, ныне краеведческий музей (ул. Первомайская, 4).

План дома прост. Хотя особой парадности в планировке его и нет, анфилады помещений 2 и 3 этажей, соединенные коридором, создают впечатление небольшого дворца и свидетельствуют о высоком вкусе зодчего.

Центральная часть главного фасада здания раскрепована восьмью пилястрами ионического ордера, несущими ступенчатый фронтон, в центре которого арочное окно, выходящее в мансардное помещение. Первый этаж обработан крупными рустами.

К восточному фасаду, обращенному на реку, пристроена веранда на каменных столбах.

Как показали ремонтно-реставрационные работы в 1966—1967 гг., строился дом Зворыкина в несколько этапов.

Расположенное на бывшей торговой площади здание завершало композицию этой площади, создав как бы замкнутый торговый двор. Однако строительство этого здания закрыло одну из лучших видовых точек со стороны реки на одно из древнейших зданий города — Николо-Зарядскую церковь XVII века, которая была частью композиции города со стороны реки.

Жилой дом (Набережная, 2)

Дом Каратыгина (ул. Тимпрязева, 3)

Дом Зворыкина. Краеведческий музей

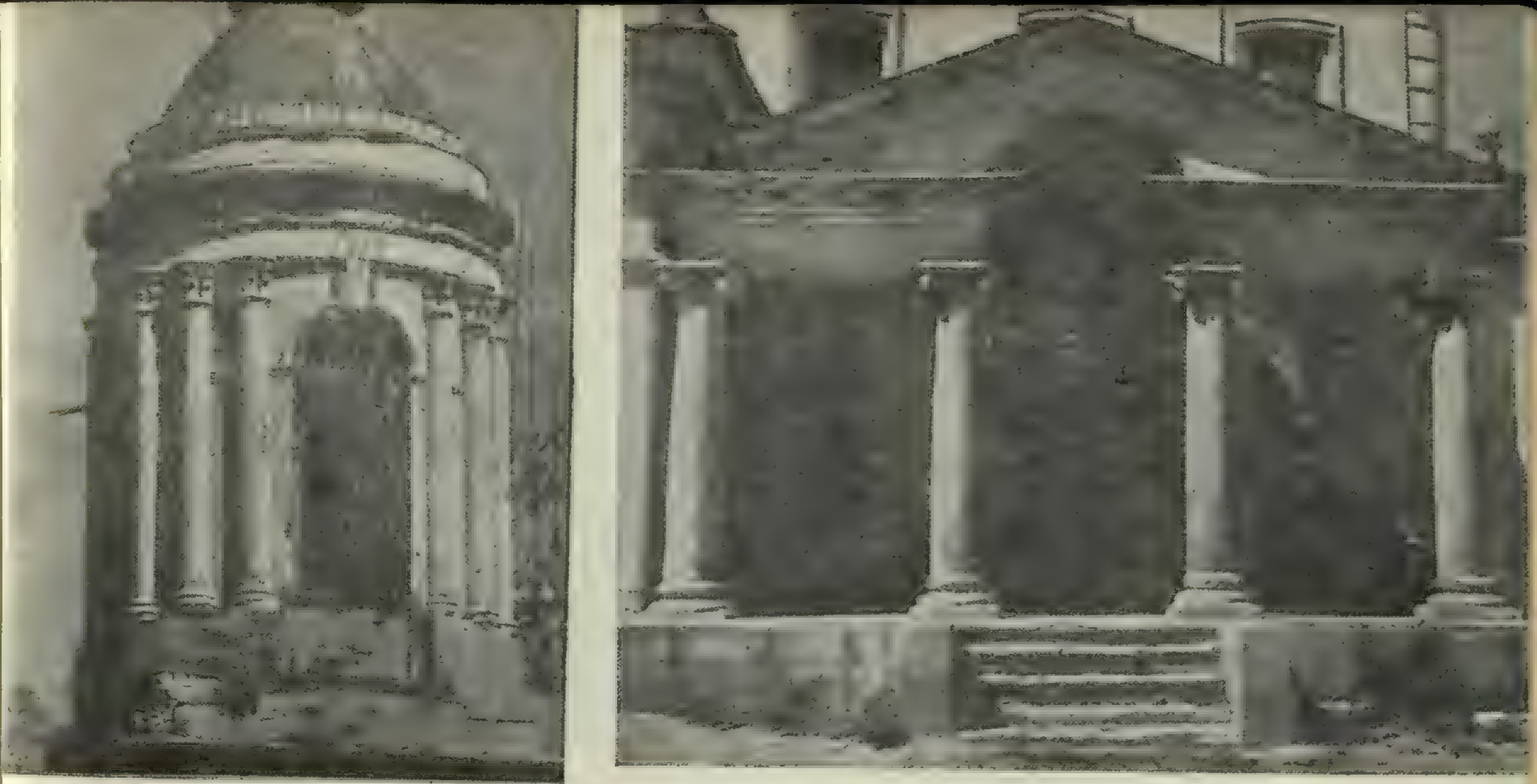
Новая Козьмодемьянская церковь

В начале XIX века наряду с активным строительством жилых домов, магазинов, лавок по утвержденному плану проводятся большие работы по восстановлению и реконструкции монастырей и церквей, пострадавших после пожаров 1792 и 1805 годов.

В 1804—1838 гг. вблизи Козьмодемьянской церкви XVI века вместо сгоревшей деревянной выстроена Смоленская, или Новая Козьмодемьянская церковь, которая завершила композицию города со стороны реки. Основной объем — четверик — перекрыт сомкнутым сводом, увенчан двумя уменьшающимися в диаметре восьмериками с луковичной главкой.

С востока к нему примыкает пятигранная абсида, а с севера и юга — портики ионического ордера со своеобразной его трактовкой. Благодаря тому, что портики прорезаны арками, создается впечатление воздушности и легкости.

Трапезная и колокольня, построенные в 1838 году, выполне-



Новая Козьмодемьянская церковь. Колокольня. Портик

ны в других масштабах и несколько несоразмерны с основным объемом церкви. Архитектурные детали их характерны для первой половины XIX века: арочные, близко поставленные, вытянутых пропорций окна трапезной, пилястры входного портика, полуколонны третьего яруса колокольни.

Заслуживает внимания своеобразная трактовка ордера, примененного в третьем ярусе колокольни, где сгруппировано по три полуколонны композитного ордера. Подобный прием следует считать одним из местных приемов, обусловленных традициями зодчих — «муролей».

В первой половине XIX века выстроили несколько церквей, не имеющих большой архитектурной ценности и не оказавших дальнейшего влияния на архитектурное развитие города. В дальнейшем большая их часть была разобрана. На месте деревянной церкви в центре торговой площади в 1848—1851 гг. выстроена Рождественская церковь; в 1806 году вместо деревянной — церковь Иоанна Предтечи, которая в 1866—1874 гг. вновь была перестроена и расширена.

В 1864 году городским головой А. В. Ермаковым построен городской водопровод с водонапорной башней, 16 водоразборными будками и фонтанами.

В 1818 году сооружена Пятницкая церковь около берега в юго-вос-

Водонапорная башня (ул. Ленина). Водоразборный фонтан (парк им. В. И. Ленина)

точной части города. Пристроены трапезная (1829) и колокольня (1835) к Успенской церкви XVIII века.

Сделаны пристройки к большинству церквей XVII—XVIII веков, в большинстве случаев исказившие первоначальный замысел авторов, в том числе к Благовещенской и Троицкой церквам, к Николо-Набережной церкви (1700—1717) пристроены колокольня (1803) и трапезная (1847). В 1829 году к Сретенской церкви (1793—1797) сделан придел, а затем в 1888—1892 гг. была перестроена вся церковь. Вместо сгоревших в 1805 году деревянных стен Троицкого и Благовещенского монастырей в 1807—1808 гг. построены кирпичные стены и башни, территории монастырей приобрели очертания, близкие к проектным, предусмотренным планом города 1788 года.

Несмотря на то, что стены были запроектированы не как оборонные сооружения и имели скорее декоративное значение, они напоминают крепостные. Обращает на себя внимание необычная конструкция машикул, перекрытых кирпичом на плашку.

Конструктивно стены Троицкого и Благовещенского монастырей очень близки. Несмотря на значительную протяженность, благодаря плоским лопаткам, они не производят впечатления монотонности.

Восьмигранные угловые башни с шатровыми кровлями Троицкого монастыря и приземистые башни со шлемовидными кровлями Благове-

щенского монастыря в сочетании с четкой горизонталью кирпичных стен завершали композицию со сложным силуэтом монастырских сооружений.

С северной стороны Троицкого монастыря заслуживают внимания ворота, представляющие из себя композицию из двух различных по размерам арок, несущих шлемовидного очертания аттик.

К воротам примыкает каретник монастыря, первоначальная архитектура которого в значительной мере искажена позднейшими переделками, хотя еще и сейчас можно видеть заделанные арочные проемы. Один из углов каретника, примыкающий к воротам, срезан для удобства въезда.

МУРОМЦЫ —

ИСКУСНЫЕ

РЕМЕСЛЕННИКИ

С древних времен на муромской земле были развиты торговля и ремесла.

Особое развитие в городе получило производство по выделке юфти и пушнины, которые скупались волжскими болгарами и перепродавались бухарцам, хивинцам и т. д. Однако в тяжелые времена татаро-монгольского ига в Муроме были забыты многие ремесла, торговля изделиями ремесленников прекратилась.

Только в связи с «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших рынков в один всероссийский рынок», как отмечал В. И. Ленин, характеризуя новый период русской истории, примерно с XVII века, в процессе развития внутреннего и внешнего рынков, наблюдается большое развитие различного рода ремесла.

Как справедливо подчеркивает М. Горький, «основоположниками искусства были гончары, кузнецы и златокузнецы, ткачихи и ткачи, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портнихи и вообще — ремесленники, люди, чьи артистически сделанные вещи, радуя наши глаза, наполняют музеи».

В это время лучшие силы ремесленников сосредоточиваются в столице молодого русского государства — Москве. Они своим искусством должны были подчеркивать величие и могущество Ивана IV, принявшего в 1547 году царский титул.

В мастерских Московского Кремля были собраны лучшие оружейники и живописцы, золотых дел мастера и серебряники, портные и швеи, которые изготовляли роскошные царские одежды, расшитые жемчугом и серебром, золотую и серебряную столовую и церковную утварь, драгоценное оружие, убранство коней.

Датский посланник Яков Ульфельд во время пира в царском дворе в 1575 году был поражен количеством золотых и серебряных блюд: «На

всех столах поставлено было блюд серебряных и чаш так много, что не было ни одного порожнего места, но блюдо на блюде лежало, стакан на стакане». Он был поражен также множеством и красотой золотых перстней Ивана IV, драгоценным убором на его шее, венцом.

Быт церкви по роскоши немногим уступал быту царского двора. Те же мастера изготовляли церковную утварь, драгоценные сосуды, кресты, оклады.

Москва, ставшая не только столицей русского государства, но и местом пребывания патриарха с 1589 года, одновременно стала центром культуры и искусства, распространяя свое влияние на всю страну.

На благодатной почве Мурома, одного из древнейших русских городов, в XVI веке получают особое развитие кожевенное, скорняжное, гончарное, калачное, портняжное, сапожное, солодовенное, рыболовное, плотничье, кирпичное, серебряное и другие ремесла.

А. И. Казанцев. Сивиллы из церкви Николы Набережного

До нашего времени, к сожалению, не сохранились изделия ремесленников — предметы домашнего обихода, одежда, обувь и деревянные сооружения, но по имеющимся, хотя и скудным, описаниям к иконографическому материалу можно представить произведения муромских ремесленников, если не XVI века, то XVII и начала XVIII.

Жители Мурома славились и как искусные калачники, в связи с чем при утверждении герба в 1781 году в нижней части щита на голубом поле изобразили три крупитчатых калача, которыми «сей город отменно славится».

Любопытно отметить, что при посещении Мурома в 1767 году Екатерина II обратила внимание на своеобразие одежды муромских жителей.

Милуя подданных, костюмы русски зрела,
Для моды бедственной менять их не велела, —

как замечает знаменитый Державин, сопровождавший в этом путешествии Екатерину.

Одежда жительниц города отличалась разнообразием и изяществом:

белая кисейная сорочка с пышными рукавами, с манжетами, обшитыми кружевами. Сарафан из материи с золотой ниткой и душегрейка из того же материала.

Шея и грудь украшались жемчужным на нити борком, в уши вдевались жемчужные серьги. На голову надевался кокошник, шитый серебром, золотом, иногда жемчугом и драгоценными камнями.

Мужская одежда также была проста и самобытна: красная рубаха на выпуск, плисовые или бархатные шаровары, заправленные в высокие сапоги, длинный суконный кафтан со сборами, а сверху суконный чепан.

О женской одежде конца XVII — начала XVIII века можно судить по сохранившейся иконе сивилл местного изографа А. Казанцева (1717), который, изображая сивилл для Николо-Набережной церкви, вдохновился нарядами своих современниц. Так, сивилла Европия одета в длинную красную кофту со светлыми крупными цветами и юбку розового цвета. Низ кофты и юбки в несколько рядов украшен жемчугом. Сивилла Симия, с очень спокойным и целомудренным лицом, одета в розовую кофту и желтую длинную юбку, вышитые крупными цветами, низ кофты и юбки также украшен жемчугом. Шея и грудь Европии и Симии украшены богатыми жемчужными борками в несколько ниток.

Это лишний раз подтверждает высокое искусство муромских портных, умевших создавать самобытную одежду.

В писцовой книге Мурома 1637 года, которая отличается подробностью описания и является целой энциклопедией города, наряду с другими ремесленниками упоминаются и портные.

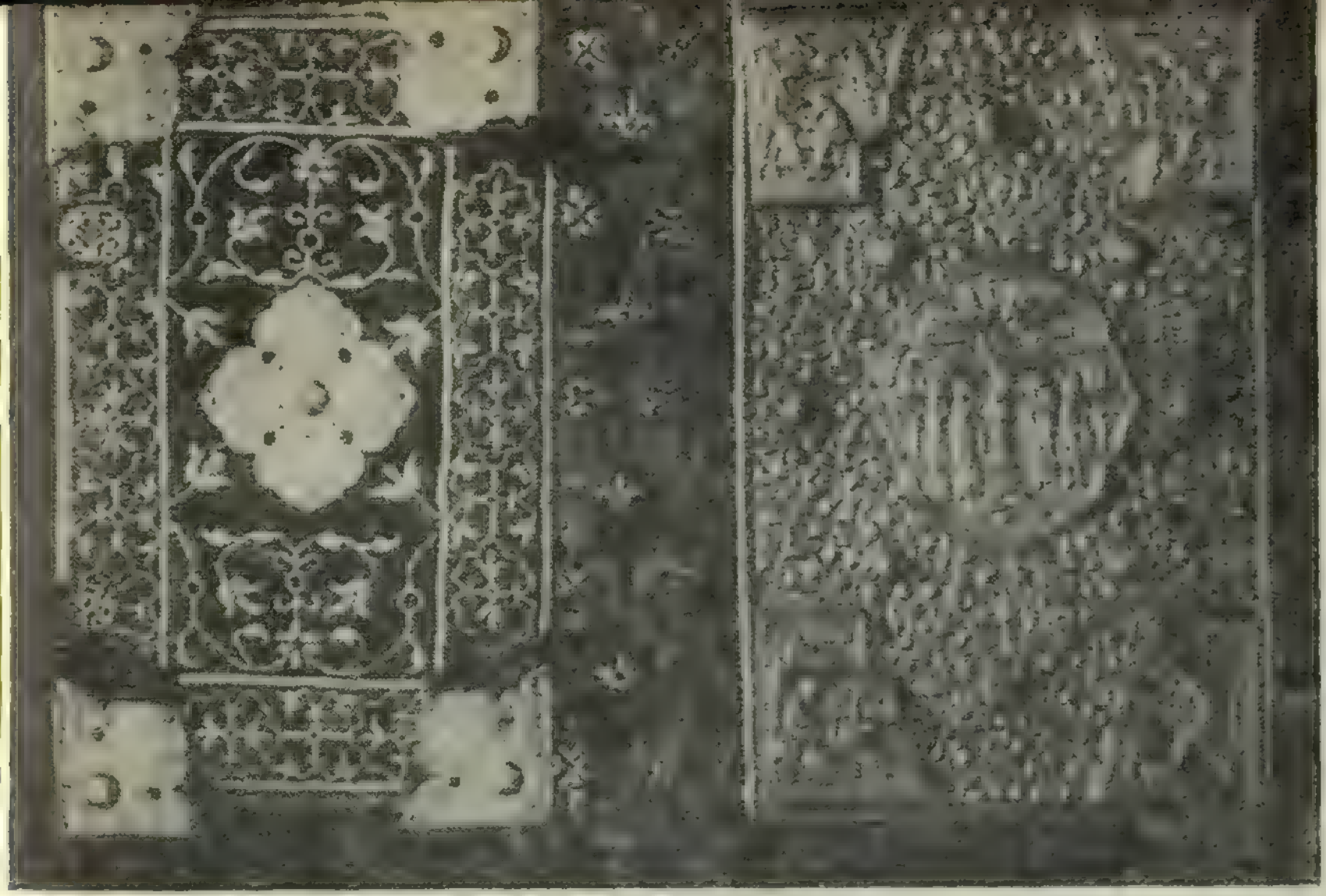
Так, при описании двора стольника князя Андрея Даниловича Сицкого, расположенного в городе «близко соборной церкви», упоминается, что «в нем живет дворник Федька Онтонов сын портной мастер». Подобное упоминание имеется и при описании дворов «Селиверста Офонасьева сына Столыпина да Ивана Федорова сына Карачева», в котором «живут дворники Ефимка портной мастер да Тимошка Матвеев».

Из этой писцовой книги можно также узнать и о других ремесленниках.

Так, например, упоминается «вдова Катерина Васильевская жена сапожника», дворник «Федька Иванов сын плотник», «Савка Макаров сын скорняк Касимовец», «Ивашка Иванов сын котельник», Милютка Ильин — гладильщик.

Там же можно найти фамилии и имена кузнецов, серебряников, калашников и других ремесленников.

Большого мастерства достигают муромские серебряники, искусство которых к XVII столетию достигает совершенства. К сожалению, до нашего времени сохранилось незначительное количество произведений муромских серебряников, еще меньше известно нам имен этих умельцев. Кроме прославленного царского серебряника, златокузнеца и оружейника



Евангелие XVII в.
Вклад Богдана Цветного в Троицкий монастырь

Никиты Давыдова из писцовой книги Бартенева, среди проживающих «за городом на посаде на Богатыревой горе», где «двор боярина Ивана Никитича Романова», упоминаются два серебряника: «Васки Ондреева сына серебряника с сыном Куземкою». И далее: «во дворе Карпунка Яковлев сын серебряник с сыном Устином».

Вместе с тем среди бобылей, проживающих вблизи Благовещенского монастыря, упоминаются иконники Володька Панфилов и Ивашко.

Поддерживая церковь, царская фамилия, начиная с Ивана Грозного, делает богатые вклады в муромские церкви: церковную утварь, книги, колокола. Известны вклады Ивана Грозного в Благовещенский собор, царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, Петра I — в Богородицкий собор.

Муромские купцы принимали большое участие не только в строительстве храмов, но также делали значительные вклады. Так, известно, что «церковь ружная Живоначальныя Троицы... образы и свечи поставные и сосуды церковные и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строенье муромца торгового человека Бориса Семенова сына Цветного да сына его гостиной сотни Богдана». Церковь Дмитрия Солунского, «образы и книги и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строение Смирнова да Третьяка Микитиных детей Судовщикова».

Очень ценные вклады были сделаны Тарасием Цветным в Троицкий собор. Например, высокохудожественным произведением является верхняя доска Евангелия 1663 года московской печати. Тонкой ювелирной работы, серебряная, позолоченная. Изящный орнамент, напоминающий ви-

Никита Давыдов. Шлем царя Михаила Романова

ноградную лозу, покрывает всю поверхность доски. В изгибах орнамента симметрично вкомпоновано восемь разноцветных граненых камней — фиолетовый, голубой, красный. В центре композиции распятие с летящими навстречу двумя ангелами, по сторонам — Мария и Иоанн.

По углам на накладных досках изображены евангелисты с их символами. Все изображения сделаны очень скульптурно, в виде горельефов. Манера, композиционное решение, трактовка образов евангелистов несколько напоминает решение Евангелия 1645 года, являющегося вкладом дьяка М. Г. Матюшкина в Ивановский монастырь и находящегося в настоящее время в Оружейной палате. Нижняя доска Евангелия обложена красным бархатом, на котором укреплено пять серебряных пластинок.

В Муромском краеведческом музее сохранился также еще один вклад Тарасия Цветного в Троицкую церковь — это водосвятная серебряная чаша, местами позолоченная. Изящная по пропорциям, с гладкой полированной поверхностью, чаша установлена на ножке с изогнутыми «ложками», через одну гладкими, и с тонким растительным орнаментом. По верхней кайме чаши изящным шрифтом сделана надпись: «Лета 7155 (1647) сию чашу приложил водосвященную в Муром в поводевичий монастырь в дом Живоначальныя Троицы гостиныя сотни человек Тарасий, по реклу Богдан, Борисов сын, Цветнов, по своих родителех».

Одновременно с этим вкладом Тарасием Цветным в Троицкий монастырь был вложен напрестольный серебряный позолоченный крест, отделанный вокруг жемчугом в одну нить.

Нельзя не обратить внимания на сохранившееся кадило Богородицкого собора 1651 года из позолоченного серебра, находящееся в настоящее время в краеведческом музее. Удивительно изящное по пропорциям кадило как бы сочетает типичную для этой эпохи форму братины в нижней части (например, братинка царевны Ирины Михайловны) и распространенную форму верхней части кадила XVII века в виде луковичной главы церкви на барабане. Верхняя часть кадила сделана в виде купола, на вершине которого установлен барабан с четырьмя оконцами, перекрытый луковичной главкой, обработанной мастером под черепицу. Поверхность купола украшена изящным орнаментом, состоящим из тонких ве-

ток и листьев, которые благодаря четкому рисунку и прокапфаренному фону рельефно выделяются над основной поверхностью. Подставка обработана уменьшающимися кверху листочками. Орнамент нижней части более крупный. На границе между верхней и нижней частями в две строки сделана дарственная надпись: «Лета 7159 зделано сие кадило в Муром всоборную церкву рождества пречистыя Богородицы муромских чудотворцев Петра и Февронии вцерковном серебре при протопопе Василье збратнею мца февраля шестое число».

Надпись органически вписывается в композицию, являясь орнаментальным поясом, связывая верхнюю и нижнюю части кадила.

Не меньший интерес вызывает серебряное кадило 1647 года, верхняя часть которого выполнена в виде шатровой церкви. По описям известно, что это кадило ранее находилось в Благовещенском соборе. По сравнению с кадилом Троицкого собора оно украшено более скромно. На поверхности — накладные детали по восьми граням. Большое значение в композиции придается шатровой верхней части в виде восьмигранника, близкого по пропорциям к шатру церкви Вознесения в Коломенском, и, возможно, он является изображением существовавшего шатра Козьмодемьянской церкви XVI века.

Муромские серебряники и златокузнецы

Не имея точных данных, в настоящее время не представляется возможным утверждать, что в XVII веке в Муроме существовала своя особая школа серебряников и ювелиров, так как большинство ювелирных изделий этого времени, находившихся в церковных зданиях, либо безвозвратно утеряно, либо ожидает тщательного исследования специалистов.

Бесспорно одно: муромские храмы, созданные талантливыми зодчими, были полны прекрасными произведениями ювелирного искусства серебряников и златокузнецов, из среды которых постепенно выдвигались талантливейшие художники того времени, подобные учеппику мастеров Московского оружейного приказа, искусных бронников и серебряников старшего поколения, Никите Давыдову, выделившемуся из среды муромских серебряников.

Из многих высокохудожественных произведений Никиты Давыдова заслуживают внимания два, находящиеся в настоящее время в Государственной Оружейной палате: «Булатный шлем царя Михаила Романова», называемый по древним описям «шапкой ерихонской», сделанный Давыдовым в 1621 году, и зерцала царя Алексея Михайловича (1663). Булатный шлем по своему художественному замыслу и искусству выполнения превосходит все известные подобные работы восточных и западных ювелиров и оружейников. Он поражает изяществом пропорций, мягкостью

форм, тонким соотношением деталей. Таушировка тонкой золотой проволокой выполнена по сплошной насечке, дана в сочной, густой орнаментации очень мелкого узора.

Орнамент имеет четкий рисунок, удачно скомпонован, традиционно русские формы уживаются с арабскими надписями. Органически дополняют красоту шлема чеканные, эмалированные украшения и оправы драгоценных камней, выполненные другими ювелирами.

Не случайна имеющаяся в приходо-расходной книге Казенного приказа 18 декабря 1621 года следующая запись:

«Государева жалованья Оружейново приказу самопальному мастеру Миките Давыдову полнята аршина тафты жолтой венецейской, по двадцати по три алтына по две деньги аршин, да четыре аршина сукна аглицкого тмосинево, по двадцати по шести алтын по четыре деньги аршин, а пожаловал его государь за то, что он делал государеву шапку на ерихонское дело и венцы и мишени и науши наводил золотом».

Значительный интерес представляет и другая работа Никиты Давыдова — зерцала царя Алексея Михайловича. Зерцала имели больше декоративное, чем оборонительное значение. Их вес благодаря значительным украшениям из золота и серебра составлял 12,3 кг. Нагрудник зерцала состоит из пластин различной формы. Серединой его служит большая круглая пластина, в центре которой двуглавый орел под тремя коронами. Зерцальные доски, выполненные из золота и серебра, расчеканены прямыми и косыми желобками.

Муромцы — искусные живописцы

До нас не сохранилось монументальной живописи в муромских храмах. При ремонтных работах Богородицкого собора в 1873—1878 гг. настенная живопись из-за ветхости была покрыта масляной краской и стены отделаны под мрамор.

Известно, что тематика росписи раскрывала содержание повести о легендарном муромском князе Петре и княгине Февронии, умерших в XIII веке, о которых в XV—XVI веках написано несколько вариантов повестей из их жизни. На западной стене было изображено «Княжение св. Петра», на северной — «Пострижение кн. Петра в монашество». На южной — «Пострижение княг. Февронии».

Если предположить, что Богородицкий храм существовал до татаро-монгольского нашествия, то, как и в большинстве современных храмов, по всей видимости, настенная живопись существовала там и в более ранний период.

Не имеется каких-либо данных и о живописи в Спасо-Преображенском, Благовещенском соборах и Козьмодемьянской церкви.

Между тем на основании сохранившихся документов известно, что

муромские деревянные храмы были насыщены древними иконами, которые переходили из одного храма в другой либо после пожаров, либо в связи со строительством каменных храмов.

Большим количеством древних икон отличались Богородицкий собор и церкви Благовещенского и Троицкого монастырей. Мы не располагаем достаточными сведениями об иконах древнее XV—XVI веков, хотя в описях XVII века упоминается о них. Возможно, что под поздними записями находятся более древние изображения, которые в дальнейшем откроет рука исследователя.

Несмотря на то, что живопись XV—XVI столетий потеряла высокий строй образов, характерный для искусства Андрея Рублева и Дионисия, и отказалась от многих установившихся принципов, аллегорические сюжеты и символические изображения того времени в более доходчивой форме разъясняют догматы церкви.

На примере муромских икон XV—XVI веков можно видеть, что икона фактически превращается в сложную символико-аллегорическую картину, повествующую языком живописи о тех или иных событиях, либо являющуюся иллюстрацией к жизнеописанию того или иного святого или притчи.

В то же время церковь приложила немало усилий к тому, чтобы живопись и архитектура в своих изобразительных приемах строго придерживались установленных правил и канонов. Известно, например, какое влияние на развитие архитектуры оказал запрет строительства шатровых церквей.

Из произведений станковой живописи XVI в. в Муроме заслуживает внимания ранее находившаяся в Козьмодемьянской церкви небольшая по размерам (32×39 см) икона «Козьма и Демьян» — одно из характерных произведений конца XV — начала XVI столетия, примыкающая по приемам изображения к иконе известного московского иконописца Дионисия. Его и сыновей современники называли: «...изящные и хитрые в Русской земле иконописцы, лучше же сказать живописцы».

Козьма и Демьян изображены на золотистом фоне, в богатых одеждах. Фигуры несколько удлинены в пропорциях, что придает образам утонченность. Четкая статическая композиция, искусная стилизация лиц и складок одежды, сдержанная цветовая гамма темно-зеленых и темно-красных тонов на золотистом фоне позволяют предположить о большом мастерстве художника-иконописца.

В русском искусстве XVII столетия начинают преобладать светские тенденции, осуждающие официальные взгляды на религию и культуру.

Религиозные сюжеты насыщаются различного рода бытовыми подробностями, которые объясняют происхождение жизни, регулируют нравственные отношения, утверждают господство и эксплуатацию, всесильность божественного начала.

В живописи того времени восторжествовала декоративность, жизнерадостность, оптимистичность, неисчерпаемая фантазия. Постепенно побеждают реалистические начала, изображающие окружающую жизнь. Образы святых, «истощенных постом», «ушедших от мира», изображаются на фоне архитектурных сооружений, роскошной растительности цветущих лугов.

Большое влияние на живопись оказывают изографы царских Оружейных мастерских, где работает один из первых теоретиков Симон Ушаков (1626—1686), написавший в 1667 году трактат о живописи «Слово к любителям иконного писания», в котором высказал передовые взгляды на искусство.

Наряду с расцветом архитектуры, прикладного искусства в Муроме в середине XVII века получает значительное развитие станковая живопись, отражающая взгляды современного общества, развивается иконопись. До нас дошло лишь несколько имен муромских живописцев. Это — «иконники Володька Панфилов и Ивашко», упоминаемые Бартеневым, произведения которых нам неизвестны, замечательный муромец-изограф Александр Иванович Казанцев, написавший несколько прекрасных произведений, которые, несмотря на религиозные сюжеты, отражали современную жизнь. Его произведения типичны для данной эпохи. Это Афанасий Резанцев, написавший икону Владимирской Божьей Матери, находившейся в Благовещенском соборе, со следующей надписью на полях: «Лета 7200 (1692), мес. июня в 7 день, списан сей образ с чудотворного образа и письма Евангелиста Луки, что стоит в Соборной церкви, а списал знаменьщик Афанасий Резанцев по обещанию гостиной сотни Афанасия Тарасова Соколова».

Изограф А. И. Казанцев

Творчество изографа А. И. Казанцева заслуживает, по всей видимости, серьезного исследования, потому что оно, несмотря на определенную преемственность традиций изографов Оружейной палаты, отличается самобытностью и своеобразием. Имея в наличии несколько подписанных работ, таких, как «Вседержитель» (1690), «Страшный суд», «Константин, Михаил и Феодор» (1714), «Сивиллы» (1717), можно предположить о существовании целого ряда произведений этого незаурядного живописца.

Произведение А. И. Казанцева «Страшный суд», находившееся в Благовещенском соборе, — сложная композиция, которая помогает зрителю разобраться в сюжете одного из догматов православной церкви на примерах конкретной исторической обстановки. Мучения грешников в аду, изображенном в нижнем правом углу в виде раскаленной огненной массы, в какой-то мере отражают пытки в XVII веке.

В центре композиции большая группа находящихся вблизи от ада ту-

рок, литовцев, немцев, евреев, которых один из представителей русской православной церкви (Соломон) пытается спасти от мук ада и привести к православной религии. При этом каждая национальность изображена в характерных для того времени одеждах.

В композиции, которая строится справа снизу вверх, преобладают зеленоватые и голубоватые тона на охристом фоне, лишь одежда и лица имеют более яркие краски и подчеркивают силуэты изображенных групп и отдельных персонажей — св. Александра Свирского, Владимира, князей Бориса и Глеба и других.

А. И. Казанцев. «Звезда лучезарная». Икона

Одним из значительных произведений А. И. Казанцева следует считать также икону «Вседержитель», которая располагалась в нижнем ряду пятиярусного иконостаса Богородицкого собора. Вседержитель изображен крупным планом в розовой с золотом одежде на розовом фоне. Как и некоторые другие иконы, эта икона также подписана Казанцевым: «Писана сия новая икона всию соборную церковь в лето 7198 (1690) писал сей спасителев образ города Мурома изуграф Александр Иванов Казанцев».

В том же иконостасе находилось другое замечательное произведение — «Звезда лучезарная», на котором изображена Богородица с младенцем. От окружающего сияния расходятся лучи, между ними помещены вставки с различными сценами из жизнеописания Христа и Богородицы. Вверху по углам изображены солнце и луна. Внизу справа коленопреклоненные Константин, Михаил, Феодор и слева — Петр, Феврония и Ульяния.

Древнерусская литература на муромской земле

Изобретение книгопечатания Иваном Федоровым создало богатую почву для развития литературы. После «Хождения за три моря» Афанасия Никитина, написанного в XV веке, одним из лучших художественных произведений того времени является «Повесть о Петре и Февронии» неизвестного муромского автора о князе Петре и крестьянской девушке Февронии, вылечившей Петра от тяжелой болезни и ставшей его женой.

Феврония — один из первых в русской литературе образов русской женщины из народа, умной, волевой, любящей. «Повесть о Петре и Февронии» пронизана любовью к простым людям, направлена против идеологии бояр.

Образы Петра и Февронии, подобно образам Ромео и Джульетты, были любимы народом, и не случайно на протяжении столетий создавалось много различных вариантов повести. После канонизации их было написано житие о Петре и Февронии.

Житие послужило темой многим изографам для создания художественных композиций.

Не прошел мимо этой темы и Казанцев. Он воплотил их образы в своих произведениях «Звезда лучезарная» и «Муромские чудотворцы», где в 32 клеймах раскрыто содержание повести.

Несмотря на фольклорный характер, лучшие страницы повести отразили картину социально-политической борьбы XV века.

Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что не только в Богородицком соборе, но и в других муромских храмах имелись иконы с изображением Петра и Февронии. На одной из икон Петр и Феврония написаны на фоне древнего муромского кремля. Несмотря на стилизацию сооружений, Богородицкий собор изображен очень близко по формам к существовавшему тогда собору: позакомарное покрытие, пятишлемовидных глав и другое.

На муромской земле создано также одно из типичных житий XVI века — «Житие Константина, Михаила и Феодора», список с которого относящийся к XIX веку, хранится в Муромском краеведческом музее.

Хотя это произведение и уступает по своему художественному уровню «Повести о Петре и Февронии» в связи с некоторой напыщенностью и стандартностью фраз, оно послужило богатой темой для муромских иконописцев, которые создали ряд реалистических произведений, отражающих в какой-то мере события, происшедшие на муромской земле в XII—XV столетиях.

Лучшей из икон является икона «Константин, Михаил и Феодор»,

размером 200×258 см, написанная А. И. Казанцевым для паперти Благовещенского собора в 1714 году.

Икона не просто изображает кн. Константина и его сыновей Михаила и Феодора, а она создает образы носителей христианства, изобразительными приемами показывая превосходство христианства пред язычеством. В 87 клеймах, расположенных по бокам, художником сделан одновременно и пересказ всего жития. Икона «Константин, Михаил и Феодор» на лицевой стороне имеет надпись, подтверждающую, что и это произведение написано Казанцевым.

Заслуживают внимания еще два произведения древнерусской литературы, созданные в Муроме: «Сказание о Марфе и Марии», одно из лирических произведений о любящих сестрах, разлученных из-за местнической ссоры между мужьями, а затем счастливо встретившихся, и «Повесть об Ульянии Осорьиной», написанная ее сыном Дружиной Осорьиным вскоре после 1614 года. Известно, что он родился приблизительно в 1570 году и умер в 1640. Последние 15 лет он был губным старостой в Муроме.

Несмотря на житийный характер, в повести раскрывается с реалистических позиций образ русской женщины на фоне реальной русской жизни конца XVI — начала XVII века. Образно написан портрет умной и энергичной женщины, жены и матери, дворянки и домохозяйки. Язык Дружины Осорьина одновременно и точный, и живописный. Это видно не только из «Повести», это подтверждает и переписка Осорьина с царем: «Государю царю и Великому князю Михаилу Феодоровичу всея России холоп твой Муромский Губной Староста Дружина Осорин челом бьет. В нынешнем году в 7141 (1633) Октября 29 дня, прислана мне, холопу твоему твоя Государева грамота из разбойного приказу, за приписью дьяка Григория Торыгева, велено мне Муромских Губных Целовальников сменив, выбрать на их место вновь из людей Сошных, Посадских и Уездных...»

Сохранившийся рукописный оригинал «Повесть об Ульянии Осорьиной» XVII века, возможно написанный ее сыном, является примером прекрасной графики, мастерства художника-миниатюриста. Заставка выполнена в сдержанной цветовой гамме, в желтых, зеленоватых и коричневатых тонах. Основной текст написан сепией, заглавные буквы и вступительная часть — киноварью.

Небезынтересно отметить, что наиболее известные произведения древнерусской литературы, написанные в Муроме, о которых уже говорилось, — «Повесть о Петре и Февронии», «Повесть о Марфе и Марии», «Повесть об Ульянии Осорьиной (Лазаревской)» — создают образы женщин-современниц, как правило показывая их трудолюбие, мудрость, кротость, красоту, доброту, преданность, т. е. лучшие человеческие черты.

«Муромские святые». Икона с изображением кремля

Деревянное зодчество в Муроме

Одним из наиболее развитых муромских ремесел в XVI—XVII столетиях было плотничье ремесло.

Жилые дома в городе и на посаде, торговые лавки и склады, царские и княжеские дворцы, стены и башни кремля, большинство храмов — все это выстроено искусными руками плотников.

История строительства большинства церквей в Муроме и прилегающих к городу поселениях подтверждает, что все каменные церкви построены на месте или вместо деревянных.

Не лишне вновь напомнить о муромском кремле, являвшемся, по описаниям современников, одним из совершенных фортификационных сооружений, выполненных из дерева. Об искусстве плотников, построивших сложное инженерное сооружение с 14 башнями и 552 саженями рубленных вверху еловых и сосновых, а внизу дубовых стен, можно судить не только по описям Киреевского и Бартенева, но и по замечательно сохранившимся иконам.

И если по иконе с житием Петра и Февронии, находившейся в Богородицком соборе, трудно восстановить архитектуру кремля, так как его стилизованное изображение не дает возможности представить ни материал стен, ни конструктивные приемы сооружений, то на иконе XVII века с изображением Богородицкого собора в кремле фрагмент деревянной стены и трех башен на переднем плане создает полное впечатление об архитектуре кремля, об искусстве его строителей-плотников.

Западная стена кремля расположена на высоком рву, который, как известно, засыпали в XIX столетии. В центре — глухая башня, рубленная с остатком, покрытая деревянной шатровой кровлей, справа — Спас-

Успенская церковь.
Фото XIX в.

ская башня с воротами, перед которыми через ров перекинут деревянный мост, слева — башня с базарными воротами и деревянным мостом, подобным Спасскому мосту. Стены между башнями покрыты деревянной кровлей.

По описи Киреевского видно также, что на территории кремля с юго-восточной стороны Богородицкого собора находилась «... теплая церковь Муромских чудотворцев Бл. Князя Петра и Княгини Февронии, древяна, брусеная, на подклете». С западной стороны собора находилась еще одна деревянная церковь Архистратига Михаила, разобранная в 1801 году из-за ветхости.

Писцовая книга города Мурома, составленная Б. Д. Бартеневым, отмечает такие деревянные сооружения на территории города: «двор Воеводский», «изба съезжая», «тюрьма от базарных ворот огорожена тыном стоячим дубовым» и другие.

Одновременно с этим упоминается несколько деревянных церквей на посаде. Так, например, «за осыпью по конец Кузнечной улицы у сенной площади деревянная церковь Рождества Христова — строенье государево», «за осыпью в Успенской улице деревянная церковь Успенская»,

«в Вознесенской улице деревянная церковь Вознесения», «на Дмитриевской улице по конец посада деревянная церковь Димитрия Солунского».

Там же упоминаются «на посаде по конец Спасской улицы деревянная церковь Воздвижения — строенье мирское», а «на конце посада деревянная церковь Пятницкая». «На посаде на берегу Спасского звозу в переулке в Подокстовье была деревянная церковь Иоанна Милостивого, развалилась тому лет тридцать и больше».

И если по этим сообщениям трудно представить архитектуру деревянных церквей, то дальнейшее описание проливает некоторый свет на них. Например, на Ильинской улице на берегу Оки упоминается «деревянная церковь Ильи Пророка о трех верхах», а «за ручьем на горе Воскресенской девичий монастырь, на монастыре церковь Воскресенья деревянная о трех шатровых верхах».

«На посаде в осыпи, где бывал острог, мужской монастырь Благовещенский... В том же монастыре деревянная церковь Иоанна Богослова с трапезной, деревянная церковь Григория Богослова. На колокольнице часы боевые с перечасьем в теж колокола». «Супротив Благовещенского монастыря деревянная шатровая церковь ружная Живоначальныя Троицы».

До нашего времени не дошло ни одного из упомянутых выше зданий. Одной из последних была разобранная в 1807 году деревянная церковь Владимирской Божьей Матери, расположенная вблизи Вознесенской церкви, которая мешала движению по улице Московской и портила ее вид.

Об архитектуре деревянных церквей XVII—XVIII столетий, разобранных в последние десятилетия, можно судить по сохранившимся рисункам и фотографиям. Очень близкими по архитектуре были церкви Ильи Пророка, между городом и селом Карачаровом, и Архистратига Михаила в селе Драчеве.

Ильинская церковь построена в царствование Михаила Феодоровича в полутора километрах от Карачарова.

Церковь в Драчеве построена в 1680 году и разобрана несколько лет тому назад. Обе церкви состояли из трех клетей-срубов: алтарного, церковного, трапезного на подклетях; средний сруб немного шире и выше других. Все клети покрыты двускатными крышами. На коньке церковной крыши были установлены луковицеобразные главы с четырехконечным крестом. С трех сторон обе церкви были окружены тесовыми ходовыми папертями. Изящные обрамления волоковых окон подтверждают высокий уровень мастерства плотников, сумевших заставить звучать простое дерево из муромских лесов.

Сохранившаяся литография Голышева (1878) в некоторой мере воссоздает облик деревянной церкви в Драчеве, хотя архитектура ее уже была изменена, так как в конце XIX века были отломаны ходовые па-

перти. Несмотря на вполне удовлетворительное состояние, церковь разобрана несколько лет тому назад, так же как и церковь начала XVIII века в селе Захарово.

Покров с мощей муромских святых Петра и Февронии

Нельзя не упомянуть о ценнейшем памятнике древнерусского шитья в Богородицком соборе — покрове конца XVI века с мощей муромских святых Петра и Февронии. Вкладная надпись, шитая серебром, подтверждает, что «повелением благоверного государя царя и Великого князя Феодора Ивановича Всея Руси и его Благоверныя царицы и Великия княгини Ирины и их благоверные Царевны Феодосии. Зделан бысть сим покров лето 7102 (1594 год)».

Вокруг покрова золотом вышиты тропарь и кондак, края обшиты каймой с надписью: «Приложил покров князь Троекуров в 1657 году». Покров — не просто иллюстрация к «Повести о Петре и Февронии», он сам по себе — произведение прикладного искусства, выполненное на высоком художественном уровне. Четкая композиция двух фигур, слегка повернутых друг к другу, подчеркнута движением правой руки Петра, обращенной к Февронии. Обе фигуры находятся в душевном покое.

Цветовая гамма построена на тонких отношениях голубоватого, зеленоватого, золотистого, желтого и темно-коричневого тонов. Реалистическая манера изображения, обобщение деталей, подчинение основной идее помогло создать монументальное произведение искусства, повествующее в живописной форме о двух влюбленных, переживших вместе тяжелые испытания жизни и вышедших победителями «не только над коварством людей, но и над самой смертью». «Мудрость (Февронии) — свойство не только ее ума, но и в такой же мере ее чувства и воли», как отмечает искусствовед Д. С. Лихачев, сквозит в каждом штрихе созданного умелыми руками мастериц-вышивальщиц образа Февронии.

Нет сомнения в том, что покров оказал большое влияние на искусство шитья, распространенное среди муромских мастериц-монахинь и портних. Это подтверждают не только сохранившиеся до нашего времени костюмы горожан, но и изображения сивилл в Николо-Набережной церкви А. И. Казанцева, а также сохранившиеся куски крашенины XVII в. для праздничных сарафанов крестьянок и набойки с четким черным и красным орнаментом с растительными мотивами.

Муромцы — искусные кожевенники

Наличие Кожевенной слободы и широкая торговля жителей города кожами и обувью говорит о развитии кожевенного ремесла в Муроме.

Это подтверждает, например, и такой источник, как рассказы дон-Хуана персидского (1600): «..прибыли в город, называемый Муром,

большой и многолюдный... В этом городе главный промысел — дубленье бычьих кож... В каждом доме есть колодец, куда мастер кладет... кожу и... их вынимают по окончанию дубления...»

Сохранившиеся в музее саноги XVII века из коллекции академика И. С. Куликова говорят одновременно и об искусстве кожевника и искусстве сапожника.

Муромцы — искусные оружейники

Как известно из описи Мурома 1637 года, в городе было развито кузнечное ремесло, сосредоточенное не только на Пушкарской улице, проходившей от Благовещенского монастыря к Николо-Набережной церкви, но и на въездах в город.

«Кузнецы... делали в Муроме по домам 1000 стволов мушкетных из тульского железа... да... 600 копий железных... да 70 бердышей».

Сохранившиеся в краеведческом музее образцы оружия — мушкеты, бердыши, а также кольчужная ткань (найденная в Штабном овраге), подтверждают высокий уровень искусства кузнецов-оружейников.

Образцы замков, ключей, дверных петель, ручек, накладок, а также кованые металлические детали дубовых сундуков и подголовников также могут подтвердить, что в Муроме была создана своеобразная школа мастеров кузнечного дела, сумевших заставить заговорить языком искусства простое железо, которое, кстати, добывалось и вырабатывалось на заводах вблизи Мурома.

И. Кириллов в книге «Цветущее состояние всероссийского государства в 1727 году» упоминает два железоделательных завода: «О заводах. В Муромском уезде имеются заводы: первый, Действительного Статского Советника князя Алексея Черкасского, человека Петра Александрова.

Второй, казенной слободы Потапа Клюева, да елатомца Семена Халтурина».

ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ МУРОМСКОГО КРАЯ

Архитектура Мурома оказала большое влияние на архитектуру прилегающих к городу селений. Особого внимания заслуживает Борисоглебский монастырь, расположенный в 18 километрах от города на берегу реки Ушны на старой Вязниковской дороге. Монастырь построен в живописной местности, между высоким коренным берегом Оки, перерезанным глубокими оврагами с одной стороны, и поймой реки с богатыми и плодородными землями и колоссальными массивами хвойных и смешанных лесов, имевших до последнего времени промышленное значение, — с другой.

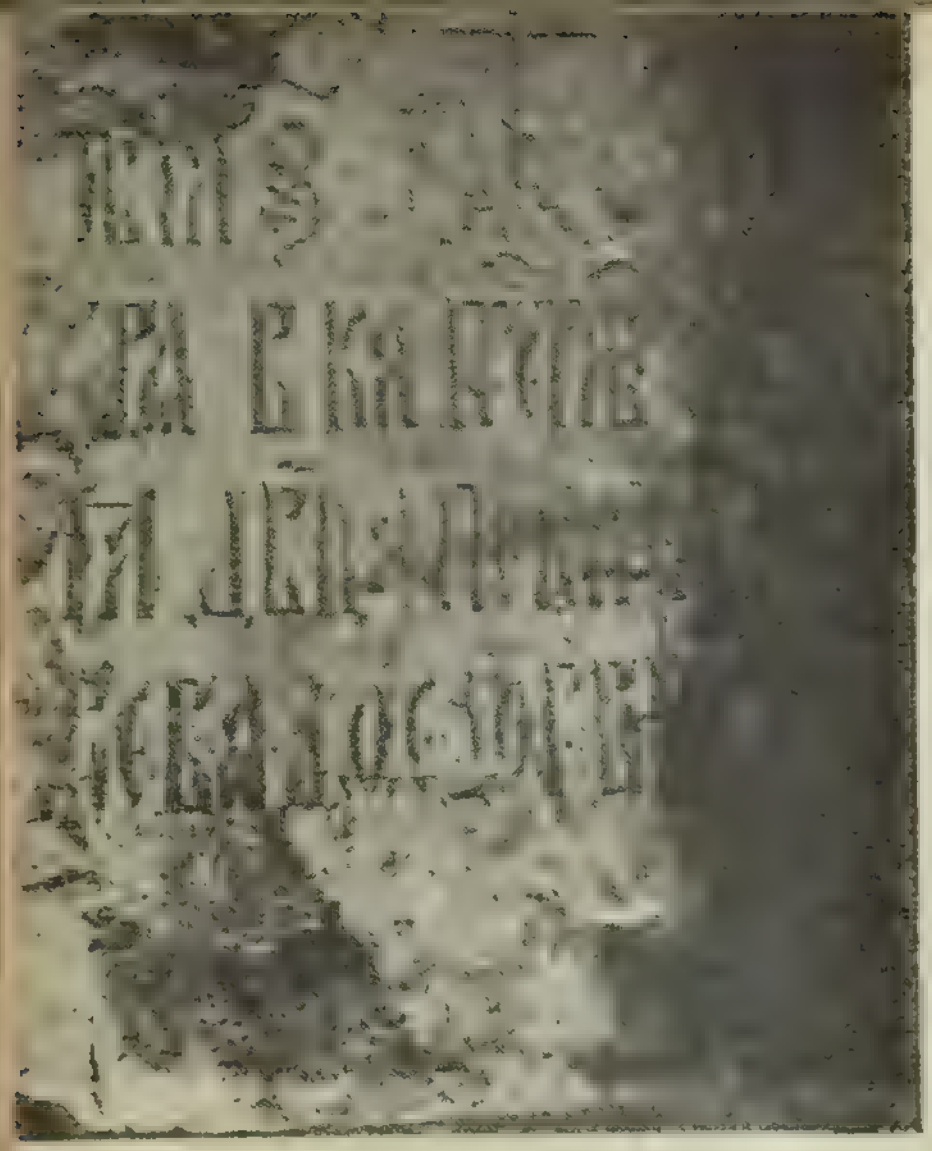
На половине пути от Мурома до села Борисоглеб, выросшего после закрытия монастыря в 1764 году, расположено село Чаадаево, вблизи которого в так называемом «Чаадаевском городке» длительное время (более 50 лет) скрывались оставшиеся после разгрома города татарскими ордами жители города. В настоящее время «Чаадаевский городок» не имеет вблизи лесного массива, но, по всей вероятности, в XII—XIII веках в этом месте были непроходимые муромские леса.

Возникновение Борисоглебского монастыря вблизи Мурома связано с распространением в XIV столетии идеи объединения национальных сил для борьбы с татарами. Характерно, что в это время на окраинах Руси возникает значительное количество подобных монастырей.

Первое такое известие о Борисоглебском монастыре относится к XIV веку, когда «в лето 6853 (1345) преставился князь Муромский Василий и положен был в его отчине в Муроме в церкви св. Бориса и Глеба в монастыре на Ушне при митрополите Феогносте».

По всей видимости, монастырь возник на месте укрепленного загородного дворца муромского князя Глеба, играя с древних времен роль аванпоста на подступах к Мурому.

Согласно писцовым книгам Муромского уезда за 1628—1629 гг.,



Борисоглебский монастырь. Надгробный камень над могилой Борисовых

можно составить впечатление о богатстве монастыря. «В монастыре церковь св. благоверных великих князей Бориса и Глеба древяна клецки на подклетех». Упоминается и другая деревянная церковь — Флора и Лавра. В обеих церквах отмечается богатство икон, церковной утвари, рукописных и печатных книг.

«Близь монастыря сельцо Борисоглебское, в нем двор попов, дьячков и просвирницын, 35 дворов служек монастырских».

Так как на территории Борисоглебского монастыря имеется несколько захоронений Борисовых, не исключено, что строителями монастырских церквей были те же Борисовы (или их близкие родственники), которые принимали участие в строительстве Троицкого монастыря в Муроме и сделали богатые вклады в Благовещенский собор, о чем уже упоминалось.

Одно из напрестольных евангелий, по всей видимости после закрытия Борисоглебского монастыря, было передано в Богородицкий собор в Муроме. По краям верхней серебряной доски имеется следующая надпись: «л. 7189 (1681) в 15 день сентября, в Борисоглебский мон., в церковь Рождества Христова стольник Стефан Дмитриев Борисов». Известно также, что это евангелие отпечатано в 1677 году при царе Федоре Алексеевиче.

Несмотря на то, что ансамбль Борисоглебского монастыря находится в полуразрушенном состоянии и из трех замечательных сооружений — церквей Рождества (1648), Вознесенской с приделом Бориса и Глеба (около 1681) и Никольской (1699) — в настоящее время сохранилась лишь церковь Рождества (отремонтированная Владимирской специальной реставрационной мастерской в 1966 году), имеющиеся фотографии и руины Вознесенской и Никольской церквей говорят о том, что в XVII столетии монастырь был одним из замечательных ансамблей вблизи Мурома.

В северной части монастыря располагалась Вознесенская церковь, которая по своим архитектурным формам очень близка к сооружениям Благовещенского, Троицкого и Воскресенского монастырей в Муроме, хотя в отличие от них ее формы и архитектурные детали решены менее изящно.

Вознесенская церковь — каменная, пятиглавая, кубической формы.

Стены лопатками-пилястрами были разделены на три равные части. Над капителями, состоящими из трех полочек и пояса, перекинуты полуциркульные арки, которые, возможно, сначала были задуманы как закомары. Затем церковь была перекрыта четырехскатной кровлей. Наружный пояс арки в вершине расщеплен (вспарушен), щипцы подпирают карниз кровли. Цилиндрические барабаны находятся на подставках в виде четырех вспарушенных кокошников, опирающихся на небольшие стенки, верхняя часть цилиндров боковых барабанов декорирована тянутыми карнизами, а в карнизе центрального барабана имеется пояс кронштейнов-сухариков. Главы луковицеобразной формы завершались изящными позолоченными крестами. Стены декорированы двумя ярусами проемов и ниш, обрамленных богатыми наличниками в виде полуколонок, перекрытых кокошничками. При этом окна расположены не симметрично по отношению к пилястрам, часть пилястр не доходит до цоколя и либо обрывается в середине этажа, либо опирается на небольшую базу, в свою очередь опирающуюся на выступ в стене между первым и вторым ярусами. Это дает повод думать о том, что Вознесенская церковь строилась, по меньшей мере, в два этапа разными исполнителями. В свою очередь детали обрамления окон второго яруса очень близки к деталям окон западного фасада Благовещенского собора в Муроме. Близки по форме и сами проемы, вытянутые по высоте и перекрытые трехцентровыми арками. Обращает на себя внимание сохранившийся с южной стороны вход с перспективным порталом.

Центром архитектурной композиции Борисоглебского монастыря является церковь Рождества; подобно Вознесенской, она каменная, пятиглавая.

Главы глухие, очень небольшие по размерам, поставлены на пологую четырехскатную кровлю.

В отличие от многих муромских церквей того времени Рождественская церковь — двухэтажная, с двухэтажной трапезной. С северо-западной стороны к ней примыкает шатровая колокольня в три яруса. На четверики, разделенные по горизонтали тонким пояском, поставлен восьмерик, состоящий из вытесанных из кирпича полуколонок, соединенных полуциркульными арочками. Восьмигранный шатер с двумя слухами завершен небольшой главкой на тонкой изящной шейке.

Обращает на себя внимание декоративная обработка оконных проемов, выполненная либо из лекального, либо из тесаного кирпича. Особенно сложное украшение сделано вокруг небольшого проема второго яруса с западной стороны колокольни. Небольшой проем перекрыт трехцентровой арочкой, расположен в нише, образованной тремя тягами.

Между висячими полуколонками, опирающимися на консольки, и тягами по периметру проема размещен ряд бусин. В середину полуколонок вставлены также бусины. На колонки, соединенные карнизом, опи-

Рождественская церковь в с. Борисоглебе

Окно церкви

рается вспарушенный кокошник, состоящий из нескольких рядов тяг и бусинок.

Архитектурную композицию монастыря в 1699 году завершила Никольская церковь, расположенная в южной части монастыря.

В отличие от муромских церквей второй половины XVII века Никольская церковь сделана одноглавой. Благодаря галерее второго этажа, в какой-то мере повторяющей архитектуру трапезной Рождественской церкви, Никольская церковь, с одной стороны, композиционно увязывается с Рождественской, а с другой стороны, приближается к гражданским зданиям петровского времени.

Трехчетвертные полуколонки на углах восьмерика, резные по камню детали оконных обрамлений не имели себе подобных в муромской архитектуре. Переход от восьмискатной крыши к луковицеобразной главке осуществлен через два поставленных друг на друга восьмеричка, детали которых в меньших размерах повторяют детали основного восьмерика.

В настоящее время от Борисоглебского монастыря сохранилась лишь Рождественская церковь, так как Вознесенская и Никольская церкви в последние десятилетия разбираются на кирпич. И если Никольская церковь, находящаяся в руинах, уже не может быть восстановлена, то Вознесенская церковь, стены которой сохранились почти напо-

Георгиевская церковь
в с. Молотицы

ловину, еще может быть воссоздана в первоначальных формах и сохранена для потомства.

Одним из сохранившихся сооружений XVIII века вблизи Мурома является Георгиевская церковь в селе Молотицы, строительство которой было осуществлено в 1754 году помещиком Сергием Глебовским.

Архитектура Георгиевской церкви типична для этого времени. Четкая, почти классическая композиция. На основном кубическом объеме установлен восьмигранник, на пологой шатровой кровле которого располагается восьмигранный барабан с четырьмя окнами. Завершается храм луковичной главкой на восьмигранной шейке. Кубический объем узким карнизом разделен на две неравные части: на первом этаже два окна, обрамленные типичными для петровского барокко наличниками, состоящими из трехчетвертных колонок, завершенных разорванным треугольным фронтоном. На втором ярусе объема расположены три восьмигранные люкарны с тесанными из белого камня профилями. Углы объема, восьмигранник, барабан, шейка главы закреплены плоскими пилястрами-лопатками, с карнизами и базами. При этом детали карниза повторяются.

Алтарная часть с трехчастной абсидой и трапезная имеют окна несколько меньшие по размерам по сравнению с окнами основного объема, но детали наличников очень близки между собой.

Трехъярусная колокольня, соразмерная со всей церковью, перекрыта изящной по силуэту кровлей и имеет сложное по конфигурации заверше-

Троицкая церковь в с. Карачарово. Колокольня

ние в виде вазы, на которой установлена миниатюрная луковичная главка на восьмигранной шейке.

С южной стороны, вблизи города, располагалось два древнейших на муромской земле села — Карачарово (вошедшее с 1961 года в городскую черту) и Панфилово, в 2—3 километрах от Карачарова. К сожалению, до XVII века не имеется каких-либо известий об этих селах, хотя былинный эпос об Илье Муромце и упоминает Карачарово как родину Ильи Муромца.

Первое упоминание о Карачарове и Панфилове имеется в писцовых книгах 1629—1630 гг.

По окладным книгам 1676 года, в Карачарове наряду с деревянными Троицкой и Никольской церквами значится двор вотчинников, 187 крестьянских дворов, двор земского подьячего, 32 двора бобыльских и 6 дворов вдовьих.

Имевшаяся церковь Троицы выстроена в 1811—1828 гг. По писцовым книгам 1629—1630 гг. Панфилово значится за князем Юрием Янушевичем Сулешовым «за Московское осадное сиденье в королевичев приход под Москву».

В Панфилове также имелась деревянная церковь Вознесения.

Точной даты начала строительства каменной церкви не имеется, но из грамоты епископа Суздальского и Владимирского 1791 года видно, что в Панфилове имелась каменная Никольская церковь, которая была перестроена в 1810 году и расширена в 1892 году.

Строительство каменных церквей в Панфилове и Карачарове сыграло важную роль в завершении композиции подходов к Мурому с южной стороны от верховьев Оки. Хотя обе церкви наполовину потеряли свою архитектурную выразительность, сохранившиеся части их все-таки являются как бы созданным природой аванзалом при въезде в город. Исключительно живописно расположена Троицкая церковь в Карачарове. Великолепный силуэт перекрытого куполом холодного храма в сочетании с колокольней, выполненной по классическим канонам раннего ампира, белокаменные портики создавали незабываемое впечатление

Никольская церковь в с. Панфилово

о богатстве древнего Мурома. Не менее интересен был силуэт и села Панфилова с Никольской церковью, выполненной в архитектурных формах второй половины XVIII столетия и расположенной на территории своеобразного панфиловского «Кавказа», как называют панфиловцы то место, где расположена Никольская церковь и где в настоящее время находится центр села.

Нельзя не рассказать и об имении графов Уваровых, расположенном между Карачаровом и Муромом и являющемся одним из примеров усадебной архитектуры на муромской земле.

Дворец выполнен в типичных для русского классицизма конца XVIII века формах.

Расположенный на исключительно живописном высоком берегу Оки, восточным фасадом дворец ориентирован на старицу Оки, уходящую по пойме с дубовыми рощами к большому массиву лесов.

Южная сторона парка усадьбы заканчивалась обрывистым берегом глубокого оврага, где протекала небольшая речка, называвшаяся в середине XIX века Усачевкой. с северной стороны усадьба была ограничена также глубоким оврагом с обрывистыми берегами. С западной стороны к парадному фасаду дворца вела дорога, обсаженная аллеей деревьев, примыкавших к березовой роще.

Композиция дворца очень близка по своему приему к Останкинскому дворцу Шереметева: в центре основное здание, к которому через од-

Никольская церковь в с. Панфилово. Северный фасад

Окно абсиды

ноэтажные крытые галереи полуциркульной формы в плане примыкают боковые павильоны.

Основной объем в сочетании с павильонами и галереями образовывал парадный двор, в центре которого располагался фонтан. Конечно, дворец не был так великолепен, как Кусковский или Останкинский, но он являлся образцом загородного дворца.

Мы не располагаем в настоящее время данными об авторе этого замечательного произведения, однако в сооружении дворца Уваровых, принадлежавшего князьям Черкасским, мог принимать участие известный крепостной архитектор князей Черкасских Федор Аргунов, возглавлявший проектирование и строительство в Кускове и Останкине до 1768 года, или один из лучших его учеников — А. Ф. Миронов.

Архитектура дворца выполнена в строгих формах русского классицизма с применением классических ордеров и деталей.

На главном фасаде, обращенном на запад, несколько выдвинут вперед портик, состоящий из четырех пилястр-пилонов, между которыми перекинуты пологие арки. Парапет балкона глухой, с белокаменными прорезными вставками. Широкой лентой плоского карниза цокольный этаж отделен от второго парадного этажа.

Окна второго этажа арочные, вытянутых пропорций. Центральная часть здания подчеркнута также четырьмя пилястрами коринфского ор-

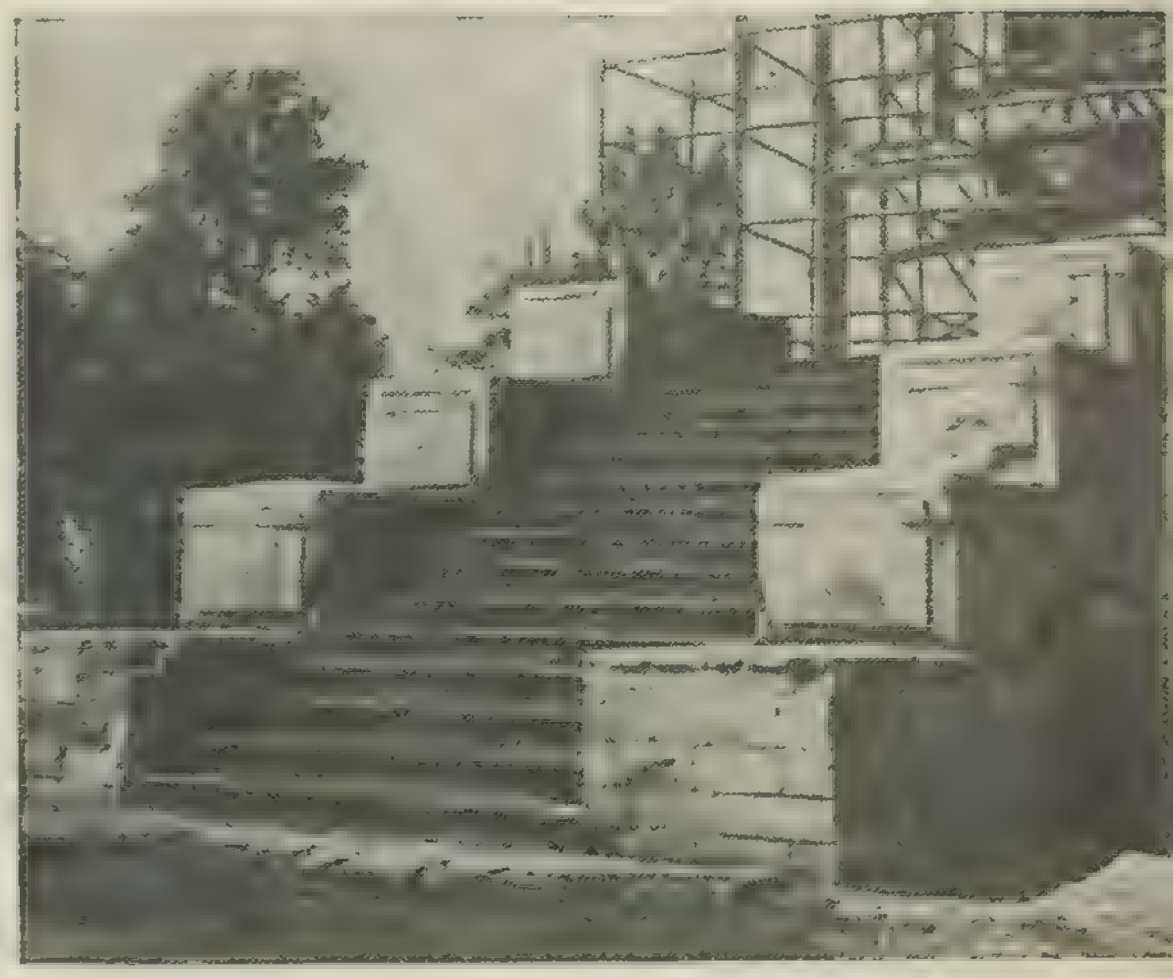
дера. На главной оси третьего этажа вкомпонована мансарда с тремя арочными близко поставленными друг к другу окнами на плоскости стены.

Восточный фасад, обращенный в сторону Оки, выполнен в более богатых формах, чем западный. Портик далеко выдвинут к реке, образуя большой балкон, с которого открывался прекрасный вид на заокские дали; белокаменная лестница спускалась каскадом на террасу парка. Полуциркульное окно мансарды завершало эту замечательную композицию. Боковые двухэтажные флигели с главным корпусом соединяются полуциркульными в плане галереями-оранжереями, в которых размещались субтропические растения и цветы.

Классическое обрамление входов в боковые флигели, выполненные в виде двух дорических пилястр, несущих карниз с сухариками и аттиком, подчеркивало их второстепенное значение.

Из вестибюля главного корпуса на второй парадный этаж вела трехмаршевая лестница с резным дубовым парапетом.

Весь дворец был насыщен художественными ценностями—француз-



Дворец Уварова. Западный фасад

Дворец Уварова. Парковая лестница

Дворец Уварова. Флигель

ские гобелены и немецкая мебель, севрский фарфор и мраморная скульптура, произведения живописи фламандской школы, Тьеполо, Доссо Досси, замечательных русских художников — Брюллова, Поленова, Архипова и других. Значительная часть этих ценностей в настоящее время хранится в Муромском краеведческом музее. И несмотря на то, что интерьеры претерпели изменения, общая композиция дворца подчеркивает талантливость зодчего, сумевшего минимальными средствами создать прекрасное произведение архитектуры.

Вместо заключения

Заканчивая знакомство с основными памятниками искусства XVI—XIX столетий в Муроме, следует еще раз подчеркнуть самобытность искусства древних мастеров.

Несмотря на уничтожение многих памятников временем и стихийными бедствиями, несмотря на гибель бесценных сокровищ искусства в огне пожаров во время татаро-монгольского нашествия, в XVI и XVII столетиях расцвело искусство и каменных дел мастеров-«муролей», и самопальных и броиных дел мастеров, чеканщиков и позолотчиков, подобных прославленному Никите Давыдову, и авторов повестей «О Петре и Февронии», «Ульянии Осорьиной», «Марфе и Марии», и изографа А. И. Казанцева, и знаменитых муромских калачников (благодаря им в 1781 году на муромском гербе появилось изображение трех крупитчатых калачей). Значение и роль Мурома как пограничного города выражены в замечательном произведении русского народного эпоса — былине об Илье Муромце, собирательном образе защитника русской земли.

Памятники архитектуры Мурома заставляют восхищаться мастерством безвестных муромских зодчих, которые в XVI и XVII веках создавали подлинные шедевры архитектуры. Отличительной особенностью творчества этого периода является простота и гармония, соразмерность отдельных частей с целым, связь зданий с природой.

В то время была создана ансамблевая застройка города, совершенная композиция которого еще многие годы будет привлекать внимание исследователей. Можно легко представить силуэт города XVI века, где на фоне деревянной застройки в свободном ритме возвышались Богородицкий собор и Козьмодемьянская церковь, Спасо-Преображенский и Благовещенский соборы. Архитектурные сооружения XVII века как бы дополнили прекрасную композицию сооружениями Троицкого и Воскресенского монастырей, Георгиевской, Николо-Зарядской и другими церквами, более мелкими по размерам, но более богатыми по силуэту. Архитектура XVII века, отвечая новым вкусам современников, несмотря на большое коли-

чество деталей, отличалась деликатностью сочетания со скульптурой и живописью, достигнув этим синтеза изобразительных искусств.

Нельзя не изумляться и тому, что строительство всех без исключения зданий в XVI, XVII, а затем и в XVIII столетиях осуществлялось с большим уважением к градостроительным принципам, с большим тактом по отношению к выстроенным ранее сооружениям. В большинстве случаев пристройки и строительство новых зданий не вступали в противоречие с уже существующими сооружениями, а как бы дополняли, развивали и совершенствовали архитектурную композицию. Ярким примером этого могут являться архитектурные ансамбли Благовещенского и Троицкого монастырей, которые фактически совершенствовались в течение столетий вплоть до начала XIX века.

При осуществлении генерального плана 1788 года в XIX веке город получил новый облик, он как бы раскинулся по реке своим главным фасадом. Городские ансамбли благодаря живописности Оки приобрели новое звучание. Особенно живописным стало восприятие города со стороны Нижнего Новгорода.

Со стороны Касимова панорама города воспринималась в комплексе с живописными и древнейшими селами муромской земли — Панфиловом и Карачаровом, сохранившиеся архитектурные памятники которых как бы начинали городской ансамбль.

Были прекрасные видовые точки и при подходе со стороны Владимира.

Нельзя не вспомнить о звуковом оформлении города. Известно, что звон колоколов муромских церквей был слышен в хорошую погоду на 20 километров. Особенно приятным звуком отличался тысячепудовый колокол Богородицкого собора, изготовленный на средства муромского купца Кознова в Ярославле.

В настоящем очерке не ставилось задачи воспроизведения всеобъемлющей истории города и развития искусства: архитектуры, живописи, прикладного искусства.

Была поставлена скромная задача создать обобщенный очерк состояния и развития искусства в эпоху его расцвета в XVI—XIX столетиях.

1100-летняя история Мурома оставила немногие замечательные произведения искусства, значительное их количество погибло либо в огне военных пожарищ IX—XVI столетий, когда город был форпостом на восточной границе русского государства, либо от варварства и бескультурья. Если бы сохранились памятники искусства XVI—XIX веков, Муром мог бы представлять не меньший интерес, чем Суздаль и Ростов.

Несмотря на это, сохранившиеся памятники и сейчас активно воздействуют на создание городского ансамбля древнего и вечно молодого города, являющегося одним из промышленных и культурных центров Владимирской области.

Словарь архитектурных терминов

АБАКА — верхняя часть капители колонны, как правило, в виде четырехугольной плиты.

АБСИДА (апсида) — алтарный выступ христианского храма, расположенный с восточной стороны.

АКАНТ — стилизованное изображение листьев тропического растения, применяемое в изобразительном искусстве (архитектуре, живописи, скульптуре), является неотъемлемым декоративным элементом капители коринфского ордера.

АКРОТЕРИЙ — декоративная деталь на стыке нижней части фронтона и кровли.

АЛТАРЬ — восточная часть христианского храма, расположенная в абсиде и отделенная от остальной части здания иконостасом.

АМПИР — архитектурный стиль первой четверти XIX века во Франции со стремлением к строгой монументальности, применением военных эмблем в архитектурных деталях и богатством интерьеров.

АНТАБЛЕМЕНТ — верхняя часть классического архитектурного ордера, расположенная на колоннах.

АНФИЛАДА — ряд смежных помещений с дверными проемами, расположенными на одной оси.

АРКА — криволинейное перекрытие пролета; известна в архитектуре Древнего Востока (3000 лет до н. э.).

АРКАДА — ряд арок, опирающихся на столбы или колонны.

АРКАТУРНЫЙ ПОЯС — ряд декоративных арочек, расположенных на стене здания; характерны для владимиро-суздальской архитектуры.

АРХИТЕКТОНИКА — соотношение главного и подчиненного элементов архитектурного здания или сооружения.

АРХИТРАВ — нижняя часть антаблемента.

АТТИК — декоративная стенка, расположенная над венчающим карнизом.

БАЗА — основание колонны архитектурного ордера.

БАЛКА — несущая часть здания или сооружения, соединяющая не менее двух точек опоры, в большинстве случаев прямоугольного сечения.

БАЛКОН — площадка с ограждением, выступающая за пределы стены здания.

БАЛЮСТРАДА — ограждение, состоящее из балясин, перекрытых перилами.

БАЛЯСИНА — декоративный элемент балюстрады, являющийся частью ограждающей конструкции.

БАРАБАН — цилиндрическая или многогранная часть церковной главы, расположенная непосредственно на перекрытии церкви.

БАРЬЕР — ограждающая конструкция в виде решетки, перил.

БАШНЯ — отдельно стоящее здание или часть здания, высота которого является преобладающей над рядом расположенными сооружениями.

БОЙНИЦА — щелевидное отверстие в крепостной стене для ведения боя или для наблюдения.

БОЧКА — криволинейное сводчатое перекрытие здания, имевшее распространение в русской архитектуре XVII века.

ВОЛЮТА — часть капители ионического ордера в виде спирали Архимеда.

ИЗРАЗЦЫ — керамические глазурованные плитки, применявшиеся в древнерусской архитектуре XVII века в виде декоративных цветных вставок.

ИКОНОСТАС — отделяющая алтарь от церкви преграда, на которой в несколько ярусов компоновались иконы.

ИНТЕРЬЕР — внутреннее пространство здания или сооружения.

ИОНИЧЕСКИЙ ОРДЕР — один из 3 основных архитектурных ордеров, канелированный ствол колонны которого установлен на базе и увенчан капителью, состоящей из волют в виде спирали.

КАННЕЛЮРЫ — вертикальные неглубокие желобки на стволе колонны или пилястры.

КАПИТЕЛЬ — верхняя часть колонны или пилястры.

КАРНИЗ — верхняя выступающая часть антаблемента, предохраняющая стены здания от стекающей с кровли воды.

ГАЛЕРЕЯ — узкое помещение, пристроенное вдоль здания.

ГЛАВА — декоративная деталь, завершающая церковное здание.

ГЛАЗУРЬ — стеклообразный слой, покрывающий керамические изделия.

ГРИФОН — изображение фантастического животного с туловищем льва, орлиными крыльями и головой орла или льва.

ДОРИЧЕСКИЙ ОРДЕР — наиболее простой архитектурный ордер, каннелюрованный ствол колонны которого не имеет базы; венчающая колонну капитель состоит из эхина и абака, фриз разбит на метопы и триглифы.

ЖЕРТВЕННИК — столик в алтаре православной церкви для совершения обряда проскомидии.

ЗАКОМАРА — полуциркульное или килевидное завершение наружных стен древнерусского храма, отвечающее цилиндрическому своду.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ — деление отрезка на две части таким образом, что большая часть относится к меньшей, как весь отрезок к большей части: $\frac{AB}{BC} = \frac{AC}{AB}$ или приближенно это отношение равно $\frac{8}{5} = 1{,}6$.

КАРТУШ — скульптурное украшение в виде щита или полуразвернутого свитка с эмблемой.

КОКОШНИК — декоративное полуциркульное или килевидное завершение наружных стен, типичное для древнерусской архитектуры XVII века.

КОЛОННА — вертикальная опора, являющаяся основным конструктивным и элементом архитектурного ордера, несущая основную нагрузку.

КОЛОННАДА — ряд колонн, находящихся в композиционной связи друг с другом и объединенных замыслом архитектора.

КОЛОРИТ — система цветовых отношений, построенная на сочетании теплых и холодных тонов.

КОНСОЛЬ — архитектурная конструкция, выступающая за плоскость опоры (стены, колонны).

КОНТРФОРС — конструктивный прием усиления несущей конструкции (стены, подпорной стенки и др.) в виде выступа, расширяющегося книзу.

КОНФИГУРАЦИЯ — взаиморасположение отдельных частей здания или сооружения.

КОРИНФСКИЙ ОРДЕР — один из архитектурных ордеров с коринфской капителью, основной деталью которой являются аканфовые листья.

КРОНШТЕЙН — то же, что и консоль: опора, выступающая за плоскость стены, колонны, принимающая нагрузку выше расположенной конструкции.

КУПОЛ — сводчатое перекрытие пространства в виде полушария, сегмента шара и т. д., возводится чаще всего на барабане или на квадратном основании с переходом при помощи парусов или тромпов.

ЛОДЖИЯ — часть здания, открытого с одной или нескольких сторон, в виде балкона или портика, наружная сторона которого является аркадой или колоннадой.

ЛОПАТКА — декоративный выступ стены без элементов ордерной системы (капитель, база), упрощенная пилястра.

ЛЮНЕТ — окно, имеющее форму круга или многоугольника.

МЕТОПЫ — часть фриза в дорическом ордере в виде квадратных углублений.

МОДУЛЬОН — часть фриза в коринфском ордере, поддерживающая карниз.

НАЛИЧНИК — декоративное обрамление оконных и дверных проемов, закрывающее место примыкания коробки к стене.

ПЕРВЮРА — выступающая из свода арка, облегчающая свод.

НИША — углубление в стене здания, имеющее либо декоративно-художественное, либо практическое значение.

ОБРЕШЕТКА — часть покрытия здания, к которой прикрепляется листовая кровля.

ОРДЕРА АРХИТЕКТУРНЫЕ — системы несущих художественно обработанных стоечно-балочных конструкций, имеющих характерные для каждого ордера отношения частей (карниз, фриз, архитрав, капитель, ствол колонны, база).

ОРНАМЕНТ — живописный, графический или скульптурный узор с использованием геометрических, растительных или животных мотивов, применяемый для украшения здания или предмета.

ПАЛАТА — древнерусское название дворца, помещения для приемов и празднеств.

ПАЛАТКА — каменная постройка для хранения ценностей.

ПАНДУС — наклонная плоскость, устраиваемая вместо лестницы.

ПАРАПЕТ — ограждение в виде низкой стенки.

ПАРУС — часть свода в виде сферического треугольника для осуществления перехода от квадратного в плане сооружения к куполу.

ПЕРИМЕТР — сумма длин всех сторон многоугольника.

ПЕРИПТЕР — колоннада вокруг прямоугольного в плане здания.

ПИЛОН — прямоугольный в плане столб, имеющий либо конструктивное, либо декоративное значение.

ПИЛЯСТРА — плоский вертикальный выступ на стене здания, имеющий детали архитектурного ордера.

ПЛАН — условное изображение в масштабе предмета, здания или местности в проекции сверху.

ПОДКЛЕТ — в древнерусской архитектуре цокольная часть здания.

ПОРТАЛ — монументальный вход в здание с обрамлением в виде колонн, пилястр, архивольтов и других архитектурных деталей.

ПОРТИК — колоннада, перекрытая фронтоном, обычно расположенная перед главным входом в здание.

ПРЕСТОЛ — высокий столик в алтаре церкви для освящения так называемых святых даров.

ПРОЛЕТ — расстояние между несущими опорами или стенами.

ПРОПОРЦИИ — определенная соразмерность частей здания или сооружения, представляющая целостность архитектурного сооружения.

РИГЕЛЬ — конструктивный элемент здания для усиления конструкции стены или ослабления распора, работающий на растяжение.

РОЗЕТКА — орнамент в виде цветка, вписанного в круг.

РОТОНДА — парковое сооружение, круглое в плане, окруженное колоннадой.

РУСТ — блок из естественного облицовочного камня, кирпича, штукатурки; рустованные фасады зданий были распространены в эпоху Возрождения (палаццо).

СВОД — арочная несущая конструкция, позволяющая перекрывать пространство между опорами или стенами здания или сооружения.

СТИЛОБАТ — основание здания или сооружения в виде пьедестала или ступени.

СТРОПИЛА — несущая часть покрытия здания.

СУХАРИКИ — упрощенная форма кронштейна в виде бруса.

ТЕРРАКОТА — керамическое изделие теплого тона.

ТРАПЕЗНАЯ — часть церковного здания или помещение в монастыре, где размещался общий стол для приема пищи.

ТРИГЛИФ — часть фриза в дорическом ордере в виде выступающей плиты с тремя вертикальными углублениями.

ТРОМП — арочный свод с вертикальной стенкой, предназначенный для перехода от прямого угла здания к куполу.

ФАСАД — наружный вид здания.

ФЛИГЕЛЬ — небольшое здание, входящее в комплекс усадебной застройки, расположенное на некотором расстоянии от основного здания («на отлете»).

ФРИЗ — часть антаблемента между карнизом и архитравом, имеющая, как правило, насыщенное декоративное украшение.

ФРОНТОН — верхняя часть здания, расположенная над карнизом в виде треугольника или сегмента, декоративная деталь над оконным или дверным проемом.

ХОРЫ — галерея или балкон в церкви для размещения хора.

ЦОКОЛЬ — часть здания, являющаяся переходом от фундамента к стене, обычно расширенная по отношению к стене здания.

ШАТЕР — покрытие здания в виде пирамиды.

ШИРИНКА — прямоугольное углубление в плоскости стены здания, окаймленное профилированной тягой из кирпича.

ШПИЛЬ — остроконечный стержень, завершающий кровлю здания, имеющего высотную композицию.

ЭКСЕДРА — то же, что и абсида (апсида).

Литература

БОГАТОВ П. П. Город Муром в VIII—XVI веках. Муром, Владимирский областной отдел культпросветработы, 1947.

БРУНОВ Н. Н. История русской архитектуры. Краткий курс. М., Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951.

БУНИН А. В. История градостроительного искусства, т. I. М., Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953.

ГРАБАРЬ И. Э. История русского искусства. Архитектура, тт. 1, 2. М., Издание И. Кнебель, 1908.

ГРАБАРЬ И. Э. Русская архитектура первой половины XVIII века. М., Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1954.

ГУДЗИЙ Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. М., Учпедгиз, 1952.

ДОБРЫНКИН В. Н. Муром прежде и теперь. М., Русская художественная типография Д. И. Корпатовского, 1903.

ДОБРЫНКИН В. Н. Муромский Богородицкий собор. Историко-археологическое описание. Владимир, типография губернского правления, 1916.

ДОБРЫНКИН Н. Г. Державные гости в городе Муроме (1445—1837 гг.). Владимир, Владимирская губернская типография, 1887.

ДОБРЫНКИН Н. Г. Памятники древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме. Владимир, типография губернского правления, 1892.

ЗОТОВ А. Н. и СОПОЦИНСКИЙ О. Н. Русское искусство. Исторический очерк. М., изд. Академии художеств СССР, 1963.

ИВАНОВ В. Н., МАКСИМОВ П. Н., ТОРОПОВ С. А. Сокровища русской архитектуры. М., Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1950.

МИХАЙЛОВ Б. П. Всеобщая история архитектуры, т. 2. М., Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953.
МИШУКОВ Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении. М., «Искусство», 1954.
МОНГАЙТ А. Л. Муром. М., Издательство Академии архитектуры СССР, 1947.
МНЕВА Н. Е. Искусство Московской Руси. М., «Искусство», 1965.
«Муром (историко-экономический очерк)». Владимир, Владимирское книжное издательство, 1962.
ОЛЕАРИЙ АДАМ. Описание путешествия в Московию. СПб., издание А. С. Суворина, 1906.
ОСМОЛОВСКАЯ Н. Ценный памятник древнерусского искусства. «Искусство», 1966, № 6.
ПОСТНИКОВА-ЛОСЕВА М. М. Золотые и серебряные изделия мастеров Оружейной палаты XVI—XVII веков. М., «Искусство», 1954.
СМИРНОВА Э. С. Культура Древней Руси. Л., «Просвещение», 1967.
ТВЕРСКОЙ А. М. Русское градостроительство до конца XVII века. М.—Л., Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953.
ТИТОВ А. А. Историческое обозрение города Мурома. Владимир, типолитография губернского правления, 1901.
ТИХОНРАВОВ К. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М., университетская типография, 1857.
ТРАВЧЕТОВ Н. П. Город Муром и его достопримечательности. Владимир, типолитография губернского правления, 1903.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Страницы истории 9
Архитектурные памятники XVI века . 14
Архитектурные памятники XVII века . 28
Архитектурные памятники XVIII века . 67
Архитектурные памятники начала XIX века 86
Муромцы — искусные ремесленники . 92
Памятники архитектуры Муромского края 109
Вместо заключения 119
Словарь архитектурных терминов . . 121

Николай Андреевич Беспалов

МУРОМ

Памятники искусства

XVI—начала XIX в.

Редактор Л. Галкина
Художественный редатор В. Усов
Художник Г. Никитин
Технический редактор В. Панфилова
Корректор Г. Соколова

Сдано в набор 7 мая 1969 г. Подписано к печати 7 мая 1970 г. Формат бумаги 70×90/16. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 9,36. Уч.-изд. л. 8,562. Заказ 1730. Тираж 30000. Цена 54 коп. АК 06094

Верхне-Волжское книжное издательство Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ярославль, ул. Трефолева, 12.

Типография № 2 Росглавполиграфпрома. г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.